

ЛИТЕРАТУРА ПРИКАМЬЯ

ХРЕСТОМАТИЯ ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

ЛИТЕРАТУРА ПРИКАМЬЯ

Хрестоматия для начальной школы

ББК 84(2Рос-Рус)1+84(2Рос-Рус)6+84.2
Л 64

Составители

О.П. Суркова, Н.П. Петрова

**(Пермский государственный педагогический университет,
кафедра методики начального образования)**

Составители и издатели хрестоматии ставили своей целью познакомить младших школьников с чрезвычайно богатой и многокрасочной картиной литературы, которую можно называть «литературой Прикамья» по месту создания и бытования, по месту рождения или жизни тех, кто ее творил.

На основе этой хрестоматии учитель может составить свою программу чтения в зависимости от сформированности читательских умений в классе, от структуры и возможностей учебного процесса.

Рецензенты В.А. Захарова, Н.Н. Гашева

**Рекомендовано научно-педагогическим советом
департамента образования и науки администрации
Пермской области в качестве учебного пособия
(протокол № 4/1 от 25.05.00)**

Издание третье

ISBN 5-93824-001-8

© О. П. Суркова, Н. П. Петрова, составление, 2002
© «Книжный мир», Пермь, 2002

ЛИТЕРАТУРА ПРИКАМЬЯ

ХРЕСТОМАТИЯ ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Учебное пособие

**ПЕРМЬ
«КНИЖНЫЙ МИР»
2002**

Слово к читателям

ДОРОГИЕ МАЛЬЧИКИ И ДЕВОЧКИ!

Наша книга называется «Литература Прикамья».

Прикамье – Пермская область, через которую протекает полноводная красавица Кама.

Прикамье – это сотни городов, посёлков, сёл и деревень!

Прикамье – это рабочие и земледельцы, учёные и студенты, артисты и писатели, врачи и учителя.

Прикамье – это тысячи школьников!

Для вас, учащихся начальных классов, составлена эта хрестоматия – сборник произведений писателей Пермской области.

Слово «хрестоматия» в переводе с греческого означает «изучаю хорошее, полезное». В эту книгу действительно вошло очень много хорошего и полезного. Вы прочитаете рассказы, стихи, отрывки из романов и повестей, познакомитесь с легендами, сказками, которые созданы народами, населяющими Пермский край.

Читая одни произведения, вы будете радоваться светлому и доброму в нашей жизни. Другие стихи или рассказы вызовут у вас чувства гордости и печали, потому что они рассказывают о войне, о тяжёлых боях или чьём-то трудном детстве. А есть произведения, которые заставят удивиться, рассмеяться или хотя бы улыбнуться.

Вы узнаете, какие интересные и какие разные писатели и поэты жили и живут сейчас, в одно с вами время, на земле Прикамья. Каждый из них по-своему выражает свою любовь к нашей большой и малой Родине. Пусть эта любовь найдёт отклик и в вашей душе.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Для тех, кто учится
в 1-м или во 2-м классе

ЛЕГЕНДЫ, СКАЗКИ, ПЕСЕНКИ, СЧИТАЛКИ, ПОТЕШКИ НАРОДОВ ПРИКАМЬЯ

У нас в Прикамье — более восьмидесяти разных народов. Живут они дружно и нераздельно, но у каждого народа есть свой язык, своя история, своя культура. У каждого — свой фольклор.

Ф о л ь к л о р — народное поэтическое творчество. Это легенды, сказки, песни, пословицы, загадки, которые появились очень давно, когда ещё не было письменности. Они передавались из уст в уста. Бабушки рассказывали и пели их своим внукам, а те — своим. Миновали столетия. Учёные собрали произведения устного народного творчества, писатели их обработали.

Фольклор народов, населяющих Пермский край, — бесценная часть литературы Прикамья.

Ты прочитаешь некоторые сказки, детские песенки и считалочки только нескольких народов.

Подумай, чем эти произведения отличаются друг от друга, а в чём схожи.

Какие человеческие качества в фольклоре любого народа воспеваются, а какие — высмеиваются?

Каких героев известных тебе русских сказок напоминают действующие лица сказок других народов?

ПЕРА И ЗАРАНЬ

Коми-пермяцкая легенда

Высоко-высоко над землёй, на небе, жили бог Ен и его дочь Зарань. Тихо и спокойно текла их жизнь. Вокруг было одно небо – ровное, голубое, ни гор высоких на нём, ни оврагов глубоких, ни рек текучих, ни лесов дремучих – ничего нет.

Скучно стало Зарани на небе.

Смотрит она вниз на землю. А земля не то что небо: в одном месте зеленеет лесами, в другом желтеет полями, и реки по ней бегут, и леса стоят, и горы возвышаются.

Смотрела, смотрела Зарань на землю и однажды сказала Ену:

– Отец, мне скучно здесь, пусти меня землю посмотреть.

– Чего там смотреть, – недовольно проворчал Ен. – Плохо на земле: горы, да овраги, да дремучий лес – парма, а в нём бродят свирепые звери медведи.

Не пустил Ен дочку на землю.

Прошёл день, другой, третий, а у Зарани из головы не выходят мысли о земле. Всё думает она, каковы горы и овраги, что такое дремучий лес – парма. Очень хочется ей увидеть всё это своими глазами. Даже медведи не пугают. «Авось, – думает, – не тронут они меня». Но как попасть на землю?

Тут увидела Зарань радугу, которая через всё небо перекинулась, до земли достала и пьёт воду из лесной реки.

– Радуга, радуга, позволь мне по твоей спине с неба на землю сойти, – попросила Зарань.

– Иди, – ответила радуга, – только спеши: я как напьюсь, так сразу поднимусь в небо.

Побежала Зарань по спине радуги вниз, но не успела

добежать до земли: радуга напилась и поднялась в небо.

Досадно стало Зарани. С тех пор Зарань, что бы ни делала, всё время поглядывала: как там радуга, не пьёт ли опять воду из земной реки?

И когда однажды радуга снова наклонилась к реке, Зарань со всех ног пустилась бежать по её полосатой спине.

На этот раз она успела пробежать весь путь и ступила на зелёную землю.

Вдруг она слышит, кто-то её спрашивает:

– Кто ты такая?

Видит Зарань: перед ней стоит молодой парень в красной одежде из пушистого меха.

– Я Зарань, дочь бога Ена. А ты кто?

– Я охотник, хозяин здешних мест, а зовут меня Пера. Зачем ты спустилась с неба сюда?

– Скучно мне на небе, хочу посмотреть на землю.

– Что ж, будь гостьей, покажу тебе всю земную красоту.

Повёл охотник Пера девушку по своим владениям, показал ей леса и поляны, горы и доли, реки шумные и ручьи светлые. Очень понравилась Зарани парма, и Пера ей понравился.

– Хочу я подольше пожить в твоих владениях, – говорит она Пера.

– Оставайся насовсем, – отвечает ей Пера, – пусть моя земля будет твоей.

И осталась дочь бога Ена жить на земле.

Тем временем хватился бог Ен дочери, а её нет. По всему небу он искал – не нашёл. Глянул на землю и увидел свою дочь Зарань в доме земного человека на берегу реки.

Приказал Ен радуге наклониться к земле и говорит:
– Возвращайся, дочь, скорее домой.

А та отвечает:

– Не хочу на небо, я хочу жить на земле.

– На земле ты будешь жить в тёмном лесу, ходить узкими звериными тропами, есть грубую земную пищу.

– Всё равно я останусь на земле.

– Тебе придётся терпеть лишения и нужду, тяжёлый труд и болезни. Одумайся, пока не поздно.

Поглядела Зарань на Перу и ответила отцу:

– Нет, я больше никогда не вернусь на небо.

Рассердился Ен и напустил на землю великую жару. От этой жары поникла трава на лугах, листья на деревьях пожухли, высохли реки и речки, но на самом дне глубокого оврага остался один маленький родничок, он и поил всё живое.

Перетерпели Пера и Зарань

великую жару, а Ен шлёт новое испытание: обрушил на землю невиданные ливни. Затопила вода все низины, затопила все низкие горы, затопила высокие. Но Пера и Зарань построили плот и спаслись.

Спала большая вода, пошла было жизнь по-прежнему. Но Ен придумал новое наказание: он увёл от земли солнце, наступила на земле стужа, повалил снег, замелазавыла метель, земля погрузилась во мрак.

Но скрылись Пера и Зарань в чаще пармы. Парма скрыла их от ветра и холода, в парме охотник Пера добывал дневное пропитание.

Долго не пускал Ен солнце освещать и греть землю, а когда оно вернулось на прежний свой путь и снова осветило и согрело землю, посмотрел Ен вниз и глазам своим не поверил.

На берегу большой реки, радуясь солнцу, пели и плясали люди, целое племя. И была среди них женщина, которую они все называли матерью. Была она такая же ясноглазая, как его дочь Зарань, только волосы у этой женщины были не золотистые, а седые.

– Скажи мне, женщина, кто ты такая? – спросил Ен.

– Я твоя дочь Зарань, – ответила она.

– А кто эти люди, которые веселятся вокруг тебя?

– Это наши с Перой дети, а твои внуки.

Так на земле появилось племя Перы – предки коми-пермяков.

РУССКИЕ ДЕТСКИЕ ПЕСЕНКИ

По мотивам уральского фольклора

У НАС ПОЛНЫЙ ДОМ РЕБЯТ

У нас полный дом ребят.
Все в окошечки глядят,
Все по лавочкам сидят,
Кашу с маслицем едят.

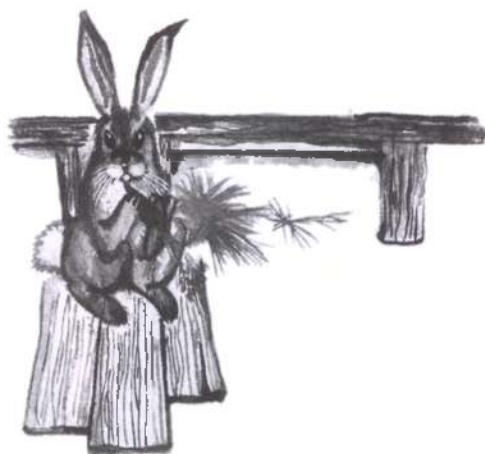
Каша масленая,
Ложка крашеная,
Завитушками
Разукрашенная.

Ложка гнётся,
Рот смеётся,
Душа радуется!

СЧИТАЛОЧКА

Бички, убички,
Кустик голубички,
Семь костров
Сосновых дров.

Заяц-месяц
Сорвал травку,
Положил
К себе
Под лавку.
– Кто взял?
– Я взял.
Стук!
    Стук!
        Стук!

ВАНЕЧКА-МАЛЬЧИК

Ванечка-мальчик
На мостик, на крайчик
Утром выходит,
Карасиков ловит,
Матушку кормит,
Отца угощает,
Потчует
Дедушку с бабушкой!

РАЗ, ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ

Раз, два, три, четыре,
Меня грамоте учили:
Не читать, не писать,
Только прыгать и плясать.
Я плясала, я плясала,
Себе ножку поломала
И сижу на лавочке,
Кричу родимой мамочке:

«Раз, два, три, четыре, пять!
Надо доктора позвать!
Пусть верхом на балалайке
Он примчит, как в таратайке,
Да ударит во струну,
Брякнет в тоненькую,
Я опять тогда начну
Пляску новенькую!»

КАТИНЫ ЛАПОТКИ

Катенька, Катюшенька,
Хлопотунья, душенька,
В лесу лыка нарвала,
Себе лапти сплела,
Да братишкам
По лаптишкам,
Да сестрѣнкам
По лаптѣнкам...
А для соседа Фомки
Не стала плестъ лаптѣнки –
Он по лужам прямиком
Любит бегать босиком!

БАШКИРСКИЕ ДЕТСКИЕ ПЕСЕНКИ

ЧУДЕСНАЯ КАМЫШИНКА

Камышинкой тонкой-тонкой
Я ударил в землю звонко,
И ручьями на луга
Побежали с гор снега.

В тёплом поле плуг сверкает,
В роще зяблик запекает, –
С ним поёт весь белый свет:
– Прочь, зима!
Весне привет!

АКБУЗАТ

Акбузат – мой конь задорный,
Конь задорный с гривой чёрной,
По седлу светлым-светло
Так и льётся серебро.

Взгляд коня – огонь лучистый,
Ну а сам он – золотистый;
Золотистый, со звездой,
Акбузат – мой конь гнедой.

В новой сбруе есть и красный,
Есть и синий-синий цвет...
Все, кто глянут,
Скажут: – Ясно!
На земле коня прекрасней
Ещё не было и нет!

ГОЛОСА

Ласковые гулюшки:

– Гур-гур-гур!

Степенные воронушки:

– Кар-кар-кар!

– Чик-чирик! – воробушек

Щебечет на скаку,

А за рекой кукушечка

Куёт своё: – Ку-ку!

И только наша ласточка

Разок сказала: – Чок!

Уселась над окошечком

И – молчок;

Всё смотрит:

Где тут гнёздышко

Прилепить на брёвнышко?

ТАТАРСКИЕ ДЕТСКИЕ ПЕСЕНКИ

ЗАГЛЯНИ К НАМ, СОЛНЫШКО

Сквозь оконце-стёклышко
Загляни к нам, солнышко!
Каши пшённой наварю,
Чудо-ложку подарю!

Пусть пшено в амбаре,
А ложка на базаре,
Да нам её мой тятенька
Купит обязательно.

Возьмёшь ту ложку в ручку –
Зима уйдёт за тучку!
Каши ложкою хлебнёшь –
Сразу лето к нам вернёшь!

ПОЧЕМУ НЕ УМЫЛАСЬ СТАРУШКА

Отчего же так случилось,
Что старушка не умылась?

Не стряслось бы той беды,
Кабы в дом чуть-чуть воды...

Вот пошла бы дочь на пруд,
Вмиг вода была бы тут!

Ну а дочка не пошла –
Коромысла прождала.

Сделать это коромысло
Обещал отец ей быстро.

Да и сделал бы его.
Если б было из чего!

Тут нужна всего жердинка,
Вроде той, что по тропинке
Мимо окон нёс сосед.

Но он вставил ту жердинку
В дырку тына, в серединку,
И теперь уже ни дырки,
Ни жердинки больше нет!

Вот оно и получилось,
Что старушка не умылась.

Вот и вышло: что к чему –
Непонятно никому,
И виновных тут искать –
Только времечко терять!

МЕШОК

Урожай у нас хорош!
А теперь поделим рожь:

Кто пахал – тому мешок.
Кто растил – тому мешок.
Кто косил – тому мешок.
Кто возил – тому мешок.
И молотильщику – мешок...

Даже лодырю мы тоже,
Не скупясь, мешок предложим –
Расчудесный, не простой:
Глянешь внутрь – а он пустой!

УДМУРТСКИЕ ДЕТСКИЕ ПЕСЕНКИ

ШАНЕЖКА

Нескладёнушка
Наша Манюшка:
Пирожок пекла –
Вышла шанежка.

Положила студить
На сквозняк,
На порог;
Поднял шанежку
И унёс ветерок.

Зайчик в кустиках
Схрупал шанежку.
– Мастерница! – сказал
Всем про Манюшку.

ВАНЁК

Был Ванёк-простак
Хоть умён, да не так.
Запрягал коня –
Набежала родня:

– Обожди чуть-чуть!
Не пускайся в путь...
Смотрит конь-то твой
Не туда головой.
Он в оглоблях, в узде,
Да хомут на хвосте,

И дуга назади...
Повернём, погоди!

– Нет! – сказал простак. –
Хорошо и так!
Не учи, родня,
Отойди от коня!

Шапку набок вздел
И кнутом завертел.
Завертел, закричал,
Путь-дорожке рад,
Только воз помчал
Не вперёд – назад.

Конь всё пуще бежит,
Конь старается,
А Ванёк сидит,
Удивляется:

– При такой езде
На четвёртый день
Думал быть в Москве,
А попал в Тюмень!

Это кто же мне этак подстроил-то?

ДЕВОЧКА ДОРОНЮШКА

– По дождику вдоль полюшка
Зачем бежишь, Доронюшка?
Куда, родная, мчишься,
Промокнуть не боишься?

– Я за радугой спешу!
Я у радуги прошу

Сбросить на дорожку
Серебряную ложку,
А в траву густую
Чашку золотую!
Чашку с ложкой пить чаёк
Маме в праздничный денёк!

СЧИТАЛОЧКА С ЯБЛОКОМ

Раным-рано солнце встало,
С горки яблоко упало,
По лазоревым лугам
Покатилось прямо к нам!
Покатилось,
Покатилось,
В речку с мостика свалилось;
Кто увидел – не дремли,
Поскорей его лови!
Кто поймал – тот молодец!
И считалочке конец!

А кому теперь водить,
Тому и яблоко делить –
На всех!

КОМИ-ПЕРМЯЦКНЕ ДЕТСКНЕ ПЕСЕНКИ

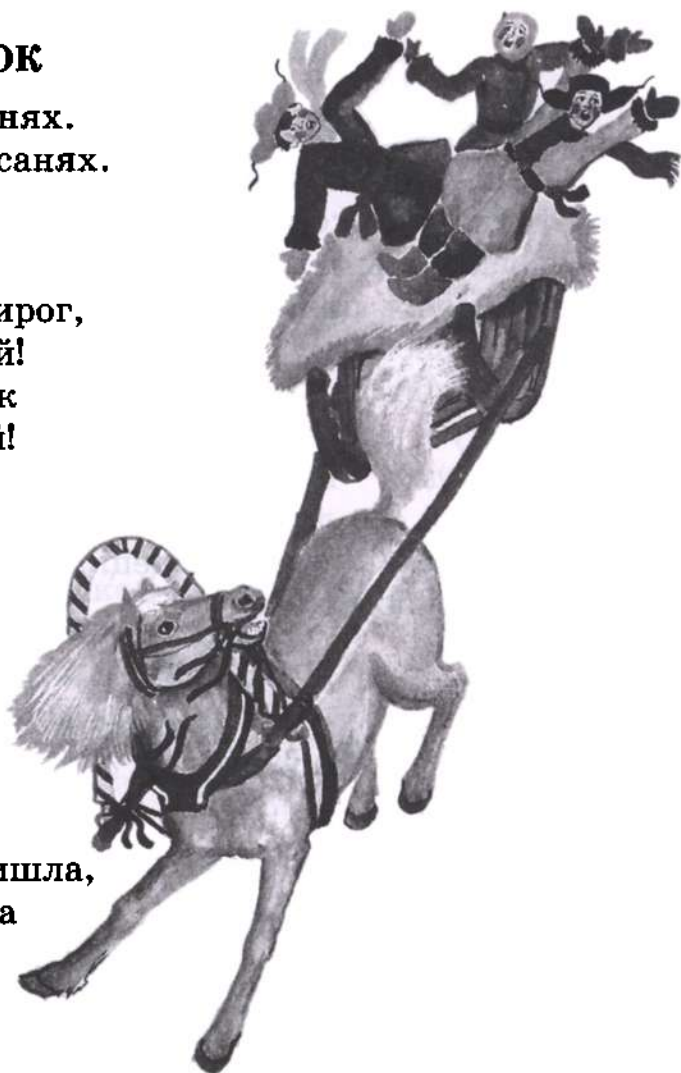
ПРЫГ-СКОК

Прыг-скок! – на конях.
Скрип-скрип! – на санях.
Едем к бабушке
На оладушки.

Будет, будет нам пирог,
Блин с подмазочкой!
Будет, будет вечерок
С доброй сказочкой!

Прыг-скок!
Прыг-скок!
Впереди
    большой сугроб.
Вправо съехали –
Не проехали.
Влево кинулись –
Опрокинулись!

Ладно, бабушка пришла,
До крылечка довела
По дорожке
    не кривой,
По прямой,
По столбовой!

ЧАШКА

Печь затопили,
Кашку сварили,
К столику сели,
Славно поели,
А скушали кашку –
Чем вымыть чашку?

Дома в кадушке
Воды-то ни кружки!

К реке припустили,
Чашку помыли,
Часок полежали,
Домой прибежали,
Печь затопили,
Кашку сварили,
К столику сели,
Славно поели,
А скушали кашку –
Чем вымыть чашку?

Дома в кадушке
Воды-то ни кружки!

К реке побежали...

ТЕРЁШКА-НЕПОСЕДА

Терёшка-непоседа
Вертелся до обеда,
А за стол уселся –
Снова завертелся.
Допрыгался,
Добился:
Со стулика свалился!

ЧИВ-ЧИВ, ВОРОБЕЙ

– Чив-чив, воробей,
Сбегай, грядки полей!

– Нет, папенька,
Нет, маменька!

– Чив-чив, воробей,
В крыше дырку забей!

– Нет, папенька,
Нет, маменька!

– Чив-чив, воробей,
Самовар подогрей!

– Нет, папенька,
Нет, маменька!

– Чив-чив, воробей,
Сядь за стол поскорей!

– Мигом, папенька!
Сел я, маменька!

СТО СЕРЕБРЯНЫХ КОНЕЙ

Встану, пряжи наяду,
К Иньве-реченьке пойду,
На густой сосёнушке
Сплету гнездо воронушке.

У вороны под сосной
Лавка с дверцею резной.
Дверца бархатом обита,
На засовы не закрыта.

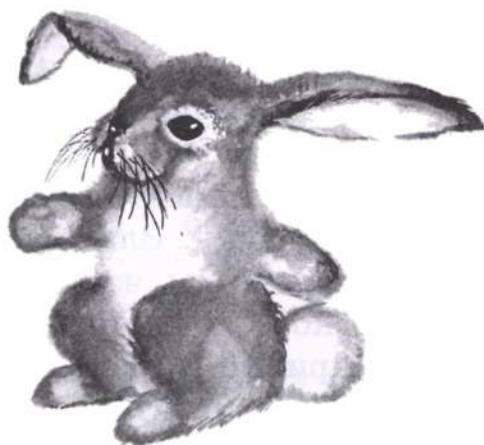
А за ней для девочек
Сто коробок ленточек,
Сто коробок пуговиц
Да румяных куколок.

А для мальчиков за ней
Сто серебряных коней!
Сто серебряных коней –
Нет их краше и чудней.
Сам идёшь – они идут,
Сам бежишь – они бегут,
Ездового носят,
А овса не просят!

Вот что у воронушки
Есть в лесной стороншке;
Вот за что я с ней дружу
И всегда ей услужу!

СЧИТАЛОЧКА

- Зайка, зайка, белый хвост!
- Где ты был?
- Косил овёс.
- Где овёс?
- Журавль склевал.
- Где журавль?
- Медведь прогнал.
- Где медведь?
- Сидит в ловушке.
- Где ловушка?
- На горушке.
- Где горушка?
- Вечерком
- Смыло в Каму ручейком!

СНЕЖУРОЧКА

Русская сказка

Не было детей у старичков, и внуков не было. Невесело им было жить без детей-то. Они даже окна в доме заколотили. Однажды говорит старик старухе:

– Принеси снежку да положи его на печку под корчагу.

Старушка так и сделала. А на другой день у них из снега девушка Снегурочка родилась.

После зимы настало лето. К Снегурочке подружки пришли, стали просить деда:

– Дедушка, отпусти за ягодами Снегурочку.

– Пусть идёт, – согласился дед.

Когда пришли в лес на ягодные места, Снегурочка сразу полную чашечку ягод набрала – больше всех.

На следующий день приходят подружки:

– Дедушка, отпусти за ягодами Снегурочку.

– Пусть идёт, – отвечает дед. – Я не держу.

И в этот день Снегурочка скорей и больше всех ягод набрала. На третий день подружки пришли опять:

– Дедушка, отпусти Снегурочку.

– Сегодня ей нечего делать в лесу, – заупрямился дед. – Пусть дома посидит.

– Отпусти, дедушка, отпусти, миленький!

– Ну, уговорили. Пусть ещё сходит разок.

Снегурочка и в этот день больше всех ягод набрала – полную чашечку. Злые подружки из зависти отняли у Снегурочки ягоды, чашечку разбили, а саму Снегурочку под берёзкой схоронили.

Когда пришли домой Снегурочкины подружки, старики стали спрашивать их: где же Снегурочка?

– В лесу осталась, – ответили подружки. – Заблудилась, должно быть. Мы кричали – не откликнулась...

Всё лето искали старички в лесу свою Снежурочку, но так и не нашли.

Лежит девушка Снежурочка под берёзой в сырой земле. А на её могилке тростинка выросла. Шёл мимо прохожий, срезал тростинку и сделал из неё дудочку. Поднёс дудочку к губам, а та вдруг запела человеческим голосом:

*Дяденька, потихоньку,
Свет-родной, помаленьку!
Меня подруженьки убили,
Под берёзкой схоронили
И земельку притоптали.
Мои ягодки разделили,
Чашечку разбили.*

Пришёл прохожий в деревню и случайно остановился ночевать у старичков, у которых жила Снежурочка.

Рассказал прохожий про дудочку свою, что поёт она человеческим голосом. Не верят старики. Никогда они не слышали о дудочке такой.

– Сами возьмите, поиграйте, – сказал прохожий и передал дудочку старику.

Только приложил старичок дудочку к губам, как она запела человеческим голосом:

*Родимый, потихоньку,
Свет-родной, помаленьку!
Меня подруженьки убили,
Под берёзкой схоронили
И земельку притоптали.
Мои ягодки разделили,
Чашечку разбили.*

Спрашивают старики прохожего, где он такую дудочку взял. Всё рассказал им прохожий и в лес повёл на то место, где он тростинку вырезал.

Стали копать землю и выкопали девушку Снежурочку. Она сразу ожила. И теперь живёт. Не нарадуются на неё старики.

Записал А. Спешиллов

МЕДВЕЖЬЯ НЯНЮШКА

Коми-пермяцкая
сказка

Собрались три сестрёнки – старшая, средняя да младшая – по землянику. А родители их отговаривают:

- Поздно уже. Вечер скоро. Заблудитесь в лесу.
- Мы в лес не пойдём, мы ходим за деревней по перелесочкам, – ответили сестрёнки да и убежали.

Примчались к первому перелеску, а земляники там нет. Кинулись во второй перелесок, обшарили всю опушку, но земляники и там нет.

И так они уходили от дома всё дальше и дальше, а когда солнышко стало садиться, то оглянулись вокруг и охнули.

Не видно рядом ни знакомых полей, ни лугов, вокруг тёмный бор шумит, и никто из них теперь не помнит, какой дорогой сюда зашли, никто не знает, какой дорогой выйти.

– Туда надо, – показывает старшая сестрёнка.

– Нет, туда, – спорит средняя.

А младшенькая тоже тянет в свою сторону, да никто её не слушает; пошли туда, куда старшая сказала.

Шли-шли, а бор всё глуше, а бор всё темнее, и вот наконец вышли к лесному низенькому домишку. Домишко невысок, да крепок: сразу видать, в нём справный хозяин живёт.

Тук! – стукнула робко в оконную раму младшая сестрёнка.

– Выгляни, кто тут есть, в окошко. Покажи нам домой дорожку. Мы тебе в пояс поклонимся.

Да никто в доме не шевельнулся, никто из окошка не выглянул.

Тук-тук! – тогда постучала чуточку посмелее средняя сестрёнка.

– Выгляни, кто тут есть, в окошко. Покажи нам дорожку. Мы тебе в ноги поклонимся.

И опять никто в доме не шевельнулся, никто оттуда не выглянул.

Тук-тук-тук! – тогда застучала старшая сестра и сказала совсем смело:

– Эй, кто тут есть? Отзовись! Выгляни в окошко, покажи нам дорожку, мы тебе поклонимся до самой земли.

И окошко звякнуло и распахнулось, и оттуда выглянула встрёпанная спросонья медвежья голова.

– Кто меня, медведицу, беспокоит? Кто стучит? Хозяина дома нету. Хозяин мой Михаил Иваныч на дальний промысел ушёл, а я без него дверь никому не открою. Подите прочь!

Но тут она продрала сонные глаза лапицей и вмиг переменялась.

– Ой, – говорит ласковым голосом, – это вот кто стучит в окошко, это вот кто! Три девочки, три сестрички, три алые ягодки! Входите, дорогие гостьюшки, входите. Заночуете у меня, а поутру и дорожку разыщем.

– Нельзя нам до утра ждать, – говорят девочки. – Нас тятка с мамкой искать будут. Расстроятся, заплачут.

– Не заплачут, – уговаривает медведица, – не заплачут! Что им на ночь-то плакать? Незачем. Ночью спать надо. У меня вон медвежонок Минька маленький, а и то ночью никогда не ревет. Спит себе в зыбке, лапу посасывает, и все дела. Заходите, заходите! Утро вечера мудреней! Я вас утром-то и лесной похлёбкой угощу, и домой провожу. Довольнёхоньки будете.

Вот так и пришлось девочкам ночевать у медведицы. Спать она их положила на еловые зелёные постельки, а под головы по моховой кочке подсунула.

Младшая сестрёнка уснула сразу и крепко. Очень она, пока плутали, умаялась. А средняя да старшая всё на еловых ветках ворочаются, всё им с непривычки колко да неудобно. А кроме того, за тятку с мамкой душа у них болит: «Поди, там дома целый переполох. Поди, искать нас будут...»

Так они всю ночь и продремали вполглаза, а когда в окошках чуть забрезжило, то слышат и видят: медведица печь затапливает, начинает похлёбку варить.

Высыпала на стол, на голые доски, полон короб грибов и давай их делить на две кучи. В одну кучу – белые, крепкие боровики, в другую – всякий хлам: желтушки, зеленушки да мухоморы.

Потом хорошие грибы положила в горшок простой, чёрный; мусорные – в горшок расписной, муравлёный.

Сунула оба горшка в печь и кричит:

– Вставайте, девушки! Вставайте, милые! Сейчас похлёбка сварится, будем завтракать.

И вот как за стол все, кроме Миньки, уселись, медведица горячие горшки из печи выхватила, на столешницу друг за другом их брякнула и говорит:

– В этом горшке, что попроще, похлёбка для меня, для хозяйки. А вот в этом горшке, что покрасивее, – для дорогих гостей. Ешьте вволю, на всю обратную дорогу наедайтесь!

Младшая сестрёнка схватила ложку и давай хлебать, и давай хлебать.

А средняя да старшая тоже взяли ложки, но не едят, а только вид подают.

Черпнут из горшка, ко рту поднесут, подержат да потихоньку на пол и выльют, черпнут и выльют.

И младшую незаметно под локоток толкают: «Не ешь, мол, сестрёнка, не ешь...» Да только ничего младшая не поняла – нахлебалась.

И тут сразу медведица встаёт, громким голосом приказывает:

– Сделано одно дельце, сделаем и другое! Выходите все трое на крыльцо.

Сестрёнки вышли на крыльцо, и медведица тоже вышла, и перебежала она просторную поляну перед домом, и обхватила там толстую, высокую ель, и покачнула её разок, и покачнула другой да так вдоль всей поляны эту ель на землю и хрястнула. Только гул по всему бору прокатился!

– Вот, – говорит медведица, – и новое дело. Самое главное! Кто перепрыгнет эту ель, тот и домой пойдёт. А кто не перепрыгнет, тот у меня в няньках останется. Миньку

в зыбке будет качать. Прыгайте, прыгайте! Нечего стоять да дрожать.

А сестрёнки и в самом деле задрожали, потому что испугались. Потому что поняли: нехорошая эта медведица, хитрая. Но делать нечего – стали прыгать.

Разбежалась старшая сестрёнка, прыгнула, перелетела поваленную ёлку высоко-превысоко да и помчалась куда глаза глядят, лишь бы подальше от медведицы.

Разбежалась средняя сестрёнка, тоже прыгнула, тоже перелетела через ёлку так, что даже и лапотками её не задела, и помчалась догонять старшую сестру.

А медведица удивилась:

– Как так? Не должны были перепрыгнуть! На то и похлёбка была в муравлёном горшке... Ну, если и младшая перескочит, я её всё равно не упусти. Без няньки не останусь, нет!

Младшенькая разбежалась, а перепрыгнуть ёлку не смогла. Нет у неё после обманной похлёбки сил, нет и смелости.

Завела её медведица обратно в свой дом и строго велит:

– О родных теперь позабудь, качай теперь зыбку с моим Минькой. А я по грибы пошла.

И вот качает младшая сестрёнка зыбку с медвежонком, плачет горько-прегорько и тонким голосом поёт:

*– Ах, зачем меня сёстры одну оставили?
Почто малолеточку в неволе бросили?
Кто из лесу теперь меня выведет?
Кто из няnek медвежьих вызволит?*

Пробегал мимо зайчик Короткий Хвост, услышал грустную песенку, сам чуть от жалости не заплакал и стукнул в окошко:

– Садись, девочка, на меня. Я тебя вызволю.

Девочка бросила качать зыбку, выбежала за дверь, села верхом на зайчика, и они поскакали.

Да только поскакали, а хитрая медведица тут как тут. Схватила зайчика поперёк живота, подняла, отшлёпала:

– Вот тебе, незванный помощничек! В другой раз поймаю – хуже будет.

И посадила девочку опять к зыбке, а сама опять в лес пошла. И снова девочка сидит, зыбку качает, тоненьким голосом поёт:

*– Ах, зачем меня сёстры одну оставили?
Почто малолеточку в неволе бросили?
Кто теперь меня к маменьке выведет?
Кто из нянек медвежьих вызволит?*

Бежал на ту пору волк Серое Ухо, услышал печальную песенку, сам закручинился, постучал в окошко:

– Садись, девочка, на меня. Я отвезу тебя к твоей маменьке.

Но только девочка села на волка, а медведица опять тут как тут. Подскочила, ударила волка лапой:

– Прочь, незванный помощник! Не сманивай куда не надо нашу нянюшку! В другой раз поймаю – хуже будет.

И вот сидит девочка у зыбки опять одна, опять поёт:

– Кто меня из лесу к маменьке выведет? Кто из тяжкой неволи вызволит?

Услыхал песенку старый лось Большие Рога – Длинные Ноги. Ударил в окошко:

– Садись, девочка, на меня скорей! Да не забудь захватить в сенях три берёзовых веника.

Бросила девочка зыбку качать, сняла с жерди в сенях три берёзовых веника, выбежала на крыльцо, встала на перила, перелезла с них на лося, и ударил старый лось копытами о землю, полетел стрелой.

Выскочила медведица наперехват, да поздно! Лось – не заяц, не волк, у него смекалки побольше.

Как станет медведица беглецов настигать, так лось говорит девочке:

– Бросай веник! Бросай дальше, чтобы он перелетел через медведицу и упал на дорогу!

И летит веник на дорогу, и кидается медведица назад. Сгоряча думает: «Это девочка с лося упала!» – а там веник. И пока медведица от злости треплет его, дерёт, девочка с лосем уже полверсты проскакали...

Так они от погони и ушли. Да не только ушли, а возле самой деревни и старших сестрёнок догнали. Вот как быстро старый-то лось летел! Вот какие у него были длинные и сильные ноги!

А медведица тоже чуть не до самой деревни добежала. Но увидела высокие крыши, услышала петушиный крик да собачий лай и остановилась.

Остановилась, почесала загривок, подумала-подумала да и пошла потихоньку обратно.

Пошла зыбку со своим Минькой сама качать.

Пересказ Л. Кузьмина

Жил на свете пастух. Стадо у него было большое, уследить за ним трудно, хлопотно. Коровы в рожь да в овёс бегут, овцы в трясины лезут да в лес заходят. Надо всех собрать да в одно место согнать. Со всем замучился пастух. Вот раз и надумал он: «Дай-ка сплету себе лапти-скороходы!»

Принялся он мастерить лапти. Надрал с лип лыка, достал кочедык – крючок, чем лапти плетут, и принялся за дело. Долго трудился и сплёл себе лапти, да не простые, а скороходы. Шагнёт раз – и уже на другом конце поля, шагнёт ещё раз – глядь, широкое поле позади...

Легче пастуху стало стадо пасти.

Однажды в жаркий день сел он на взгорок отдохнуть да хлеба пожевать. Разулся, а лапти-сороходы в сторону положил. Подошёл к нему какой-то прохожий человек, поздоровался, сел рядом и говорит:

– Как это ты, пастух, с таким большим стадом справляешься?

Засмеялся пастух и отвечает:

– А у меня лапти-сороходы есть! Раз шагну – верста позади!

– Где же ты нашёл лапти-сороходы? – спрашивает прохожий.

– Я их не нашёл, а сам сплёл, – отвечает пастух. – По семи лесам ходил, лыки драл да из тех лык семь ночей лапти плёл – так плёл, как другие не плетут. Эти лапти никогда не изнаются и через широкие реки и через дремучие леса перенесут меня!

Выслушал прохожий пастухову речь и думает:

«Идти к куму далеко, да и лаптишки у меня разбитые, совсем отопки. А у него лапти новенькие, да ещё и сороходы! Украду их и убегу!»

Дождлся он, когда пастух отвернулся, скинул свои отопки да скорее пастуховы лапти на ноги. Скрипнули лапти-сороходы и понесли его. Через поле перенесли, понесли по дороге. Он и не заметил, как промчался мимо деревни, в которой кум жил. Пришлось обратно возвращаться. Вот и деревня, вот и кумов двор, а остановиться он не может – лапти-сороходы не останавливаются, дальше несут. Свернул прохожий к воротам своего кума да с разбегу так стукнулся о столб, что искры из глаз посыпались! Упал он перед воротами, поднял ноги вверх, а ноги в воздухе так и шагают, так и шагают! Сбежались со всей деревни ребяташки, окружили мужика, смотрят на него, дивятся. А мужик жалостно просит их:

– Детушки, милые! Помогите мне, разуьте меня! Я вам за это гостинцев куплю.

Бросились к нему ребята, хотят его за ноги схватить, да куда там! Ноги так и шагают, так и шагают – не ухватишься за них. Долго бились ребята, пока лапти стащили. Отдышался мужик, поднялся и говорит:

– Будь они совсем неладны, эти лапти-скороходы! Надо уметь ими править, а я не научился, вот и шлёпнулся! Хорошо, что вы меня разули, а то кто их знает, куда бы они меня занесли...

– Где же ты, дяденька, такие лапти взял? – спрашивают ребята.

Стыдно мужику правду сказать.

– Там, – отвечает, – у одного мужика... Взял, а теперь сам их боюсь.

Связал мужик лапти-скороходы верёвочкой, перекинул через плечо да так босиком и пошёл к куму с кумой. А у кума уже давно гости собрались, все нарядные, – сидят за столами, пьют, едят, песни поют.

Обрадовался кум новому гостю. А как глянул на его босые ноги, удивился.

– Почему ты на праздник босой пришёл? – спрашивает.

Что мужику отвечать? Правду сказать совестно, он и говорит:

– У меня лапти больно тесны, ноги жмут.

Положил он лапти под лавку, стал вместе со всеми пить, есть, песни петь.

А рядом с ним сидел какой-то гость, с рыжей бородой. Глянул гость на лапти и думает: «Как раз на мою ногу будут!» Скинул незаметно свои разбитые лаптишки, переобулся в новые. Не велики лапти, не малы – в самый раз. Привстал он, шагнул, вынесло его, словно

бурей, из-за стола! Гости ахнуть не успели, глазом моргнуть не успели, как рыжего мужика не стало. Слышали только, как он по лестнице прогремел да с разбегу о дверь лбом стукнулся... Понесли лапти-скороходы рыжего. Вынесли через ворота, понесли через всю улицу, только пыль за ним клубами вьётся. Куры с перепугу взлетают, гуси в воду кидаются, детишки в стороны шарахаются.

Кричит рыжий во весь свой голос:

– Помогите! Остановите!

Да разве удержишь, разве остановишь? Несут его лапти через поле, к лесу. Хорошо, на пути жердь от изгороди попалась. Зацепился за неё рыжий, упал навзничь. А ноги так и шагают, так и шагают по воздуху! Прибежали гости, кое-как разули рыжего. А он от страха словно онемел, словно одеревенел. Молчит, трясётся да бормочет:

– Ох, поделом мне... Ох, поделом!

В это самое время через ту деревню проезжал купец. Увидел он толпу, остановился и спрашивает:

– Что это вы собрались? Или случилось что? Чего это все лапти рассматриваете? Или это невидаль какая?

– А то разве не невидаль? – отвечают ему. – Эти лапти не простые. Это особенные лапти – скороходы. Надел их вот этот мужик – за одну минуту сколько вёрст сделал!

У купца глаза разгорелись.

– Чьи лапти? Кто хозяин? – спрашивает он. – Я эти лапти куплю.

Никто не признаёт себя хозяином. Нет хозяина! Купец говорит:

– Коли хозяина нет, я эти лапти так возьму!

Взял и уехал.

Жадный был этот купец. Работника своего голодом морил, отдыха ему не давал, за десятерых заставлял рабо-

тать. Только одно и твердил: «Быстрее поворачивайся! Скорей дело делай! Проворней!»

Везёт купец лапти-сороходы, сам думает:

«Теперь у меня работник за двадцать человек работать будет!»

Только он въехал во двор, сразу же приказал работнику:

– Скорей обуйся в эти лапти-сороходы да принимайся за дело: замеси корм лошадям, потом воды нанеси, потом поезжай в лес по дрова, потом собери всю капусту с огорода. Понял?

– Понял, – отвечает работник, – как не понять.

Обулся работник в лапти-сороходы. Не успел он ногу поднять – понесли его лапти через весь двор, прямо в мучной амбар. Упал работник в большой ларь с мукой.

Ноги шагают, мука белым облаком поднимается из ларя, ничего не видно...

Прибежал купец к амбару, давай бранить работника:

– Что ты, негодник, делаешь? Зачем муку мою разбрасываешь?

А работник еле-еле в ответ голос подаёт:

– Ой, вытащите меня из ларя! Ой, схватите меня за ноги! Ой, задыхаюсь!

С криками да с бранью навалился купец на работника, стащил с него лапти-сороходы и давай бить работника, ругать его:

– Ах ты, такой-сякой! Быстрой ходьбы испугался? Или ты, такой-сякой, в этих лаптях ходить не можешь?

– Не могу! – отвечает работник.

– А-а, не можешь! – говорит купец. – Ну так я тебя научу! Вот, гляди, сам в эти лапти обуйся!

Обулся купец, встал на ноги, шагнул – и вылетел из амбара, как пуля из ружья... Хотел было ухватиться за

телегу, да не смог – дальше помчался. Ударился о стенку конюшни, перевернулся, упал в корыто с болтушкой для свиней. Из корыта купца понесло за ворота, через лужу, через канавы, через речку... Так до самого леса донесло. Запнулся купец о пенёк, упал на спину. Лежит, болтает в воздухе ногами, сам кричит дурным голосом:

– Спасите! Помогите! Стащите с меня эти проклятые лапти! Измучили они меня! Сил моих больше нет! Смерть моя пришла!

Прибежал на крик пастух, посмотрел и говорит:

– Где это ты мои лапти взял?

А купец и голос потерял, слова в ответ сказать не может. Снял пастух с него свои лапти и выгнал кнутом из лесу. Поплёлся купец в деревню лохматый, драный, грязный, в синяках да в шишках.

А пастух осмотрел свои лапти-скороходы, обулся в них и стал своё стадо пасти. И ни одна корова, ни одна овца у него не терялись, никакой длинной дороги он не боялся, никогда усталости не знал!

Пересказ М. Булатова

Э то было очень давно. На отрогах старой горы Урал был один башкирский аул*. Жил в этом ауле бедняк Батырша с женой. Бедна была их жизнь – ни земли, ни скота, ни птицы у них не было. Хлеб тогда сеяли только богатые – баи**, и то очень мало. Трудно жилось беднякам, кормились тем, что украдкой ловили рыбу и собирали ягоды.

Особенно трудно было зимой. Баи не разрешали рубить дрова, и бедные люди сидели в холоде. Они тайком собирали хворост и грелись у совсем слабого огня.

Однажды в холодную зиму, в самую полночь, Батырша

с женой пошли в лес и нарубили себе дров. Наутро баи узнали об этом и наказали мужа сотней ударов плетью, а потом связали его вместе с женой и отвезли далеко-далеко, в глушь Урала. На новом месте жизнь была ещё тяжелее. Но вот пришла радость: у них родился сын, мальчик с длинными русыми волосами. Дали они сыну имя Акъял-батыр, что значит «белогривый богатырь». Рос ребёнок не по дням, а по часам.

Прошло несколько лет, и Акъял-батыр стал рослым молодцом, начал охотиться на птиц и зверей, помогать отцу. Зажила семья сытно. Отец с матерью не могли налюбоваться на сына.

Когда Акъял-батыру исполнилось пятнадцать лет, родители его умерли. Сильно горевал батыр, но делать нечего. Решил он пойти посмотреть, как люди живут, – ведь в лесу людей не было совсем.

«Может быть, они дадут мне хороший совет и научат жить», – подумал Акъял-батыр.

Взял Акъял-батыр лук и стрелы, привязал к поясу острый булатный нож и отправился в путь.

Долго шёл Акъял-батыр, много пересёк он гор, лесов и рек и остановился на отдых у подножия высокой горы.

Лежит Акъял-батыр и видит человека, который изо всех сил что-то делает, поднимая клубы пыли.

Встал Акъял-батыр, подошёл к человеку и спрашивает:
– Эй, человек, кто ты и что делаешь здесь?

А человек отвечает:

– Видишь, горы переставляю, а зовут меня Тау-батыр, что значит «горный богатырь»! Долгие годы живу я в этих горах и не видел ни одного человека. А кто ты сам будешь?

– Я Акъял-батыр. Покинул места, где родился и вырос, хочу посмотреть, что делается на белом свете.

– Возьми и меня с собой, – сказал Тау-батыр.

– Что ж, идём! Вдвоём веселее идти, – отвечает Акъял. Долго-долго шли они по горам и никого не встретили, кроме зверей.

Шли они по дремучему лесу и вдруг слышат шум и треск. Недолго пришлось им идти: видят человека, который выкапывает деревья с одного места и пересаживает на другое. Подошли батыры к человеку и спрашивают его:

– Ты кто и что делаешь?

– Я Урман-батыр, что значит «лесной богатырь»! Видите, деревья пересаживаю. Уж очень тут лес густой. А вы сами кто?

– Я пошёл посмотреть на белый свет и встретил Тау-батыра, – ответил Акъял-батыр.

– Возьмите и меня с собой, – говорит им Урман.

И вот три батыра вместе отправились в путь. День идут, два идут. Дни сменялись ночами, за ночами наступали дни.

Много прошли батыры лесов, гор и рек, наконец увидели избушку. Но ни в избушке, ни около неё никого не было. Поблизости паслись большие табуны диких коней. Недалеко была деревня, в которой тоже не было ни одного человека.

Тогда Акъял-батыр и говорит:

– Долго раздумывать нечего. Ты, Урман-батыр, поймай одну кобылицу, заколи её и свари мясо, а мы с Тау-батыром пойдём посмотрим, что есть в окрестностях.

Когда друзья ушли, Урман-батыр наточил нож и отправился к табуну***. Там он выбрал жирную кобылицу, зарезал её и стал варить мясо в огромном котле.

Вдруг слышит – кто-то стучится в дверь.

– Кто там? – спрашивает Урман-батыр.

– Я... Гость! – слышится голос из-за двери.

– Если гость, то входи, – сказал Урман-батыр и открыл дверь.

Перед ним стоял старик карлик, сам ростом в четверть****, а борода в тысячу четвертей.

– Внеси меня в избу, – говорит старик.

Урман-батыр внёс старика на руках в избушку.

– Посади меня на почётное место, – говорит старик.

Урман-батыр усадил его на почётное место.

– У тебя варится полный котёл мяса, дай-ка мне поесть!

Урман-батыр достал из котла большой кусок мяса и дал старику. Старик карлик сразу съел мясо и говорит:

– Дай ещё!

– У меня есть товарищи, они ушли в лес. Это мясо варится к их приходу.

– Не хочу я ничего слушать, давай мне скорее мяса! – сердито крикнул старик.

Видит старик, что Урман-батыр не слушает его, соскочил с места, вцепился батыру в палец, защемил его меж брёвен избы, а сам поскорее съел всё мясо и скрылся. Урман-батыр выдернул палец из щели, содрал себе кожу и задумался:

«Что теперь делать? Что я отвечу товарищам? Нет, одним ответом их не накормишь, а они вернутся голодные...»

Недолго думая, поймал он вторую кобылицу, заколол её и опять принялся варить мясо.

Вскоре возвратились его товарищи.

– Мясо сварилось?

– Сварилось, – отвечает Урман-батыр. Уселись батыры и стали есть.

Тут Акъял-батыр увидел перевязанный палец Урман-батыра и спрашивает:

– Что с твоим пальцем?

Досадно было Урман-батыру сознаться; подумал он и говорит:

– Задел ножом, когда резал мясо.

Досыта наелись они жирного мяса и легли спать.

Наутро говорит Акъял-батыр Тау-батыру:

– Мы с Урман-батыром пойдём в лес, а ты сегодня оставайся дома и приготовь нам чего-нибудь поесть.

Ушли товарищи в лес. Тау-батыр поймал лошадь, заколол её и начал варить мясо. Вдруг слышит – кто-то стучится.

– Кто там? – спрашивает Тау-батыр.

– Я... Гость! Открой! – слышится голос из-за двери.

– Если гость, то входи, – сказал Тау-батыр, открыл дверь и видит старика: сам в четверть, а борода в тысячу четвертей.

– Заходи, бабай! – говорит Тау-батыр.

– Сам не могу, внеси меня на руках!

Тау-батыр внёс старика на руках и усадил на почётное место.

– Дай мне есть, – говорит старик.

Тау-батыр дал старику большой кусок мяса; старик тут же съел и требует ещё.

– Не могу я дать тебе ещё: у меня есть товарищи, скоро они, голодные, вернутся домой, – ответил Тау-батыр.

Соскочил старик с места, бросился на Тау-батыра, приподнял его и повесил за ухо на крючок, а сам съел всё мясо и скрылся.

У Тау-батыра разорвалось ухо, он упал с крючка и долго лежал на полу. Потом он вспомнил о товарищах, встал, поймал другую лошадь, заколол её и начал варить мясо во второй раз. Вернулись Акъял-батыр и Урман-батыр из леса, и все сели за еду.

Акъял-батыр увидел завязанное ухо Тау-батыра и спрашивает:

– Что случилось с твоим ухом?

– Когда ловил лошадь, она лягнула и задела мне ухо.

– Что это с вами! Один палец себе ободрал, а другой ухо разорвал! Завтра я сам останусь дома и всё узнаю. Посмотрим, что случится со мной, – сказал Акъял-батыр.

Наутро товарищи ушли, а Акъял-батыр остался дома. Он поймал лошадь и начал варить мясо. В это время послышался стук в дверь.

– Кто там? – спросил Акъял-батыр.

– Я... Гость!

Открыл Акъял-батыр дверь и видит: стоит старик, сам ростом с четверть, а борода с тысячу четвертей.

– Внеси меня в избу, – сказал наконец старик.

– Шёл сюда сам – заходи сам и садись, – ответил Акъял-батыр.

Вошёл старик сам в избу и уселся на почётное место.

– Дай мне мяса! – крикнул старик, как только сел.

– У нас гости не требуют угощения. Руки есть у тебя – доставай сам и ешь, – спокойно ответил Акъял-батыр.

– Ты ещё вздумал со мной спорить! – грозно крикнул старик и бросился было на Акъяла, но тот быстро схватил его и привязал за бороду к двери.

Старик стал рваться, метаться, наконец оборвал бороду и убежал. Акъял-батыр догадался, что это он одному из товарищей содрал кожу на руке, а другому разорвал ухо.

В это время вернулись Урман-батыр с Тау-батыром. Он показал им на бороду и спрашивает:

– Верно, что он вас поборол?

– Да, батыр, так это и было, – ответили товарищи.

– Раз так, то нам нужно разыскать этого старика и наказать, – сказал Акъял-батыр.

Батыры наелись, напились, взяли оружие, сунули в мешок бороду старика и отправились в путь.

Долго шли батыры, прошли много рек и лесов. Когда поднялись на высокую гору, то увидели, что впереди кто-то убегает от них. Акъял-батыр закричал:

– Вон тот старик карлик!

И все три батыра побежали за стариком. Но на самой вершине горы старик пропал, будто сквозь землю провалился. Прибежали они к тому месту и увидели большую дыру.

– Ну вот что, – сказал Акъял-батыр, – вы стерегите вход в эту пропасть, а я спущусь вниз и разыщу старика.

Свили они из карликовой бороды длинную верёвку, ухватился Акъял-батыр за один конец – а другой в руках батыров остался – и начал спускаться вниз.

Спустился Акъял на самое дно, огляделся и увидел дорогу. Шёл, шёл по дороге – дошёл до какого-то города. На самом краю города стоит ветхая избушка. Вошёл он в избушку, а там старик со старухой. Оба они худые и страшные.

Стал батыр расспрашивать их о жите-бытье. Старик вздохнул глубоко и говорит:

– Сынок, сходи за водой! Не дают нам здесь её. У нас даже нет воды, чтобы приготовить тебе пищу. Ты – гость, тебе разрешат взять ведро воды.

Акъял-батыр взял ведро и пошёл на другой конец города, где холодный ручей впадал в большой пруд.

Только собрался батыр зачерпнуть воды, как услышал громкий голос:

– Ты зачем пришёл сюда? Кто ты?

– Я гость, – ответил Акъял-батыр.

– А, раз гость, можешь взять ведро воды. Но лишь одно! Зачерпнул Акъял-батыр полное ведро и пошёл домой.

А прохожие удивляются, завидуют ему, как это он ухитрился воды из ручья взять.

Принёс батыр воды. Не успел поставить ведро, как старик со старухой кинулись к воде, да так и выпили всю без остатка. И тут понял Акъял-батыр, что народ в этих местах день и ночь томится от жажды. Взял он свой острый меч, взял ведро, опять пошёл из избы.

— Куда ты, сынок? Не достать воды тебе больше ни капли! — закричали старики. Но Акъял-батыр сказал:

— Достану!

Пришёл он к ручью, опустил ведро в воду, а сам держит меч наготове. Только хотел он ведро вытащить, как на него набросился тот карлик-старик.

— Вот ты где! — сказал Акъял-батыр. — Тебя-то мне и надо!

И он отсёк мечом карлику голову. Идёт Акъял-батыр по дороге, несёт воду и всем встречным говорит:

— Идите за водой без страха! Я одолел карлика — жадного хозяина воды!

Народ обрадовался, побежал за водой. Все натаскали воды, напились, наварили еды, затопили бани. И слава о храбром Акъял-батыре пошла по всему подземному царству.

А храбрый Акъял-батыр распрощался со стариками и отправился дальше. Идёт по другому городу и видит — собралось много народу на городской площади. Глашатаи там кричат:

— Кто выстрелит из лука и попадёт в царский перстень, тому царь обещает богатство, а кто промахнётся — того накажут плетью!

— Дай попытаю счастья, — сказал Акъял-батыр и встал на площади.

Увидели его визири и другие знатные люди, стали смеяться и показывать на его старую одежду. Но он не слу-

шал, что говорят о нём, взял свой лук, натянул тетиву и выстрелил. Стрела со свистом поддела перстень и вонзилась в стену царского дворца.

Все зашумели, закричали, затопали ногами, а царь сказал: – Не шумите, я сдержу своё слово.

И он привёл Акъял-батыра в свой дворец.

Тут вспомнил Акъял-батыр о своих товарищах, которые остались ждать его у входа в пропасть. Недолго думая, взял он у царя, сколько мог, золота и всякого добра и отправился в путь-дорогу.

Шёл он, шёл и пришёл к тому месту, где спускался в пропасть. Глядит – верёвка цела. Привязал он к верёвке много золота и драгоценных камней и кричит батырам, чтобы тащили всё это наверх. Они потащили, а как увидели, сколько добра, глаза у них разгорелись, сердца почернели от зависти, руки затряслись.

– Зачем делить на троих то, что можно разделить на двоих! – сказал Урман-батыр.

– А и то правда, – сказал Тау-батыр. Они обрезали верёвку, на которой Акъял-батыр поднялся почти до самого верха, и он камнем полетел вниз.

Сидит батыр на дне пропасти и думает: «Что же теперь я делать буду?» Посидел, погоревал и пошёл куда глаза глядят. Идёт он лесом и вдруг слышит над собой жалобные крики птицы и шум крыльев. Смотрит – вьётся над деревом большая чудесная птица Самруг-кош, громко кричит, будто плачет.

– Что такое тут делается? – сказал батыр и полез на дерево.

Долез до вершины, смотрит, а там злой дракон к птенцам Самруг-кош подобрался и вот-вот их проглотит. Вытащил Акъял-батыр свой острый меч, размахнулся и порубил дракона на мелкие куски.

– Храбрый и добрый батыр, – сказала птица Самруг-кош, – скажи, чем я могу отплатить тебе за то, что ты спас моих детей?

– Вынеси меня из пропасти, – сказал батыр.

И вот сел он на спину Самруг-кош, и они полетели. Чем выше они поднимались, тем труднее было лететь. А вслед за ними рушились скалы и в подземное царство пробивался небесный свет. Вот наконец они вылетели из пропасти, и птица опустилась на вершину горы.

Акъял-батыр поблагодарил Самруг-кош, и они расстались: батыр пошёл своей дорогой, а птица полетела своей.

Идёт батыр и видит: сидят его товарищи под деревом и делят добычу.

– Эй, изменники! – крикнул Акъял-батыр. – Много ли добра набрали?

Тау-батыр и Урман-батыр вначале испугались, а потом поцеловали конец меча у Акъял-батыра и сказали так:

– Казни нас!

Но Акъял-батыр сказал:

– Казнить не собираюсь! Вы уже сами себя казнили. Люди узнают теперь, какие вы жадные и завистливые. А богатство, которое вы отняли у меня, я раздам бедным.

Отдали они Акъял-батыру всё добро и сказали:

– Мы не останемся в долгу перед людьми: Тау-батыр будет добывать и отдавать людям все богатства гор, Урман-батыр не пожалеет своих сил и будет растить леса, разводить сады.

Тогда Акъял-батыр отпустил их, а сам пошёл тоже делать добро людям.

Обработка А. Платонова

---

^{*} Аул – селение.

^{**} Бай – богач, крупный землевладелец.

^{***} Табун – стадо лошадей.

^{****} Четверть – старая русская мера длины, около 20 сантиметров.

Умная сова

Мансииская
сказка

Сидел однажды Верхний дух Топал-Ойка с женой у окна своего дома. Жена сказала:

- Ты кто такой, Топал-Ойка?
- Как кто такой? Верхний дух.
- А если ты Верхний дух, почему же в таком плохом доме живёшь?
- Чем же наш дом плох? - удивился Топал-Ойка. - Мне наш дом нравится.
- У людей точь-в-точь такие дома. Это для Верхнего духа стыдно. Построй новый, просторный, высокий, чтобы все удивлялись, чтобы все его хвалили.

– А из чего же я такой дом построю? – спросил Верхний дух Топал-Ойка.

– Хорошо бы из костей, – посоветовала жена.

– Да где же столько костей взять?

– Очень просто, – отвечает жена. – Собери всех зверей, птиц, рыб и убей. Из костей новый дом построишь.

– Что ж, это можно, – говорит Топал-Ойка. – Так и сделаем.

Рыб собирать щуку послал. Зверей – юркового горностаю. Птиц созывать велел длинноногому куличку. Немного прошло времени, приплыли рыбы, прибежали звери, прилетели птицы. Вышел Топал-Ойка, пересчитал всех и говорит:

– Звери все тут, рыбы все. А птицы не все – совы не хватает. Ты, куличок, сову видел?

– Нет, не видел, – куличок отвечает.

– Ну, беги, найди её, – говорит Топал-Ойка. – Убивать, так всех сразу.

Побежал длинноногий куличок сову искать. Долго искал, наконец нашёл. Она на высоком кедре сидит.

– Ты что, сова, сидишь? Разве не слышала, тебя звали!

– Кто звал?

– Топал-Ойка, Верхний дух. Он всех рыб, птиц, зверей собирает.

– А зачем?

– Всех убьёт. Из наших костей новый дом построит. Старый дом жене Топал-Ойки не нравится.

– Ах, вот оно что! – говорит сова. – Ну, тогда ты иди, я потом прилечу.

Куличок обратно побежал.

– Нашёл сову? – спрашивает Топал-Ойка.

– Нашёл, – отвечает куличок.

– Где ж она?

– На кедре сидит. Говорит: потом приду.

Ждут, ждут сову – не летит. Топал-Ойка опять куличка посылает:

– Беги скорей. Что её так долго нет!

Побежал длинноногий куличок.

Сова всё ещё на кедре сидит.

– Что ж ты не идёшь? – кричит куличок. – Все тебя ждут.

– В таком деле торопиться незачем, – отвечает сова. – Ещё немного подумаю. И за себя, и за вас мне ведь думать приходится, раз вы сами за себя не умеете. Иди, я следом за тобой полечу.

Прибежал назад куличок, от усталости еле дышит:

– Сова следом за мной летит.

Опять все ждут сову. А её нет да нет. Рассердился Топал-Ойка на куличка.

– Беги за совой, да смотри, без неё не возвращайся!

В третий раз пустился куличок. А сова ещё лапами по ветке не переступила. Как сидела, так и сидит. Куличок ей говорит:

– Ноги меня уже не держат, не могу больше за тобой бегать. И Топал-Ойка гневается.

Сова взмахнула крыльями, сделала круг над куличком.

– Видишь, лечу. А ты уж в последний раз, ног не жалея, беги да скажи, пусть жена Топал-Ойки окно в доме растворит.

Побежал куличок.

– Сова за мной летит. А вы окно в доме распахните – так она сказала.

Распахнули окно. Тут как раз и сова явилась. Села на окно, хвостом внутрь дома, клювом – наружу.

– Ты где пропадала? – спрашивает Топал-Ойка.

Сова молчит.

– Что ты молчишь? – сердится Верхний дух.

– Я думаю, – отвечает сова.

– О чём же? – спрашивает Топал-Ойка.

– А вот думаю: чего на земле больше – сухих деревьев или зелёных?

– Глупо ты думаешь, – говорит Топал-Ойка. – Зелёных деревьев на земле больше.

– Хэ! – говорит сова. – Так только кажется. А я считаю: если у дерева сердцевина высохла, оно всё равно скоро всё засохнет, хотя ещё и зелёное.

– Это ты правильно говоришь, это ты умно думаешь, – сказал Топал-Ойка. – Уж раз начало дерево сохнуть – высохнет, ничего не поделаешь!

– И ещё я думаю, – говорит сова, – если взять всех птиц, рыб, зверей, кого среди них больше – живых или мёртвых?

– Ясное дело – живых, – отвечает Топал-Ойка.

– Вот и нет, – говорит сова. – Ты собрал нас тут, чтобы убить, себе новый дом построить. Мы уже всё равно что мёртвые. Скоро совсем живых не будет.

– Так и есть, – закричал Топал-Ойка. – Как же я раньше не догадался!

Сова опять молчит. И все молчат. Наконец Топал-Ойка не вытерпел:

– Неужели ты думать не кончила?

– Не кончила, – отвечает сова. – Как по-твоему: кого на свете больше – мужчин или женщин?

– Тут и думать не надо, – засмеялся Топал-Ойка. – Мужчин больше. Что, неправда, скажешь?

Сова покачала головой:

– Это как считать! Рассуди сам: если мужчина чужим умом живёт, можно его называть женщиной?

– Не мужчина такой человек, – сказал Верхний дух.

– А ведь это ты о себе говоришь, Топал-Ойка, – сказала сова. – Не мужчина ты!

– Как это не мужчина? – закричал Верхний дух.

– А вот как! Когда зверей, птиц, рыб создавал, никого ты не спрашивал. Тогда был мужчиной. Теперь глупую свою жену послушался. Ей на прихоть хочешь нас всех погубить. Меня-то не убьёшь, я нарочно так села – хвост назад, клюв вперёд. Взмахну крыльями и улечу. Всем, кого ни встречу, кричать буду: не мужчина Топал-Ойка, умом глупой женщины живёт, не своим!

Стыдно стало Топал-Ойке.

– Подожди, не улетай! – сказал он сове. – А вы, рыбы, птицы, звери, идите, откуда пришли. Не стану вас убивать. Мне и в старом доме хорошо. А жена как хочет.

Обрадовались все. Рыбы уплыли, птицы улетели, звери убежали. А сова сидит, жёлтыми глазами светит.

– Ну, что скажешь, сова? – спрашивает Топал-Ойка. – Теперь не будешь про меня говорить, что я не мужчина?

– Теперь, пожалуй, не буду, – сказала сова.

Верхний дух Топал-Ойка очень обрадовался.

Пересказ Н. Гессе и З. Задунайской

ВЛАДИМИР ВОРОБЬЁВ

Владимир Иванович Воробьёв (1916–1993) – один из самых известных детских писателей Прикамья. Даже те, кто ещё не умеет читать и не знает никаких писателей, знаком с его весёлым безобразником Капризкой. Книга «Капризка» выходила много раз, по ней снимали фильм на телевидении и делали спектакль в театре кукол. Но кроме повести про зловредного озорника, Владимир Иванович написал немало интересных сказок. И не только сказок.

Совсем молодым он попал на войну, воевал, был ранен, а потом долго искал своё дело, был и сторожем, и учителем, и рабочим, пока не понял, что его дело – «рассказывать об увиденном и услышанном, сочинять самому».

Он научился это делать талантливо. Напишет одно предложение – и мы уже видим, каков человек, какой у него характер, что он переживает и чувствует. Ты убедишься в этом, когда подрастёшь и прочитаешь рассказы Владимира Воробьёва из книги «Я не придумал ничего».

А пока читай его простые и мудрые сказки.

С К А З К И

САМОГО СИЛЬНОГО В ТРАВЕ НЕ ВИДАТЬ

Раз в сто лет бывает в лесу великий праздник. Все звери и зверушки, все птицы и пичужки собираются на большой поляне.

В этот день никто не охотится, никто не прячется. Только веселятся все.

И вот однажды собрались звери и птицы на поляне. Лиса с зайчишками в пятнашки играла; волк с козлятами — в казаков-разбойников; цапля с лягушками — в фантики.

А Мишке-медведю захотелось силой похвастаться.

— Эй! Кто тут самый сильный? — заревел Мишка. — Выходи со мной бороться.

Перестали ужи с ежами мяч перебрасывать, перестали улитки с черепахами наперегонки бегать. Все окружили медведя. Подталкивают друг дружку в бока, пересмеиваются.

А Мишка на задних лапах похаживает, подбадривает:

— Я тихонько, я легонько! Никого, ребята, не помну.

Вдруг из травы послышался тоненький голосок:

— Я, муравей, всех сильнее. Давайте со мной силой меряться!

Тут все так и покатались со смеху. А лягушки от хохота чуть не лопнули:

– Ква-ха-ха, ква-хва-сту-ун! Ква-х!

– Тебя, Мураш, и в траве не видать, – сказал медведь. – Как с тобой силой меряться?

А Мураш влез на травинку и кричит:

– Эй! Кто двух своих братьев на плечи возьмёт и домой отнесёт?

– Я могу, – выскочил заяц.

Поймал он двух зайцев за уши, но, как ни пыжился, поднять не мог.

Тогда выбежал волк, стал свою силу показывать.

Цапнул он двух волков за загривки, вскинул себе на спину. Да ни шагу с ними. Тяжело.

Дошла очередь до медведя. Сгрёб мишка двух медведей, взвалил на себя. Но только шаг шагнул – и согнулся. Ещё ступил – и взревел:

– На-д-о-р-р-вусь, бр-ррат-ц-ы-ы!..

А муравей проворно слез с травинки и кричит снизу:

– Эй! Теперь на меня глядите!

Поставил он себе на плечи муравья, на того ещё шестеро взобрались.

Стоят друг на дружке семь братьев-муравьёв, а Мураш их несёт.

Несёт – не кряхтит, не сгибается!

Тут все на поляне только ахнули:

– Ах, Мураш-муравей! Ты и впрямь всех сильнее! Чудеса!..

Теперь все знают, что муравей сильнее медведя.

ЛИСА И ВОЛКИ

Везде лиса бывала. Всё она повидала. И чего только не едала! И рябчиков, и уточек, и гусей, и курочек.

А однажды спохватилась: рыбки она ещё не пробовала. Побежала лиса к реке. Бежит. Вдруг видит: навстречу ей волк Серый Лоб.

– Куда, Патрикеевна, путь держишь? – спрашивает Серый Лоб.

– Рыбу есть, – отвечает лиса.

– Возьми меня в товарищи, – попросил волк.

– Беги следом, – сказала лиса.

Бегут они, бегут, видят: выходит им навстречу волк Рваное Ухо.

– Куда, соседи, путь держите? – спрашивает Рваное Ухо.

– Рыбу есть.

– Возьмите меня в товарищи.

– Беги следом, – сказала лиса.

Потом встретили волка Драную Шкуру. Взяли и его в компанию.

Прибежали лиса и три волка к реке.

– Где рыба? – спрашивают волки.

– В реке, – отвечает лиса.

– Это мы и без тебя знаем! – рассердились волки. – Ты что, смеяться над нами вздумала?!

– Дурни вы, дурни. Неужели, чтобы посмеяться над

вами, далеко бегать надо? Будет вам рыба. Только слушайте меня.

– Бу-удем, – провыли волки.

Тут Патрикеевна и говорит им:

– Поглядела я, братцы, из-за кустика, как рыбак Степан рыбу ловит. Вон на берегу его сети на кольях сушатся. Бегите, хватайте сеть и сюда. Да живо!

Приволокли волки сеть.

– Вот тебе сеть, Патрикеевна. А рыба где?

– В реке, – отвечает лиса. – Заводите сеть в реку. А я, братцы, ростом не вышла: где вам по брюхо будет, мне там с ушками. Зато и рыбку дадите мне самую что ни на есть маленькую.

– Ну, коли так, ладно, – согласились волки. Полезли с сетью в воду. Забрели раз – вытащили судака, большущего. Забрели в другой раз – лещ попался, небольшой. Забрели в третий раз – окунька вытащили. Вымокли волки и продрогли. Даже языки у них посинели. В последний раз плотвичку поймали, крохотную.

Вылезли волки на берег и над добычей в кружок уселись. Тут Патрикеевна и говорит:

– Давайте делить рыбу по справедливости. Только пусть Серый Лоб поглядит с бугра, не идёт ли Степан.

Послушался Серый Лоб. Побежал на бугор. А лиса и говорит:

– Серый Лоб судака хочет получить. Я по глазам его вижу. Прогоните, братцы, его. Нам больше останется.

Вернулся Серый Лоб, докладывает:

– Не видать Степана ни с какой стороны.

– Плохо смотр-рел! – зарычали волки.

И давай рвать и кусать товарища. Только шерсть ключьями полетела.

Взвыл Серый Лоб. В лес наутёк пустился.

Сидят над уловом лиса и два волка. Патрикеевна на рыбу глядит, облизывается. А волки языки набок свесили, в драке умаялись. Посмотрела Патрикеевна на одного, посмотрела на другого и говорит:

– Кому же из вас дать судака?

– Мне! – прорычал Рваное Ухо.

– Нет, мне, – прохрипел Драная Шкура.

– Кто злее дрался, тот пусть и съест судака, – сказала лиса.

– Ты как кусался, Драная Шкура?

– Вот так! – ответил Драная Шкура и рванул товарища. – И эдак!

– А я вот так! – хватил его зубами Рваное Ухо. Показывали они, показывали и обозлились вконец. Вцепились друг в дружку по-настоящему.

А Патрикеевна тем временем взбежала на бугор и кричит:

– Бегите прочь! Степан с дубиной идёт!

Одурели волки от злости и боли. Лисе поверили, умчались в лес.

Вернулась Патрикеевна к улову. Села, облизнулась. И только было пировать принялась, рыбак Степан тут как тут.

Он из-за кустика поглядывал и всё видел. Набросил Степан мокрую сеть на лису, завязал в тугой узел и смеётся:

– Не тот умён, кто козни плетёт, а – кто сети!

КАК ДЕД МОРОЗ ПАРАД ПРИНИМАЛ

Давно так повелось. Всё, что ни есть живого, перед Дедом Морозом в ответе. Все его прихода ждут. А лишь он появится – тут и параду быть. Проходят, пролетают перед Дедом Морозом – как кому от роду положено. И те, кому зиму зимовать, и те, кому зимой спать, и те, кому улетать надо.

Дед Мороз всем строгую проверку делает. Кто к зимнему параду не готов – с того взыщет.

Лишь опадут листья в лесу и осыплются ягоды, начинается этот парад.

Вот пришёл Дед Мороз, сел на пенёк посреди большой поляны. Сдвинул мохнатые белые брови и велел начинать. Пошли мимо него медведи. Вразвалку. Толкаются.

– Пошто строя не знаете? – рассердился Дед Мороз.

Старший медведь засопел, почесал брюхо и говорит:

– Смилуйся, батюшка! Сроду мы такие. Косолапые.

– Кажи шубы.

Вывернули медведи шубы. Добрые шубы у всех. Тёплые.

– Марш по местам! – скомандовал Дед Мороз. – И что бы духу вашего я в лесу не чуял.

Побежали медведи кто куда. В берлогах попрятались. Появились перед Дедом Морозом лисы. Все с танцами да с вывертами. Хвосты огненные на плечи заброшены.

– Кажы хвосты, лукавые.

Показали лисы хвосты пышные.

– И то! – молвил Дед Мороз. – Эти небось в лесу лишнего не наследят.

Тявкнули лисы почтительно и – в кусты.

Из чащи, громко топоча, выбежали олени. Вся поляна рогами ветвистыми, будто лесом, поросла.

– Кажы рога.

Показали олени рога.

– Славное оружие. А чем зимой кормиться, знаете?

Топнули олени копытами. Из-под копыт трава с корнями полетела.

– Молодцы! – сказал довольный Дед Мороз. – Из-под снега корм добудете. Ступайте, любезные.

Трусцой убежали олени.

Парад шёл своим чередом.

Прошли мимо Деда Мороза колючие ежи. На иголках грибы нанизаны. Про запас. Похвалил их Дед Мороз за смекалку.

Прошмыгнули серые мыши с котомками. Дед Мороз им вслед пальцем погрозил. В котомках-то у них зерно. Уворованное.

Важно прошествовали бобры. Похвалил их Дед Мороз за новые шубы да великий ум, за мастерство тоже. И правда, лучше бобров никто дома делать не умеет.

Последними белочки проскакали. Их на поляну с деревьев посыпалось видимо-невидимо. У каждой хвостик пушистый огоньком пламенеет. Белочки Деда Мороза хороводом весёлым потешили. Смешными прыжками, ужимками позабавили.

Улыбался Дед Мороз в бороду, довольнёшенек. А похвалил, однако, не за баловство и танцы, а за хозяйственность. Насушили белки грибов, насобирали орехов пре-

достаточно. Да и шубками обзавестись успели отменными. Отпустил белочек Дед Мороз в лес с похвалой и ласковым словом.

Опустела наконец лесная поляна. Дед Мороз сидит, задумался: всех ли он проверил? Может, кто на парад не явился? Да вдруг как хлопнет себя по лбу:

– Ба! А лягушки, а ужи, жуки, мотыльки, червячки-гусеницы, комарьё всякое – куда девались? Почему не на параде?

Ворона ему в ответ с дерева прокаркала:

– Кар-р, кар-р! Котор-рые зар-робели, котор-рые попрятались под кор-рой, под кор-рнями.

Покачал головой Дед Мороз. Улыбнулся в усы и промолвил:

– Хорошо ли попрятались, мелкота? Поглядеть надо.

А тут и первый снежок с неба пошёл. Несмелый, неслышный.

Только было собрался Дед Мороз уходить, шапку надел, варежки – вдруг ещё вспомнил:

– А зайцы? Где зайцы? Куда запропастились?

А зайки давно перед ним толкутся, ушами прядут. На Деда Мороза глазами косят. Удивляются: «Почему он нас не замечает?»

– Да вот мы, дедушка! Все здесь! – крикнули зайцы.

Дед пригляделся – и правда, тут они. Шубки на них белые. На снегу-то и не разглядеть сразу.

– Вон как пострелы вырядились! – рассмеялся Дед Мороз. – Ну, добро. Марш по местам!

И бросились зайцы врассыпную. Кто куда. Окончился зимний парад.

О ТОМ, КАК ЛЕЖЕБОКА НЕОХОТКИН РАБОТЯГОЙ СТАЛ

Было такое время на земле, когда люди ещё только выбирали себе занятия.

Одни становились охотниками. Другие – мастерами. Третьи – землепашцами.

Мало ли людям дела на земле?

Лишь один Лежебока Неохоткин ничего делать не хотел. Никакой себе работы не выбирал.

Однако и до него дошла очередь.

Говорят ему люди:

– Мы на тебя работать не будем. Выбирай себе дело по душе. Да не мешкая.

Почесал Лежебока Неохоткин за ухом и отвечает:

– Беру себе сразу три дела.

Удивились люди:

– Экий ты пряткий! Какие же три дела за тобой оставить?

– Есть, пить и спать!

– Ладно, – сказали люди. – Только нас не зови. Мы тебе помогать не будем.

– Захочу есть, пить, спать – никого не буду звать, – пообещал Лежебока Неохоткин.

С тем люди и ушли. А Лежебока на травке растянулся – полёживает.

Но прошло немного времени, и захотелось ему есть. Чем ни дальше – всё сильнее. Потом и вовсе невтерпёж.

– Есть хочу! – закричал что есть мочи Лежебока Неохоткин.

Глядит он: никто к нему не идёт. Никто еды не несёт. Почесал Лежебока за ухом и отправился мяса добывать. Да не сразу. Сначала пришлось лук и стрелы мастерить. Капканы, ловушки ставить. Охотиться.

Теперь мясо есть, а котла нет. Варить мясо не в чем. Отковал Неохоткин котёл железный. Да не сразу. Сначала пришлось гору копать, руду искать. Железо плавить.

Теперь есть и котёл и мясо. Соли надо. Добыл Лежебока Неохоткин щепотку соли. Да не сразу. Сначала пришлось землю копать – солёную воду искать. И в котле её выпаривать.

А тут ещё хватился – ложки нет. Ложку сделал, хватать – хлеба нет! Пришлось Лежебоке Неохоткину землю пахать, рожь сеять, убирать, молотить, веять. Муку молоть, тесто месить, хлеб печь.

«Видно, не сразу поешь, как захочется», – подумал Лежебока.

А поел досыта – пить ему захотелось. Чем ни дальше – всё сильнее. Потом и вовсе невтерпёж.

– Пить хочу! – закричал что есть мочи Лежебока Неохоткин.

Глядит он: никто к нему не идёт. Никто чистой воды не несёт.

Почесал Лежебока Неохоткин за ухом. Сам себе чистой воды принёс. Да не сразу. Сначала пришлось колодец копать. Ведро делать. Воды из колодца начерпать.

«Видно, не сразу попьёшь, как захочется», – подумал Лежебока Неохоткин.

А поел и попил он досыта – захотелось ему спать. Чем ни дальше, всё сильнее. Потом и вовсе невтерпёж.

– Спать хочу! – закричал что есть мочи Лежебока Неохоткин.

Глядит он: никто к нему не идёт, никто кровать с подушками не несёт. Почесал Лежебока Неохоткин за ухом. Принялся за дело.

Поставил дом. Печь сложил. Стол, стулья и кровать смастерил.

«Видно, не сразу поспишь, как захочется», – подумал Лежебока Неохоткин.

С тех пор много он дел переделал. Всякой работе выучился. Да не вдруг и не сразу.

Он и сам давно забыл, что его Лежебокой Неохоткиным звали. И люди о том не вспоминают. Ему каждый теперь помочь рад. И говорят все о нём уважительно: – Работяга парены!

ЛЕВ ДАВЫДЫЧЕВ

Лев Иванович Давыдычев (1927–1988) родился в городе Соликамске Пермской области. Его первая книга для детей – «Волшебник дачного посёлка» – появилась в 1952 году, а потом вышли десятки книг в Перми, в Москве, и не только у нас в стране, но и за рубежом – в Венгрии, Польше, Болгарии. Однажды писатель сказал: «Если бы собрать всех героев моих книг, то, пожалуй, они не уместились бы в моей квартире». Конечно, не уместились бы. Во-первых, потому, что эта и без того небольшая квартира была заставлена книжными шкапами – Лев Иванович был не только хорошим писателем, но и талантливым читателем. А во-вторых, потому, что компания героев, которых он придумал, очень велика, да ещё каждый – со своим кругом друзей и знакомых! Нет уж, пусть лучше живут на страницах книг.

С несколькими героями всего двух книг Льва Давыдычева ты сейчас познакомишься. О том, что случилось с ними дальше, узнаешь, если прочитаешь эти весёлые книги целиком.

Посмотри на названия повестей. Какую особенность ты заметишь? (Если не заметил ничего необычного, сосчитай в них слова.)

Какие ещё приёмы и выдумки автора рассмешат тебя, повысят настроение?

Эти книги и вправду очень смешные, но заставляют делать и нешуточные выводы. Какие?

МНОГОТРУДНАЯ, ПОЛНАЯ НЕВЗГОД И ОПАСНОСТЕЙ ЖИЗНЬ ИВАНА СЕМЁНОВА, ВТОРОКЛАССНИКА И ВТОРОГОДНИКА

Отрывок из повести

САМЫЙ НЕСЧАСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК НА СВЕТЕ

Иван Семёнов – несчастный, а может быть, самый несчастный человек на всём белом свете.

Почему?

Да потому, что, между нами говоря, Иван не любит учиться, и жизнь для него – сплошная мука.

Представьте себе крепкого, рослого мальчишку с наголо остриженной и такой огромной головой, что не всякая шапка на неё налезет.

И этот богатырь учится хуже всех в классе.

А, честно говоря, учится он хуже всех в школе.

Обидно?

Ещё как!

Кому обидно?

Да всему классу!

Да всей школе обидно!

А Ивану?

А ему хоть бы хны!

Вот так тип!

В прошлом году играл он в белого медведя, целый день на четвереньках ходил по снегу – заболел воспалением лёгких. А воспаление лёгких – тяжёлая болезнь.

Лежал Иван в постели еле живой и хриплым голосом распевал:

Пирамидон-мидон-мидон!

Аспирин-пирин-пирин!

От лекарства пропаду-ду-ду!

Только в школу не пойду-ду-ду!

Долго лежал Иван. Похудел. И едва выпустили его на улицу, он давай кота Бандюгу ловить: хотел дрессировкой подзаняться. Бандюга от него стрелой, Иван за ним, поскользнулся – руку вывихнул и голову чуть не расколочил.

Опять его в постель, опять он еле живой, опять хриплым голосом поёт, распевает:

На кровати я лежу-жу-жу!

Больше в школу не хожу-жу-жу!

Лучше мне калеккой быть-быть-быть!

Лишь бы в школу не ходить-дить-дить!

Хитрый человек этот Иван Семёнов! Уж совсем поправился, а как врач придёт, Иван застонет, глаза закатит и не шевелится.

– Ничего не могу понять, – растерянно говорит врач, – совершенно здоровый мальчик, а стонет. И встать не может. Ну-ка, встанем!

Иван стонет, как раненый на войне, медленно опускает ноги с кровати, встает.

– Вот и молодец, – говорит врач. – Завтра можешь идти в школу.

Иван – хлоп на пол. Только голова состукала. Его обратно в кровать.

А план у Ивана был простой – болеть как можно дольше. И всех бы он, Иван Семёнов, перехитрил, если бы не муха.

Муха, обыкновенная муха подвела Ивана. Залетела она в комнату и давай жужжать. Потом давай Ивану на нос

садиться. Он её гонял, гонял – никакого результата. Муха оказалась вредной, ехидной и ловкой.

Она жужжит.

Иван чуть не кричит.

Извела муха Ивана.

И спокойненько уселась на потолок. «Подожди, – решил Иван, – сейчас я тебе напинаяю».

Он подтащил стол, на стол поставил стул, взял полотенце, чтобы прихлопнуть муху, и – залез. А муха улетела.

Иван от злости давай по потолку полотенцем хлопать!

Вспотел даже.

В это время в комнату вошёл врач. Ну и попало Ивану, невезучему человеку, так попало, что с тех пор он мух бьёт кулаком, да изо всех сил!

ОСТАВИЛИ ИВАНА ВО ВТОРОМ КЛАССЕ НА ВТОРОЙ ГОД!

Все Ивана жалели.

А он?

А он хоть бы хны!

Ну не получается у него учёба! Вот сядет он уроки готовить, обмакнёт перо в чернила, вздохнёт – клякса.

Иван её промокашкой хлоп!

Клякса посветлеет, но станет ещё больше. Иван снова обмакнёт перо, снова вздохнёт и – снова клякса.

Смотрит он на кляксы и мечтает. Хорошо бы сделать так, чтобы голова отвинчивалась. Пришёл бы в класс, спокойненько сел бы на своё место, отвинтил бы свою собственную голову и спрятал бы её в парту.

Идёт урок. Ивана, конечно, не спрашивают: не может же человек без головы говорить! Ведь говорит-то он ртом, рот-то у него в голове, а голова – где? В парте!

Звонок на перемену. Иван привинчивает голову и носится по школе.

Звонок на урок. Иван голову – вжик! вжик! вжик! – и обратно в парту. Сидит. Красота!

Думал Иван, думал и придумал однажды замечательную штуку. Пришёл он как-то в школу, сел за парту и молчит. Минуту молчит, вторую молчит, третью...

Пять минут прошло, а он – молчит!

– Что с тобой? – спрашивают ребята.

Иван отвечает:

– Зззззззззззз... – и голова у него дёргается.

– Заболел? – спрашивают ребята. Иван кивает.

– Чем заболел?

Иван мелом на классной доске пишет:

Я ЗАЙКА

Ребята ничего не понимают. Колька Веткин говорит:

– Да ты и не похож на зайца.

Иван весь задрожал – и:

– Зззззззззззззззз...

– Зайкой он стал! – догадался Паша Воробьёв. – Зайкой, а не зайкой.

Иван обрадованно закивал.

Как только в класс вошла Анна Антоновна, ребята загалдели:

– Семёнов болен!

– Он зайкой стал!

– Говорить не может!

И всем классом, хором:

– Зззззззззззззззз...

– Тише, – сказала Анна Антоновна и вызвала Ивана к доске, и стала спрашивать.

А Иван отвечал так:

– Трр... бр... др... – и голова у него дёргалась.

– Молодец, – сказала Анна Антоновна, – правильно от-

ветил. Ставлю тебе пять с плюсом.

— Пять с плюсом?! — радостно переспросил Иван, который ни разу в жизни и четвёрки-то не получал.

А ребята захохотали.

А громче всех Колька Веткин.

Вызвали отца Ивана в школу. Ох и попало потом зайке-зайке!

И сказал он друзьям:

— Хватит. Точка. Не могу больше так жить. Буду проситься на пенсию. Со здоровьем у меня из-за этой учёбы совсем плохо. Сегодня же напишу заявление.

— А куда, куда заявление? — с огромной завистью спросил Колька. — Отвечай давай, если совесть у тебя есть!

— Совесть у меня есть, не беспокойся, — со вздохом проговорил Иван. — Но не имею я права каждому рассказывать, куда заявление о пенсии писать буду.

От обиды и возмущения Колька весь задрожал и крикнул:

— Всегда ты такой! Собакой лаять научишь, ручки в пол втыкать научишь, а на пенсию один отправишься?!

— Ты соображай, — посоветовал Иван. — Если все на пенсию уйдут, кто же учиться будет? — И он ушёл, опустив свою большую голову.

Весь вечер трудился Иван над заявлением.

Вот что у него получилось:

Ваше местерство.
Учительница Мелня
Мучит. за каждую
ошибку ставит
пару Траиц
приметимеру и
асвабадит Мелня
по здоровью ~~от~~
отдыху. спасибо
Халю пасиют
пеньсисо. Замто
квал опять спасибо
и привет
Иван Семёнов.

На конверте от написал:

Станица Москва
ваше местерство пасит
пеньсис от Ивана
Семёнова с приветом
квал замвление.

Через день почтальон принёс письмо обратно и сказал Ивану:

– Нет такого адреса. И ошибок больно много. Рано тебе ещё жаловаться. И пенсию рано просить. Сначала школу окончи, поработай, потом жалуйся сколько тебе угодно.

Много разных историй с Иваном было, всех не расскажешь.

Но вы уже, конечно, поняли, какой это несчастный человек.

ЛЁЛИШНА из третьего подъезда

Отрывок из повести

ПАРАД УЧАСТНИКОВ

ЛЁЛИШНА ОХЛОПКОВА

Лёля Охлопкова, которую все называют Лёлишна, живёт в нашем доме – в третьем подъезде, на пятом этаже.

Ей одиннадцать лет.

Живёт она с дедушкой. Родители её умерли.

Хотели Лёлишну взять в детский дом, но дедушка сказал:

– Не выйдет.

И заплакал. Он ведь очень старенький, и ему совсем не хотелось оставаться одному.

Потом его хотели взять в дом для престарелых, но Лёлишна сказала:

– Не выйдет.

И не заплакала, потому что хотя и была маленькой, да ещё девочкой, но характер у неё был мужественный.

Она сказала дедушке:

– Пойдём-ка лучше купим мороженого.

Так они и сделали.

Сначала им стало весело, однако когда вернулись домой, дедушка опять чуть не заплакал.

– Ты только слушайся меня, – сказала Лёлишна, – и всё будет очень замечательно!

– Ладно, – ответил дедушка, – за меня не беспокойся. Я буду вести себя очень прекрасно.

Он выпил валерьяновых капель (тридцать четыре штуки), прилёг и заснул.

Лёлишна поцеловала его в лоб, вышла на балкон и расплакалась, хотя у неё был мужественный характер.

«Бедный дедушка, – подумала она. – Он ведь тоже сирота. У меня мамы и папы нет, и у него мамы и папы нет. Одни мы с ним остались».

Но долго переживать у неё не было возможности: некогда, забот много. Вряд ли кто из вас поймёт это, разве что некоторые девочки. А кто поймёт, тому и растолковывать не нужно.

Достаточно лишь сказать: Лёлишна была главой семьи. А быть главой семьи хотя бы из двух человек – дело трудное и неблагодарное. И главная его трудность заключается в том, что состоит оно из мелких мелочей.

Казалось бы, чего проще – сходить на рынок и в магазин, приготовить обед, прибрать квартиру?

А ну попробуйте.

И вы увидите самое неприятное, увидите, что время

проходит. Да, да, пройдёт несколько часов, а что, собственно, вы успели сделать? Мелкие мелочи. Даже и похвастаться нечем.

Все до того привыкли считать работы по домашнему хозяйству не стоящими внимания, что и не обращают на них внимания. Но...

НО...

едят!

Причём каждый день,

причём не один раз

и чтоб ВКУСНО было!

Поели, «спасибо» сказали.

А кто посуду мыть будет?

А кто пол мыть будет?

Бельё стирать?

Гладить бельё кто будет?

Лёлишна всё делала сама. Если дедушка и брался помогать, то лучше бы и не помогал: путал он всё, забывал, всё у него из рук валилось – старенький был дедушка.

На днях он сжёл на сковородке трёх рыб, которых внучка поручила ему зажарить.

– Ах, тебя ни о чем нельзя попросить! – воскликнула Лёлишна, а дедушка стал уверять, что обожает полусго-ревшую рыбу.

И в доказательство даже съел одну штуку.

А после этого ему стало плохо.

И Лёлишна весь вечер просидела у его кровати.

Старый да малый – это очень трудно, но выручала дружба. Дедушка и внучка были верными друзьями.

И если вам часто не хватает времени, то у Лёлишны свободного времени почти не было. Она никому не жаловалась, никто и не замечал, как ей живётся.

Но, повторяю, характер у девочки был мужественный.

Не будь у неё такого характера, я бы и писать о ней не стал.

ПЕТЬКА-ПАРА

Это что такое? Все участники нашего парада стоят на ногах, а этот...

Лежит!

И спит...

Разрешите представить вам Петьку-Пару, чемпиона по плевкам, известного двоечника.

Спать он может до двух часов дня (если его разбудят, а если нет, то до трёх или четырёх часов).

Будит его бабушка. На эту операцию ей требуется часа полтора, а то и два.

Да ещё с половиной.

Сначала бабушка снимает с внука одеяло и выдёргивает из-под его головы подушку.

Тогда он суёт себе под голову кулак, а другой рукой накрывает плечо.

И спит.

Затем бабушка вытаскивает из-под него матрац.

Петька остаётся на голой раскладушке.

И спит.

Бабушка выливает на него стакан холодной воды.

Петька вертится, крутится, но не просыпается.

Бабушка выливает на него ещё стакан холодной воды.

Петька недовольно хрюкает, плюётся, но не просыпается.

Тогда бабушка опрокидывает раскладушку.

Петька стучается об пол и продолжает спать.

Примерно через полчаса он встаёт на четвереньки: холодно лежать на полу!

И ползёт, не открывая глаз. Ползёт к ковру.

Но хитрая бабушка ставит на его пути стул.

Петька стук об него лбом и поворачивает в сторону. И опять натывается на стул.

Стукнувшись о стул раз восемь, Петька садится и начинает протирать глаза.

А бабушка уже наготове – стоит с миской в руках.

А в миске – каша.

И ещё не проснувшись, внук широко раскрывает рот, а бабушка складывает туда кашу.

Петька глотает.

Съев кашу, он просит:

– Чай!

Бабушка мчится за чаем.

Насытившись, Петька сначала открывает один глаз, а через несколько минут – второй.

Но если вы думаете, что он уже проснулся, то ошибаетесь.

Бабушка берёт его под мышки, поднимает и держит так до тех пор, пока внук не перестанет покачиваться. Она отпускает его и говорит:

– Вот мы и проснулись.

Бывало, что Петька засыпал среди бела дня. Это кончалось тем, что замок в дверях приходилось взламывать.

Мог он уснуть и в трамвае, и в кинотеатре, и в бане, а уж как крепко спал он на уроках – и говорить не надо! Замечательно спал.

Ещё любил Петька плевать. Это было его любимое занятие. Он мечтал научиться плевать так метко, чтобы с высоты пятого этажа попадать в гривенник.

В каждом классе Петька сидел по два года; и к этому все так привыкли, что если бы он вдруг перешёл в следующий класс как положено, то все бы удивились.

Когда его отца вызывали в школу и жаловались на сына, отец говорил:

– Ничего, ничего, гражданка учительница, образумится парень со временем. Вот пойдёт в армию, там из него человека сделают.

– А до армии? – спрашивала учительница.

– Живёт ведь. А что? – невозмутимо спрашивал отец. – Не ворует, людей не убивает. Правда, соображает он плоховато. Так ведь не всем же академиками быть. Дворники тоже нужны.

Но Петька ни дворником, ни академиком быть не собирался. Любил он:

поесть,
поспать и
поплевать.

Больше Петьку ничто в жизни не интересовало. В это лето он перешёл в третий класс. Точнее сказать, не перешёл, а переполз.

ЗЛАЯ ДЕВЧОНКА СУСАННА КОЛЬЧИКОВА

Я бы с удовольствием не написал о ней ни строчки, если бы она не участвовала в представлении.

Ей десять лет. Всего десять лет!

Но за свою небольшую жизнь она ухитрилась сделать людям столько неприятностей, сколько другому не сделать и за двести лет.

Можно сказать, что она только тем и занималась, что злилась.

И со злости творила всякого рода безобразия.

Ростом она маленькая; худенькая, вёрткая.

Пулей вылетит из подъезда.

Стукнет кого-нибудь по затылку.

И обратно

пулей
в подъезд,
домой!

А дома её встречают одна мама, один папа и две бабушки. Они до того обожают свою ненаглядненькую Сусаночку, что считают её самым замечательным ребёнком на всём земном шаре! Они и не подозревают, какие она творит злодеяния.

Однажды Сусанна проколола гвоздём футбольный мяч, ткнула в крышку и – пши-и-и-и...

Двадцать мальчишек – сорок ног – бежали за ней.

И её – две ноги – не поймали!

Кстати, это она научила Петьку-Пару плевать. Сказала ему, что если целый день плевать на одно место, то к вечеру на этом месте вырастет белый гриб. Петька

плевал,
плевал,
плевал,
плевал...

Никакого белого гриба, даже мухомора, конечно, не выросло, а плевать –

понравилось. Привык.

Даже Виктор Сусанны побаивался. А что делать? Бежит мальчишка, она ему подножку – раз! Он плюх на землю, искры из глаз, голова гудит. Он вскочит и – на Сусанну с кулаками. Она – реветь и звать на помощь. Люди видят: стоит девочка, плачет в четыре ручья (по два из каждого глаза), а её хотят бить. И все – ей на помощь. Вот она какая, Сусанна Кольчикова.

ВАСИЛИЙ ИСАЕВ

Василий Иванович Исаев (1921–1984) родился и жил на севере Прикамья, в Коми-Пермяцком автономном округе. В 1942 году он ушёл на фронт, воевал с фашистами, был ранен, вернулся домой на костылях. А после войны стал учителем. Василий Иванович учил детей не только читать и писать, но и любить природу родного края. Коми-Пермяцкий автономный округ — лесной край. Вот почему всё творчество писателя связано с лесными происшествиями и приключениями.

Прочитай рассказ о таком происшествии.

Можешь представить себя на месте одного из мальчиков.

Попробуй сделать рисунки к этому рассказу.

ЛОСЁНОК С ЛЕНТОЙ

Рассказ

День выдался на редкость хороший, тёплый, настоящий майский денёк.

После уроков Миша сказал Ване:

– Пошли сегодня по клюкву.

– Что ты, какая клюква весной?

– А та, что с прошлого года осталась. Она за зиму не портится и очень вкусная.

– Ну, пошли.

Ребята занесли портфели домой и отправились в лес. Дошли до Пугыр-болота, где росла клюква. Её было совсем немного. Они долго ходили по болоту, потом вышли на пригорок, поросший частым кустарником. Когда-то здесь был лес, его вырубил, и теперь среди мелкого осинника и кустов возвышалось лишь несколько старых осин и берёз.

– Какие осины огромные! – сказал Миша. – Интересно, сколько им лет?

Вдруг Ваня испуганно вскрикнул:

– Ой, там кто-то лежит!

– Где?

– Вон под той осиной. Видишь? Идём лучше отсюда.

Миша пригляделся и увидел что-то лохматое, неподвижно лежащее на траве.

– Надо посмотреть, что там такое, – сказал Миша.

Пригнувшись, вытянув шею, он остановился и махнул Ване рукой:

– Подходи, не бойся!

Но Ваня нерешительно топтался на месте. Тогда Миша крикнул:

– Лосёнок здесь лежит и ещё кто-то, мех очень красивый.

Ваня робко подошёл.

– Это рысь, – сказал он. – Отец в прошлом году принёс такую с охоты.

Миша оглядел землю вокруг и сказал:

– Всё понятно. Это лосиная тропа, они тут ходят на водопой на Нипанку. Рысь подстерегала лосиху с лосёнком, бросилась на них с дерева и вцепилась в лосёнка, но лосиха стала биться с рысью. Видишь?

Миша показал на глубокие следы лося на земле, полуманьяные кусты можжевельника, развороченный мох.

Вдруг лосёнок дёрнул ногами. Ребята бросились к нему.

– Он живой! – закричал Миша. – Ой, какая рана на шее!

– Надо его перевязать, – сказал Ваня. – А то подохнет. Вон кровь-то как течёт!

Миша снял рубаху и сказал:

– Давай сюда ножик.

Ребята отрезали от рубахи длинный лоскут, положили лосёнку на рану листья подорожника, как это делала Мишина бабушка, когда он порезал себе палец, и перевязали. Лосёнок тяжело дышал. Ребята сидели над ним и думали, как доставить его в деревню.

Вдруг затрещали сучья, Ваня взглянул и обмер:

– Лосиха! – Он схватил Мишу за руку: – Бежим скорее отсюда! Говорят, лось, если рассердится, ногой может дерево свалить...

Прибежав домой, мальчики рассказали, что видели на болоте.

Мишин отец спросил:

– Значит, рысь задрала лосёнка?

– Не задрала, а только хотела. Лосёнок жив остался, мы его перевязали, – сказал Миша. – А потом вернулась лосиха, и мы убежали, даже ягоды там бросили.

На другой день Мишин отец пошёл с ребятами на Пугыр-болото. Как же удивились они, когда на поляне, неподалёку от болота, увидели лосиху и лосёнка с белой повязкой на шее. Лосиха не испугалась людей, но всё же тихонько увела лосёнка в лес, ласково поглядывая на ребят, словно говоря: «Спасибо вам».

Шкуру рыси Мишин отец принёс домой. Весенняя шкура худая, в заготларёк* её не приняли, но из неё получилось хорошее чучело для школы.

Кто не видел рыси, приходите посмотреть.

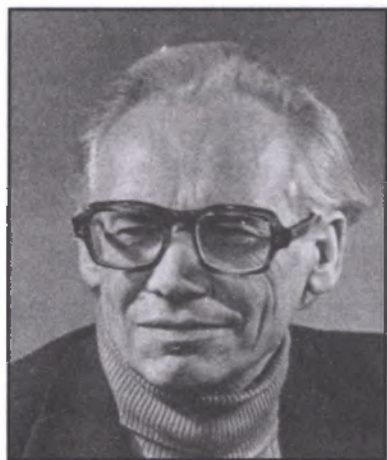
А можно сходить на Пугыр-болото, может быть, встретите там спасённого Мишей и Ваней лосёнка. Только он теперь уже большой и, наверное, без белой ленты.

---

* *Заготларёк* – заготовительная контора, принимающая у охотников шкуру убитых животных.

ЛЕВ КУЗЬМИН

Лев Иванович Кузьмин (1928–2000) — поэт и прозаик. Всего у него вышло около ста книг! Из них только одна для взрослых, остальные — детские. Среди них стихи, сказки и рассказы для малышей («Шагал один чудак», «Капитан Коко и Зелёное Стёклышко», «Четверо в тельняшках», «Добрый день», «При ясном солнышке» и много других) и книги для ребят постарше («Косохлёт», «Чистый след горностая», «Золотые острова»). Произведения Льва Кузьмина печатали журналы «Мурзилка» и «Костёр», издательства в Перми и в Москве.

Лев Иванович писал: «Я так же, как вы, очень любил, люблю и, конечно, всегда буду любить разные истории о волшебниках, о чудесах... Но не всё самое интересное, самое чудесное находится за высокими лесами, за глубокими морями. Необыкновенных случаев, волшебных дел, удивительных людей полно и вокруг нас. Они — рядом! Да вы и сами наверняка можете стать чуточку да волшебниками, если... Вот об этом-то «если» я и хочу рассказать каждый раз, когда начинаю писать новую книжку».

Как ты думаешь, что скрывается за этим удивительным «если»? Сказки Кузьмина — про самолётки, про ветер и тучу, про разных зверей, а на самом деле они о дружбе, верности, о доброте... Прочитай сказки и попробуй дополнить этот перечень.

БУМАЖНЫЙ САМОЛЁТИК

– Эй, бумажный самолётик!
Ты куда это летишь?
Расскажи, зачем поднялся
Выше сосен,
Выше крыш!

– Я за речку,
Я за поле,
Я за синий бор лечу,
Я увидеть все на свете
Страны дальние хочу.

– Что ты! Что ты, самолётик!
Надвигается гроза.
В поле молнии сверкают,
Из-за речки выплывают
Чёрной тучи паруса.

Там вдали, за синим бором,
Ливни ходят полосой.
Воротись!
На тонких крыльях
Ты не справишься с грозой!

Но всё дальше самолётик
Мчит, над крышами скользя:
– Не печалься!
Мне не страшно!
У меня кругом друзья!

Если частый град ударит,
Если тучи громыхнут,
Для меня везде мальчишки,
Для меня везде девчонки
Настежь окна распахнут.

И к ребятам прямо в руки
Я воробушкой нырну,
И на чьей-нибудь ладошке
Посижу и отдохну.

А когда с друзьями вместе
Яркой радуги дождусь,
На бумажных
Тонких
Крыльях
Снова в небо поднимусь!

КАК ДО НЕБЕС ДОБРАТЬСЯ

Что нужно сделать, братцы,
Чтоб до небес добраться?
За стол сначала надо сесть,
Тарелку манной каши съесть,
Потом в зелёный лес пойти,
Сосну высокую найти
И вверх
По крепким сучьям
Подняться к белым тучам.
А там
На тучу встать ногой,
Шагнуть на радугу – другой...
И вот
Уже нас не достать,
И небеса все наши!
Но, повторяю,
Начинать
Нам надо с манной каши.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СЛОНА

Под солнцем палящим
Со склона
На склон
Идёт по горам
Путешественник Слон.
Все земли прошёл он,
Все страны увидел,
Метлой подметал
Тротуары в Мадриде,
В Стамбульском порту
Пароходы грузил,
Но всюду, но всюду
По дому грустил.

И вот наконец он совсем стосковался,
Купил чемодан и в дорогу собрался.
И вот он шагает,
Ушами трясёт –
Родным и знакомым подарки несёт.

А родина с каждой минутой всё ближе,
А горные склоны всё ниже и ниже...
И кончился путь! И у светлой реки
Толпою встречают Слона земляки.
Они обнимают его и качают,
А он им –
Всем, всем! –
По подарку вручает.

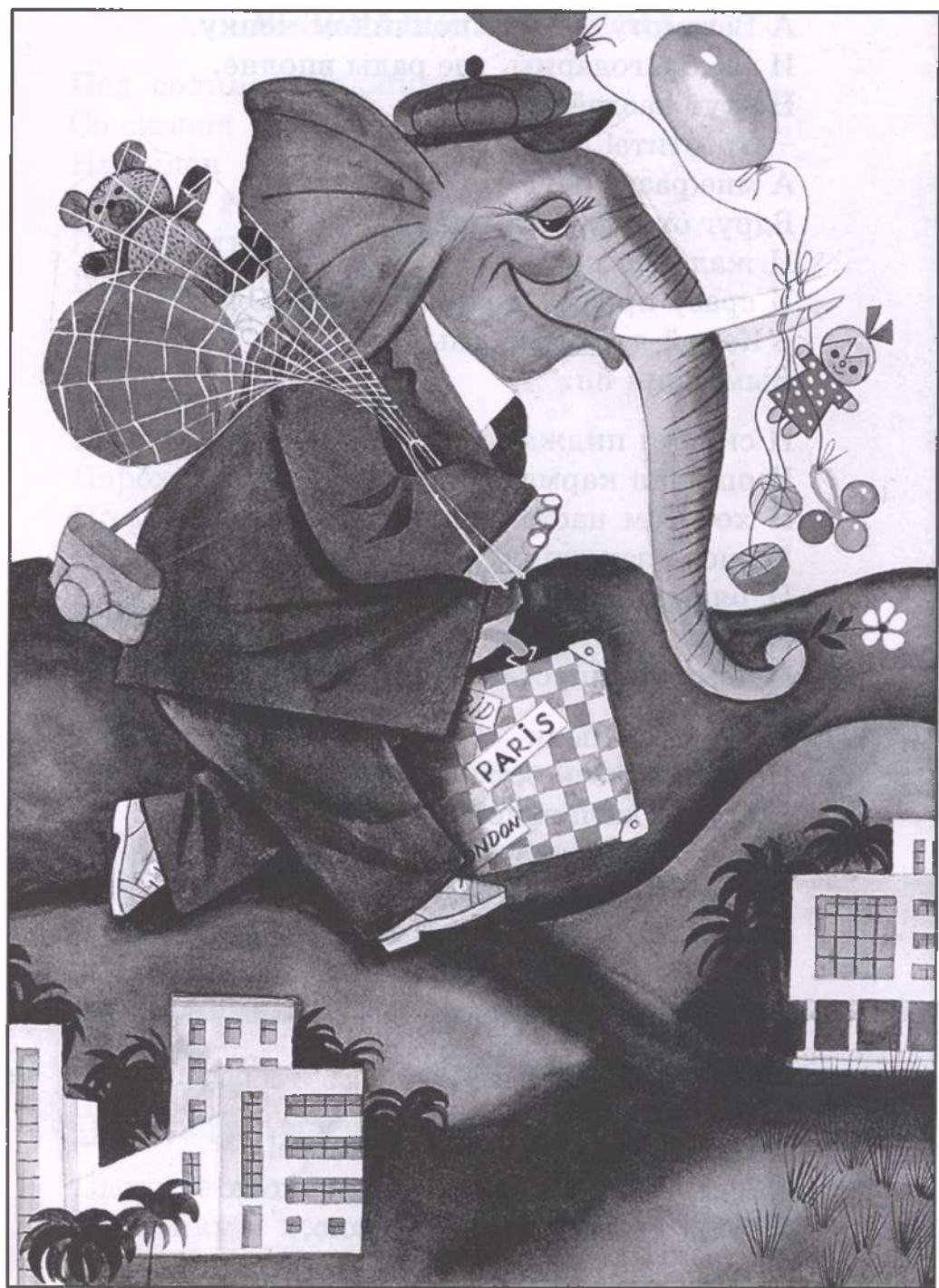
Слонихе подносит духи и серёжки,
Слонёнку – портфель с букварём и сапожки,
Жирафу – пальто в золотистую клетку,

А Бегемоту – с помпончиком кепку.
И все благодарны, все рады вполне,
Но тут раздаётся:
– Простите! А мне?
А мне разве нет? –
Вдруг откуда-то вышла
И жалобно пискнула серая мышка.
И сразу притих и сконфузился Слон.
– Какой я бессовестный! –
Вымолвил он.

И скинул пиджак,
И ощупал карман,
И хоботом настежь открыл чемодан.
И снова захлопнул,
И рядышком сел,
И грустно сказал:
– Чемодан опустел!

И все приуныли.
Но тут во весь рот
Крикнул печальной толпе Бегемот:
– Подумаешь, горе!
Ну, стоит ли, братцы,
Нам из-за Мышки так волноваться?
Ведь мы ВЕЛИКАНЫ!
А мышь чуть видна.

Но Слон прошептал:
– Не хвались, старина.
Мышка не хуже тебя, Бегемота!
Ей, серенькой, тоже подарок охота.
И я исправляю ошибку свою,
Я вновь покидаю друзей и семью...

И вот он поднялся,
Устало вздохнул.
Хоботом, словно рукою, махнул
И двинулся снова в чужие края,
За дальние горы и за моря.

Ушёл он!
И снова от дома вдали
То улицы мёл, то грузил корабли.
Под ним пароходные трапы трещали.
Его непогодою тучи стращали,
Не знал он ни отдыха,
Ни передышки
И – заработал подарок для Мышки.

Но только купил он теперь
Не одежду
И не духи,
А губную гармошку!
И сам поиграл,
И ушами похлопал,
И радостно хрюкнул,
И к дому потопал.

Он шёл и смеялся!
Он шёл и трубил:
– Хороший подарок
Я Мышке купил!
Теперь будет славно
и весело всем,
Теперь я шагаю
домой насовсем!

ВЕТЕР И ТУЧА

Ветер с Тучею дружили,
Полю чистому служили:
Поливали в жаркий день
То пшеницу, то ячмень.

Но однажды крикнул Ветер:
– Я главнее всех на свете!
С Тучей больше не дружусь,
Сам я в поле потружусь!

Туча сразу рассердилась,
Туча в ёлки опустилась,
В чащу спряталась по грудь,
Ну а Ветер начал дуть.

Дул он, дул он что есть мочи,
Дул с рассвета до полночи,

А с полуночи опять
Принимался бушевать.

Наконец устал,
Вздохнул,
На труды свои взглянул.
А как глянул, так и охнул:
В чистом поле всё засохло!
Там теперь ни колоска,
Ни цветочка, ни листка.

– Охо-хо, – заплакал Ветер.
Видно, есть на белом свете
Кто-то ветра поглавней,
Кто-то ветра посильней.

Неужели Туча –
Голубая круча?
Туча, Туча, не сердись,
В небо снова поднимись!

Туча громом громынула,
Туча крылья распахнула,
Туча в небо поднялась
И на землю пролилась.

Пролилась, как из ведра,
На сухие клевера,
На пшеницу, на ячмень
И на крыши деревень.

И в бадейки, и в кадушки,
И мальчишкам на макушки:
– Пусть повсюду всё цветёт!
Пусть повсюду всё растёт!

Хмурый Ветер засмеялся,
Заплясал, закувыркался:
– Ой, спасибо, Тученька!
Тученька-могученька!
Это ты меня сильней,
Это ты меня важней!

– Нет, – сказала тихо Туча, –
Я ничуть тебя не лучше.
Ты позвал – я поднялась.
Ты помог – я пролилась.

Славу нам делить не нужно:
Ведь всего важнее дружба.
Где никто не ссорится,
Там и дело спорится.
Вот и всё!

ЕВГЕНИЙ ПЕРМЯК

Евгений Андреевич Пермяк (1902–1982) прожил долгую жизнь. На самом деле фамилия писателя – Виссов. Но, занявшись литературой, он взял себе псевдоним.

П с е в д о н и м – это такая литературная или артистическая маска, подпись, которой автор заменяет своё настоящее имя.

Евгений Андреевич выбрал себе псевдоним по названию города Перми, в котором он родился, учился, начал писать. Под этим именем выходили его романы для взрослых и книжки для детей.

СКАЗКИ

Из книги «Дедушкина копилка»

ДЛЯ ЧЕГО РУКИ НУЖНЫ

Петя с дедушкой большими друзьями были. Спросил как-то дедушка внука:

– А для чего, Петенька, людям руки нужны?

– Чтобы в мячик играть, – ответил Петя.

– А ещё для чего? – спросил дед.

– Чтобы ложку держать.

– А ещё?

– Чтобы кошку гладить.

– А ещё?

– Чтобы камешки в речку бросать...

Весь вечер отвечал Петя дедушке. Правильно отвечал.

Только по своим рукам обо всех других судил, а не по маминым, не по папиным, не по трудовым рабочим рукам, которыми вся жизнь, весь белый свет держится.

КАК МАША СТАЛА БОЛЬШОЙ

аленькая Маша очень хотела вырасти. Очень. А как это сделать, она не знала. Всё перепробовала. И в маминых туфлях ходила. И в бабушкином капоте сидела. И причёску, как у тети Кати, делала. И бусы примеряла. И часы на руку надевала.

Ничего не получалось. Только смеялись над ней да подшучивали.

Один раз как-то Маша вздумала пол подметать. И подмела. Да так хорошо подмела, что даже мама удивилась:

– Машенька! Да неужели ты у нас большая становишься?

А когда Маша чисто-начисто вымыла посуду да сухо-насухо вытерла её, тогда не только мама, но и отец удивился. Удивился и при всех за столом сказал:

– Мы и не заметили, как у нас Мария выросла. Не только пол метёт, но и посуду моет.

Теперь все маленькую Машу называют большой. И она себя взрослой чувствует, хотя и ходит в своих крошечных туфельках и в коротеньком платице. Без причёски. Без бус. Без часов.

Не они, видимо, маленьких большими делают.

ЧЕТЫРЕ БРАТА

одной матери было четыре сына. Всем хороши удались сыновья, только друг другу братьями признавать не хотели.

– Уж если, – говорит один брат, – кого и вздумаю я братом назвать, так только лебязжий пух или, на худой конец, хлопок.

– А я, – говорит второй брат, – на стекло похожу. Только его и могу своим братом признать.

– А я белому дыму брат, – говорит третий. – Недаром нас одного с другим путают.

– А я ни на кого не похож, – сказал четвёртый брат. – И некого мне братцем назвать, разве только слёзы.

Так и по сей день спорят четыре родных брата: белый Снег, синий Лёд, густой Туман да частый Дождь, друг друга братьями не называют, а матушку Воду все четверо родимой матерью величают.

Бывает такое на свете... Не всегда брат брата узнаёт!

ШУМЛИВОЕ МОРЕ

о чём только не рассказывает Говорливый камень на реке Вишере! Хорошая у него память! Он знает даже и то, что было много миллионов лет тому назад. Вот что рассказал он как-то прибрежным хвойным лесам и крутым берегам Вишеры.

Может быть, вы не поверите, только там, где сейчас растут леса, высятся Уральские горы и наливаются колосья ржи и пшеницы, было Пермское море. Оно было мелководно, а поэтому шумливо и заносчиво.

Заносчивость Пермского моря переходила всякие границы. Оно стало грубить родной матери – Земле.

– Кто ты такая? – однажды сказало Море. – Зачем ты нужна? Из-за твоих берегов и островов негде разгуляться моим волнам.

– Перестань дерзить, – предупредила его мать Земля. – Я породила тебя. Я – твои берега, твоё дно. Я – чаша, в которую ты налито.

– Что-о? Что ты сказала? – вскипело Пермское море. – Да я тебя дочиста затоплю и смою твои негодные леса вместе с холмами, горами и полянами.

Сказав так, Море заключило союз с морским разбойником Ветром и кинулось на Землю.

Увидев это, деревья, звери, травы, птицы и насекомые очень испугались и с плачем бросились к своей матери Земле.

– Родимая! Не дай нам пропасть! Что будет с нами, когда море затопит тебя. Мы не хотим превращаться в рыб и морские растения.

– Не буйствуй, глупое! – ещё раз предупредила Земля. – Перестань водить дружбу с этим бездомным бродягой Ветром. Расти вглубь, а не вширь. Иначе у тебя не хватит воды и ты обмелеешь, а обмелев – высохнешь.

А Море в ответ на это подняло свою волну на родную мать и крикнуло, угрожая:

– Молчи, старуха! Готовься к своему последнему часу!

Тогда мать Земля распрямила свою грудь. Возвысилась Уральскими горами. Потом она сделала глубокий вдох, и дно Пермского моря поднялось выше его мутных и шумливых волн.

Вскоре Море стало Печорой, Камой, Вычегдой, Вяткой и другими реками. На его месте зазеленели леса, поселились звери и птицы. А много тысяч лет спустя появился человек, построивший деревни, сёла и города.

Вот что рассказал Говорливый камень, который высится и по сей день на реке Вишере.

ВАЛЕНТИНА ТЕЛЕГИНА

Валентина Фёдоровна Телегина родилась в 1945 году. Живёт в Перми, сотрудничает в газетах. Стихи начала писать ещё школьницей. О чём её стихи? Ответ на этот вопрос дают названия сборников Валентины Телегиной: «Серебристый мой тополь», «Земной круговорот», «Притяжение».

Они о природе, о нашем крае. А сборник для детей называется радостно и звонко — «Как хорошо начинается день!».

УТРО

Ясное утро
В наш город пришло,
Ясным лучом
Всюду окна зажгло.
Комната наша
Чиста и светла.
С ясной улыбкою
Мама вошла.
Светлое платье
Сегодня на ней.
Стало ещё
Веселей и светлей.
С ветки синица
Пропела: «Тень-тень!»
Как хорошо
Начинается день!

ИСТОРИЯ ПРО ШНУРОК С ГОЛУБОГО БОТИНКА

– Надоело!
Не буду самим собой! –
Закапризничал как-то
Шнурок голубой.
– Не хочу
Быть простою верёвочкой
На ботинке у вашего Вовочки.
В эти круглые дырки
Я лезть не хочу!
Стану солнечным лучиком.
Ввысь улечу!

Солнце вспыхнуло:
– Ах, что такое,
Почему всё вокруг голубое?
Что я вижу?
Вот этот лучик не мой,
Он не яркий,
Не жаркий
И не золотой!

Приплыла тут большая
Зубастая туча
И отгрызла от солнца
Непрошенный лучик.

Он упал на пенёк
И свернулся в клубок.
Тут увидел
Ужей семейку
И решил превратиться
В змейку.

– Ишь ты, ишь, – удивились
Лесные ужи, –
Ты откуда такая,
А ну, расскажи!
Мы хотим хорош-шенько
Тебя рассмотреть,
Покаж-жи,
Как ты можешь
Пугать и ш-шипеть!

Но шнурок промолчал,
Он шипеть не умел,
А пугать и кусать
Никого не хотел.

Он бы мог и заплакать,
Да не было слёз.
Скоро дождь налетел –
И промок он насквозь!
Он и сам не заметил,
Как стал ручейком.
Зажурчал,
Серебристым запел голоском:

– Птицы, звери, спешите
К лесному ручью!
Я вас всех напою,
Я вам песню спою!

Но закончился дождь,
И ручей обмелел,
И водой напоить никого
не успел.

Весь он высох,

А бедный шнурок
Даже песню
Продолжить не мог.

Он три дня и три ночи
В траве пролежал.
Он молчал и скучал.
Он скучал и молчал.

Только вдруг
Встрепенулся шнурок:
По тропинке
Бежит паренёк,
И на левом ботинке его
В синих дырочках
Нет ни-че-го!

И воскликнул шнурок:
– Это место моё!
Это самое лучшее
Место моё!

И догнал он ботинки,
И в дырочки влез,
И с ботинками вместе
Отправился в лес.
Перешёл вместе с ними
В овраге ручей,
Видел пчёл и жуков,
И ежей, и шмелей.
Видел дом муравьиный,
Грибы на пеньке,
Видел чью-то нору
И следы на песке...

И запел потихоньку
Счастливым шнурок,
Потому что молчать
Ну никак он не мог:
– Я простой шнурок на ботинке,
Вместе мы идём по тропинке,
Впереди – целый мир голубой...
Хорошо быть самим собой!

ПАСТУШОНОК

Из-за луга, из-за леса,
Из-за синего тумана,
Словно дойная корова,
Туча шла издалека.
А за нею из-за леса,
Из-за синего тумана,
Словно малые телята,
Шли гурьбою облака.

А за ними из-за леса
Шёл весёлый пастушонок,
Он своё большое стадо
Гнал туда, куда хотел.
Пастушонка звали Ветром.
Он трепал цветы и травы,
Дул в тростинку-камышинку
И на все лады свистел.

ЧЕРЕПАШИК

В Черепашии зелёной
Есть мальчишка Черепашик.

В Черепашии зелёной
Он живёт, не зная бед,
Потому что, оттого что
У него есть всё на свете:
Чере-папа, чере-мама,
Чере-баба, чере-дед.

Через поле, через кочки,
Через тень чертополоха
Черепашьими шагами
Он куда-нибудь идёт:

С чере-папой –
на охоту,
С чере-мамой –
на прогулку,
С чере-дедом –
на рыбалку,
С чере-бабой –
в огород.

ОКНО

Закр^ыто в комнате окно.
Как в доме скучно и темно!

Вот на окошке кот сидит,
И у него ленивый вид.

А рядом с ним цветок стоит,
И у него понурый вид.

Я широко окно открыл
И солнце в комнату впустил.

Со мною рядом кот сидит –
И у него довольный вид.

Цветок побрызган и полит –
И у него весёлый вид!

СОРОК ПЯТЬ СЛОНОВ

Ты, дружок, не хочешь спать?
Так давай слонов считать!

Видишь, во-он идут слоны
Из слоновой стороны.
Из сонливой стороны
Эти сонные слоны.

Первый – самый важный слон,
Он приводит первый сон.
А за ним ступает тихо
Осторожная слониха.
И задумчивых слонят –
Длинный,

длинный,
длинный ряд.

Раз – слонёнок,
Два – слонёнок...
Еле движутся спросонок.
Три, четыре, пять и шесть,
Не хотят ни пить, ни есть...
Всё идут они, идут,
И слоновьи сны ведут.
Тридцать... Сорок... Сорок пять...
О-ох, как захотелось спать!

ЕВГЕНИЯ ТРУТНЕВА

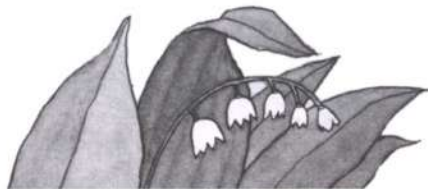

Вся жизнь Евгении Фёдоровны Трутневой (1884–1959) прошла в Перми. Долгие годы она работала библиотекарем в педагогическом институте. И писала стихи, много стихов для детей. Вот какие добрые слова о них сказала писательница Е. Таратута: «Динь-динь-динь! Что это? Звонят колокольчики. О чём они звонят? Если хорошенько послушать, можно услышать, о чём. Колокольчики звонят о зелёной травке, о весёлом дождике, о колкой ёлке, о сороке-вороне, о голубом небе... Что видят, что слышат, о том и звонят... Динь-динь-динь! Что это? Звонят стихи и песни. О чём они звонят? Что видит, что слышит, что любит поэт, о том и рассказывает. А видит он зорко, слышит чутко, любит крепко».

Стихи Евгении Трутневой легко запоминаются. Выучи какое-нибудь стихотворение наизусть.

МАМА

Луч скользит весёлой рыбкой,
За окном звенит капель.
Кто же, кто глядит с улыбкой
Утром к сыну в колыбель?
Кто сидит над ним всю ночь
До рассвета напролёт,
Заболевшему сыночку
Тихо песенки поёт?
Стает снег и снова ляжет,
Снова стает по весне.
Мама первая расскажет
Сыну о родной стране,
Прочитает сыну книжку,
А пробыёт урочный час –
Поведёт она сынишку
Ранним утром в первый класс.

ХОДИТ-БРОДИТ ОСЕНЬ

По лесным тропинкам
Ходит-бродит осень.
Сколько свежих шишек
У зелёных сосен!
Сколько алых ягод
У лесной рябинки!
Выросли волнушки
Прямо на тропинке.
В ягодах брусники
На зелёной кочке
Вырос гриб-грибочек
В красненьком платочке.
Разыгрался ветер

На лесной поляне –
Закружил осину
В красном сарафане.
И листок с берёзы
Золотистой пчёлкой
Вьётся и летает
Над колючей ёлкой.
А под ёлкой грузди
Замостили мостик...
До свиданья, ёлка,
Приезжай к нам в гости!

ПЕРВАЯ ПОРОША

Утром солнышко взошло,
Посмотрело – всё бело:
Все дороги, все тропинки!
На вчерашних лужах – льдинки,
Точно тонкое стекло.
И, куда ни посмотри –
На деревья, на поляны, –
Будто яблоки румяны,
Бойко скачут снегири.
Тонкий птичий коготок
Проложил две стёжки.
У больших осин следок
Зайца-мохноножки.
Кто-то прыгал между ёлок...
В снежной зелени иголок.
Белка на ветвях видна –
Значит, прыгала она!
На опушке, к речке ближе,
Снег полозьями примят –
Здесь прошла гурьба ребят,

Свежий снег примяли лыжи.
День стоит сухой, хороший.
Всё бело, земля бела –
Это первая пороша,
Это к нам зима пришла!

МОРОЗНЫЙ ВЕТЕР

Скоком-боком, боком-скоком
Ходит галка мимо окон,
Ветром вся взъерошена,
Снегом запорошена.
Тяжелы, мохнаты
Провода-канаты.
Каждый звонок, как струна, –
Загудела вся страна.
Сразу градусник отметил –
Прилетел морозный ветер:
Между чёрточек и строчек
Синий столбик стал короче.

БЕЛКИН ДОМ

Это чьё гнездо такое –
Всё из веток сплетено?
На сосне, в зелёной хвое
Кем-то сделано оно –
С крышей снежной наверху,
С тёплой спаленкой во мху.
Пусть мороз ворчит и злится –
Хватит в гнёздышке тепла!
Это белка, а не птица
Дом себе такой сплела.
Есть захочет – и оттуда
Прыг в соседнее дупло!

А в дупле орехов гряда...
Нет печурки, а тепло!
Белке снежные подвески
Приготовила зима –
Над дуплом, в игре и блеске,
Бахрома не бахрома!
Иней выткал паутинки
И прозрачны и легки.
В каждой льдинке
В серединке –
Голубые огоньки!

СКАЗКИ

На дворе остались санки
И высокая гора.
Зимний вечер спозаранку
Прогоняет со двора.
Стынут лунные дорожки,
Дым клубится над трубой...
И в застывшие окошки
Входят сказки всей гурьбой,
Входят сказки друг за другом –
Нет ни стен, ни потолка...
Дети жмутся тесным кругом
За столом у огонька.
«...Крылья плещут и блестят,
Гуси-лебеди летят...»
«...В чистом поле три копытца,
В каждом свежая водица...
Донимает жар и пот,
Из копытца братец пьёт...»
«...За леса, поля, луга
Скачет старая Яга –

Не в саях, не по земле,
А верхом на помеле...»
Чуть потрескивают в печке
Золотые угольки.
Дед Морозко на крылечке
Оттоптал все каблуки.

ЗЕЛЁНЫЙ ЛИСТИК

Уже подснежники давно
Повсюду зацвели.
Проснулось каждое зерно
В теплѐ родной земли.

И птичий щебет поутру
Зовѐт в поля, в леса.
В полях, в лесах, в саду, в бору
Творятся чудеса!

А солнцѐ всё сильней печѐт,
Всѐ ярче с каждым днѐм!
Раскроет почка кулачок –
Зелѐный листик в нѐм!

АНАТОЛИЙ ТУМБАСОВ

Анатолий Николаевич Тумбасов (1925–2001) мечтал стать художником. Но началась Великая Отечественная война, и он стал солдатом. А мечта исполнилась только после Победы.

Больше всего любил Анатолий Николаевич рисовать природу. «В любое время года – весной, летом, осенью, зимой – всегда беру с собой альбом и, наблюдая, зарисовываю всё интересное, что встречается в природе», – признавался он. И всегда в кармане у художника обязательно лежал блокнот. Там появлялись маленькие заметки, рассказы об увиденном. Потом из них рождались книги («Смелый гриб», «Шмель на этюднике», «Капельки», «Дрёма луговая», «Осенний хоровод»).

А теперь представь художником себя и сделай рисунки к рассказам Анатолия Тумбасова.

РАССКАЗЫ

Из книг «Капельки» и «Дрёма луговая»

ОБЛЁТ

В кустах акации молодые воробышки. Хвостики у них коротенькие, крылышки дрожат, лапки слабенькие, а хитрая воробья отлетит подальше и зовёт их к себе.

Воробышки один за другим перелетают к ней. Летят они смешно, будто мотыльки, а не как настоящие птицы.

Один крикливый воробышек, должно быть самый малый, всегда задерживался. А перелетая, садился на спину воробья. Но она не давала ему опомниться: сбрасывала и отлетала на другую ветку, переманивая туда выводок. Это мать-воробья облётывала, или, как говорят, ставила на крыло, птенцов.

Самого несмелого крикуна я хотел поймать, а он первый спорхнул и скрылся в кустах. «Ишь ты, — посмеялся я, — облёт облётом, а спасайся кто как может!»

Скоро облетаются птенцы, крылышки у них окрепнут, и тогда самого малого воробышка никто не поймает. И кошка не схватит!

А через несколько дней они уже таскали корм у цыплят: иначе не проживёшь, если воробьём называешься.

ДРАЧУН

Перед белым грибом я встаю на колени. И, добираясь до него, приговариваю:

– Батюшка ты мой!

Срезаю и первым делом осматриваю гриб снизу. Ядрёный! На крепкой белой ножке – муравей. Раскинул он лапки и в драку норовит вступить. Я благодарю муравья: гриб охранял! А он всё равно драться хочет.

«Ну, коли так, поди, драчун, послужи другому грибу!» — дунул я на него, и затерялся муравей в траве.

СМЕЛЫЙ ГРИБ

Не скоро найдёшь, не сразу увидишь грибы в лесу. Прячутся они в траве, под широкими лапами елей, выглядывают из-за пней и прикрываются листвой.

А вот один гриб до того смелым оказался, что вырос на дороге. Словно поспорил ночью с братьями, что он храбрее всех. Поспорил и вышел прямо на дорогу.

Да вот беда — гудит трактор. А гриб стоит себе, будто готов любую машину остановить. Земля уже подрагивает.

«Пропал гриб», — подумал я.

Но трактор метнулся в сторону. Мотор выхлопнул сильнее колечко дыма и заглох.

Спрыгнул тракторист на дорогу, срезал гриб, отпечатывая замасленные пальцы на белой ножке, и подивился:

— Смелый! На самую дорогу вышел.

Положил он гриб в корзинку, которая стояла на сиденье, и поехал дальше.

БРАТЦЫ

Пролетели грачи стаей, а следом один. Отстал, видно, и торопится! Изо всех сил машет грач крыльями, но догнать не может.

— Кр-кр-кр, — что-то бормочет он. — Кр-кр-кр...

А стая вот-вот скроется за лесом. Отставший грач спешил, спешил да как заорёт:

– Кры-а-а!

Грачи – стайные птицы: живут колониями и летают вместе. Одинокому-то грачу стало не по себе, вот он и заорал:

– Кры-а-а-а! Кры-ы-ы... Куда-а! Братцы-ы...

ОБИЖЕННАЯ БЕЛКА

Над притихшим осенним лесом разговорчивой стайкой пролетали пичужки.

А впереди будто кто продирался сквозь ветви навстречу мне. Пока я вглядывался, мелькнула белка на сосне, и послышалась возня.

Я поспешил туда, но не успел. Что-то большое, крылатое метнулось в сторону. А белка вместо обычного цоканья захныкала, сипя носом и зырякая испуганно глазами.

За ней гналась хищная птица, и наверняка досталось зверьку от цепких когтей. Теперь во мне белка чувала защиту и никуда не бежала, не скрывалась. Перестанет ненадолго, метнёт пушистым хвостом – и опять заплачет.

Так, пока я стоял, белка сидела и плакала. Жаловалась.

В ШУБАХ И ШАПКАХ

Деревья в зимнем лесу – как бояре: ели и пихты, одетые в шубы, увязли в сугробах. Пеньки закрылись с головой шапками, а ёлочки – в капюшонах. К стволам сухими сучьями, как гвоздями, прибиты комки и комочки снега. Тонкие берёзы склонились, согнулись арками. Под высокой аркой лось пройдёт, под низкой только зайцу проскочить, а мышь везде пролезет.

Одна ёлка, смотрю, запахнулась в снежную шубу, на голове словно шаль пуховая, а снежный ком рядом – хозяйственная сумка. Ёлка – тётка с сумкой!

За нею будто идет навстречу мне рыцарь. Из снежных комьев шлем и латы. Рыцарь с виду сердитым кажется или недоволен чем-то.

– Постой, – говорю, – зарисую тебя.

Рыцарь стоит. А что ему не стоять: весна не настала, доспехи снимать рано.

Подул я на пальцы, погрел руки, взглянул кверху. Ба! Рябиновые кисти – словно румяные барышни-боярышни в белых шапочках.

– Здравствуйте! – сказал я и задел ветку.

Боярышни дружно закивали. Но шапочек не сронили: холодно! Посмотрел я на лес в шубах и шапках... Завидно стало.

И побежал быстро на лыжах, чтобы согреться.

ВЕСТНИК

Над бором летела птица, сильно взмахивая крыльями, и несла ветку в клюве.

Удивительно: лес ещё не отряхнул зимнего убранства – гнездо строить рано. И что это за деловитая птица? Хотя и большая, но не ворона, чёрная, а не грач. Под клювом словно борода...

Ворон! – узнал я.

Гнёзда они строят задолго до прилёта грачей, когда весна только зарождается в светлых вечерах.

Значит, летящий ворон с ношей – вестник: пора за дело браться!

ТЕЛЕГРАММА

В лесу такая тишина, что слышно, как пробуждаются ручьи, перекатывая подо льдом воздушные пузырьки.

Прилетел дятел и заторопился: тук-тук-тук... Он усердно стучал на вершине, а в стволе отдавалось.

Тук, тук-тук, тук-тук, — выстукивал дятел. — Точка, тире; тире.

Да это же телеграфная азбука: точка, тире, тире — буква «В»! Точка — «Е»; точка, точка, точка — «С»; тире, точка — «Н»; точка, тире — «А».

— Весна! — сообщал дятел.

Прилетел другой, согнал телеграфиста и тоже начал выстукивать: точка, тире, тире — значит «В», точка — «Е».

И этот подтвердил:

— Весна!

ШАПКИ НАБЕКРЕНЬ

Маленькие ёлочки в белых капюшонах первые выставили зелёные пальчики веток навстречу весеннему солнышку.

Звериные следы на снегу растопились: мелкие пропали совсем, лисья цепочка слилась в одну линию, беличьи стали походить на заячьи, а следы зайцев сделались размером в рукавицу. Разный лесной мусор: веточки, кусочки коры, иголки и шишки, нагретые солнышком, — прожгли щербатую кору наста и углубились в снег.

Пеньки вытаяли из сугробов, сдвинули комья-шапки набекрень и с бравым видом кивали в разные стороны:

— С весной вас! И вас тоже с весной!

БОРИС ШИРШОВ

Почти сорок лет назад в магазинах Перми появилась книга, тираж которой был сто тысяч экземпляров, но раскупили её мгновенно. Называлась она «Сто загадок». Сочинил её поэт Борис Ширшов.

Борис Валентинович Ширшов (1923—1973) родился в Иркутской области, но большая часть его жизни прошла в Перми. Он уезжал отсюда только на фронт. На войне Ширшов командовал пулемётным взводом, был ранен. Вернулся в Пермь. Здесь были напечатаны все его книги.

На этих страницах ты прочитаешь стихи, написанные для детей, в том числе и загадки, а ещё — «Балладу о возвращении». **Б а л л а д а** — это небольшое стихотворное произведение, рассказывающее о каком-нибудь событии, легендарном, историческом или житейском, бытовом.

Прочитай «Балладу о возвращении» и подумай, что лежит в её основе — действительное происшествие или легенда, фантастическое сказание.

Отгадай загадки.

БАЛЛАДА О ВОЗВРАЩЕНИИ

Шёл солдат из Берлина
Много лет,
Много зим.
И казалось ему – он совсем невредим.
Будто не был свинцовой строчкой прошит,
Будто не был убит и в могилу зарыт.

Шёл в посёлок уральский на реке Чусовой,
Шёл полями, лесами по траве луговой.
Брёл в морозы, в метели,
Но костров не палил,
На ночлег не просился,
Закурить не просил.
Всё вокруг и поодаль
Видел он, замечал,
И людей работающих
Он повсюду встречал.
Возрождая Державу
После тяжкой беды,
Люди были повсюду
Победой горды.

Проходил он по шумным
Городским площадям,
И смотрел на солдат он
Таких же, как сам.
В плац-палатках и касках,
Молодые, как он,
Стали эти солдаты
На гранит и бетон.
Пламенели знамёна,
Незабудки цвели.
Он был рад, что солдаты

До дома дошли.
И прикидывал снова
Путь немаленький свой
До посёлка родного
На реке Чусовой.
Шёл солдат терпеливо
На Урал день за днём.
Он всё видел и слышал:
Вспоминали о нём,
Пели песни в застолье
Про него самого,
Новым улицам имя
Давали его.
Шёл солдат. И однажды
В поздний час зоревой
Он пришёл в свой посёлок
На реке Чусовой.
Отворил он калитку,
Оглядел старый двор
И под окнами дома

Услыхал разговор.
Он узнал этот голос
И притих у окна.
У стола с взрослым сыном
Сидела жена.
Шила детское что-то,
Платье внучке, видать,
Иногда оправляя
Серебристую прядь.
На лицо дорогое
Падал розовый свет,
И в простенке виднелся
Солдатский портрет.
В тёмной узенькой рамке
Тот портрет под стеклом.
Он похож был на парня,
Что сидел за столом.
И солдат очень тихо
Отошёл от окна,
И ему показалось:
Встрепенулась жена.
Сын взглянул удивлённо
В темноту за окном.
И задумались оба
О чём-то своём...
Шёл солдат – и до сквера
Не спеша дошагал.
Там белел сквозь деревья
Постамент-пьедестал.
И солдат стал на камень
Лицом на восход
И отсюда вовеки
Никуда не уйдёт.

Когда-то в детстве для свистка
Я деревца рубил
И сердобольным чудакам
Отчаянно грубил.
«Что хнычешь из-за пустяка?
Лесное – не твоё.
Нужна рябинка для свистка,
И я срублю её!»
И я рубил, и я ронял
Дрожащих и немых,
И на погибель оставлял
Ровесников моих.

Слезой кропила их роса,
Сжимался мёртвый лист,
И разносился по лесам
Мой душегубский свист.

Но время мудро учит нас,
Всё доброе храня...
И я кого-то в жизни спас,
И кто-то спас меня.

Мне жизнь не кажется игрой,
Забавной до конца...
Пусть одеваются корой
Стволы, а не сердца.
Мальчишьё вдруг издалека
Пахнёт, как ветерок,
Но не поднимется рука,
Чтоб вырезать свисток.

ВРУНЫ

Два рыболова, два вруна
Сидели над рекой.
Один из них поймал вьюна,
Пескарика – другой.
Куст рыболовов разделял,
Развесистый, густой,
И первый врун не увидал,
Кого поймал второй.
Второй не разглядел никак,
Кого сосед тащил,
И крикнул: – У меня судак!
Почти что крокодил.
Тут первый, друга похваля,
Ответил: – Ты силён!
А я заудил голавля!
С бревно, пожалуй, он!
– Дай погляжу! – сказал один
Другой сказал: – Не смей!
Ко мне сейчас не подходи,
Спугнёшь всех голавлей!
Давай-ка лучше погощу
Я у тебя, сосед...
Ответил первый: – Не пущу.
Где шум, там клёва нет...
Закат бледнел и затухал
Над лесом за рекой.
– Пора идти! – один сказал.
– Пойдём, – сказал другой.
Своих уловов не тая,
Пошли вруны домой...
Шёл по тропинке первым я,
За мной – братишка мой.

ЗАГАДКИ

Из книги «Сто загадок»

Я из дома на порог
Лишь один шагнул шагок,
Дверь закрылась за спиной,
Нет пути передо мной.
Я и дома – и не дома,
Между небом и землёй,
Отгадайте-ка, друзья,
Где же я?

Он признался ножу:
Без работы я лежу.
Построгай меня, дружок,
Чтобы я трудиться мог.

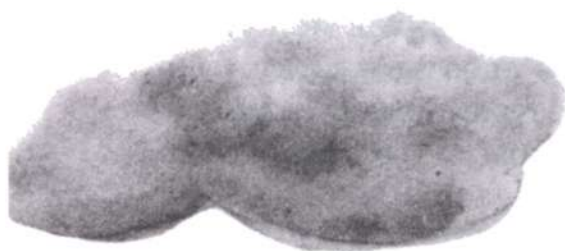

У неё во рту пила.
Под водой она жила.
Всех пугала, всех глотала,
А теперь в котёл попала.

Худеет с каждым днём толстяк
И не поправится никак.

Хочет – прямо летит.
Хочет – в воздухе висит.
Камнем падает с высот.
И в полях – поёт, поёт.

Свою косичку без опаски
Она обмакивает в краски.
Потом окрашенной косичкой
В альбоме водит по страничке.

На пяти проводах
Отдыхает стая птах.

На когтях на столб сосновый
Влез монтер красноголовый.
Он трудился на весу,
Да не вспыхнул свет в лесу.

Чемпион по прыжкам
Скачет, скачет по лужкам.

Дом построен для певца
Без окошек, без крыльца.

Есть на речках лесорубы
В серебристо-бурых шубах.
Из деревьев, веток, глины
Строят прочные плотины.

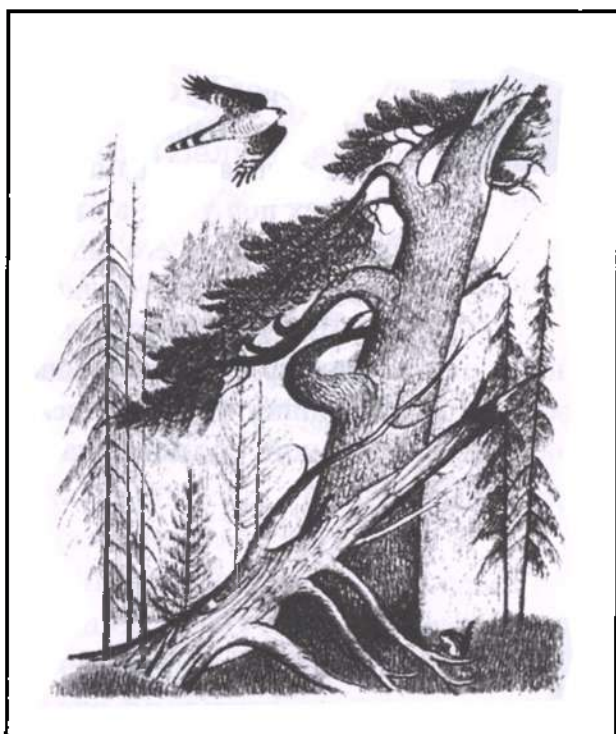
Тороплюсь я нынче с улицы домой.
Дома ждёт меня рассказчик немой.

Ответы на загадки. Балкон. Карандаш. Щука. Календарь. Жаворонок.
Кисточка. Нотный стан. Дятел. Кузнечик. Скворечник. Бобры. Книга.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Для тех, кто учится
в 3-м или в 4-м классе

ВИКТОР АСТАФЬЕВ

Виктор Петрович Астафьев родился в 1923 году в Красноярском крае. У него рано погибла мать, и растила мальчика бабушка Катерина Петровна. О ней и о своём раннем детстве он напишет потом прекрасную книгу «Последний поклон». Он напишет потом и правдивые повести о трудном детдомовском времени и о страшной войне с фашистами. Но это будет потом, а сразу после войны Виктор Петрович, залечив фронтовые раны, приехал в город Чусовой. Здесь родились его дети и его первые рассказы. А первая книга вышла в Перми в 1953 году.

С тех пор у нас в стране и за рубежом вышли десятки его книг. Весь мир узнал и признал замечательного русского писателя Виктора Астафьева.

Виктор Петрович живёт сейчас у себя на родине, в Красноярске. Но его литературной родиной навсегда осталась Пермь.

ЗОРЬКИНА ПЕСНЯ

Рассказ

Бабушка разбудила меня рано утром, мы пошли на увал* по землянику. Огород наш упирался крайним пряслом** в увал. Через жерди переваливались ветки берёз, осин, сосен. Одна черёмушка перебралась через гордобу и разрослась на меже среди крапивы и конопляника. Её никто не трогал, и на ней вили птички гнёзда.

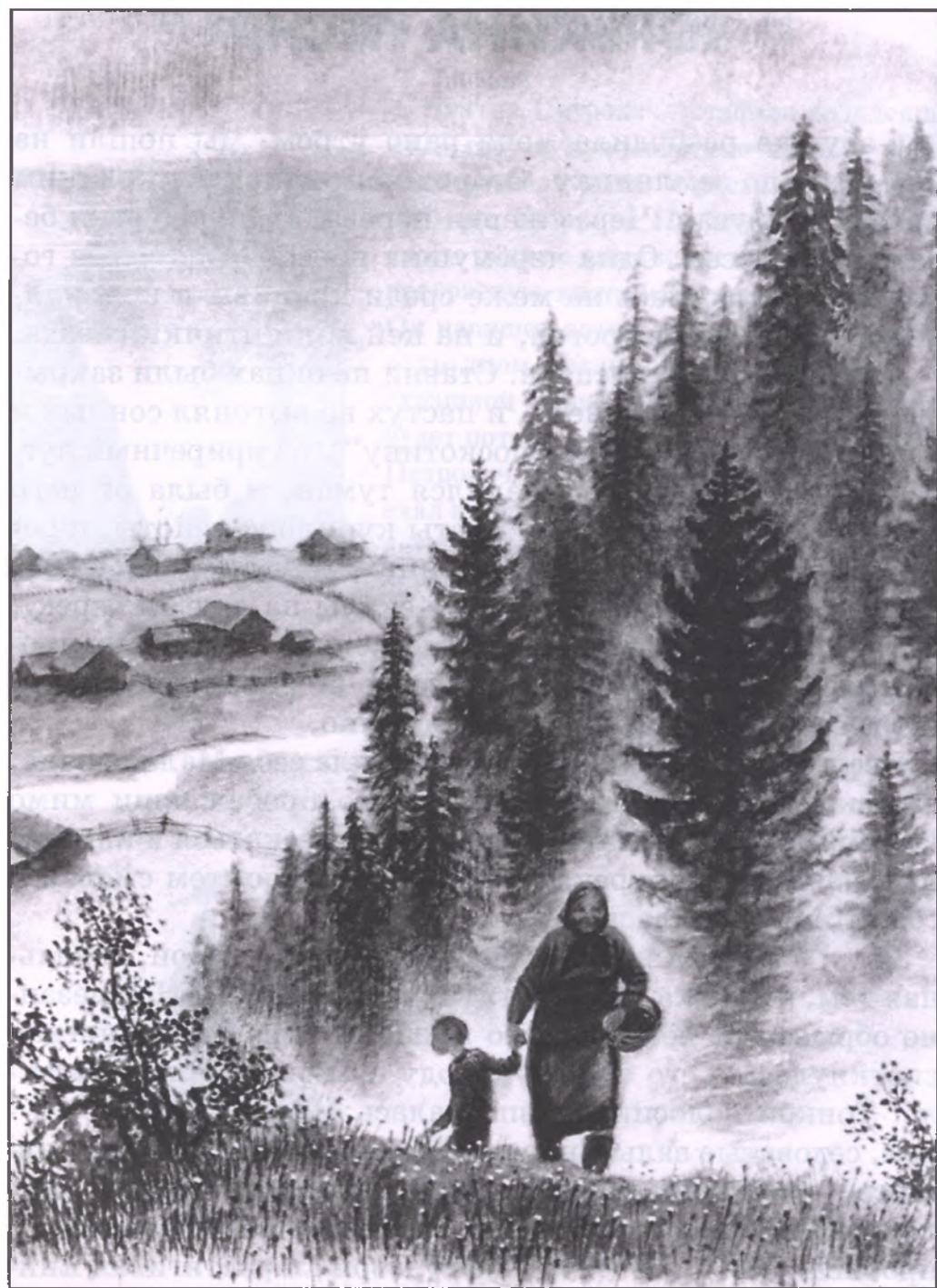
Деревня ещё тихо спала. Ставни на окнах были закрыты, не топились ещё печи, и пастух не выгонял сонных и неповоротливых коров за поскотину***, на приречный луг.

На лугу под увалом стелился туман, и была от него мокрая трава, никли долу цветы куриной слепоты, и ромашки приморщили белые ресницы на жёлтых зрачках.

Енисей тоже был в тумане, и скалы на другом берегу, будто подкуренные густым дымом снизу, отдалённо проступали вершинами в поднебесье и ровно бы плыли встречь течению реки безостановочно.

Неслышная днём, вдруг обнаружила себя Малая речка, рассекающая село напополам. Тихо пробежавши мимо кладбища, она начинала гуркотеть, плескаться и картаво наговаривать на перекатах. И чем дальше, тем смелей и говорливей делалась.

Вот и наговаривает, наговаривает сама с собой, довольная тем, что пока её не мутят и не баламутят. Но внезапно обрывается её говор: это прибежала речка к Енисею, споткнулась о его большую воду и сконфуженно смолкла. Тонкой волосинкой вплеталась Малая речка в крутые, седоватые валы Енисея. Вобрав её голос в себя, слившись с тысячами других речных голосов, собравши капля по капле силу свою, грозно гремела река на порогах****, пробивая себе путь к студёному морю, и растягивал Ени-

сей светлую ниточку нашей деревенской речки на многие тысячи вёрст, и как бы живую, трепещущей жилой деревня наша была всегда соединена с огромной землёй.

Кто-то собирался плыть в город и сколачивал мостки на Енисее. Звук топора возникал на берегу и затем проносился, минуя спящее село, чтобы удариться о каменные обрывы увалов и, повторившись под ними, рассыпаться многоэхо по распадкам.

Сначала бабушка, а за нею я пролезли меж мокрых от росы жердей и пошли по распадку***** вверх на увалы. Весной по этому распадку рокотал ручей, гнал талый снег, лесной хлам и камни в наш огород, а потом утихомирился. И сейчас путь его обозначал только до блеска омытый камешник.

В распадке уютно дремал туман, и было так тихо, что мы боялись кашлянуть. Бабушка держала меня за руку и всё крепче, крепче сжимала её, будто боялась, что я могу вдруг исчезнуть в этой обволакивающей белой тишине. А я боязливо прижимался к ней, к моей живой и тёплой бабушке. Под ногами шуршала мелкая ершистая травка. В ней желтели шляпки маслят и краснели рыхлые сыроежки.

Местами мы низко пригибались, чтобы пролезть под наклонившуюся сосенку. По кустам переплелись, как хмель, цветы – дедушкины кудри. Мы запутывались в нитках, и тогда из белых чашек цветков выливалась мне за воротник и на голову студёная роса.

Я вздрагивал, ёжился, облизывал горьковатые капли с губ.

Бабушка вытирала мою стриженую голову ладонью или краешком платка, с улыбкой подбадривала, уверяла, что от росы да от дождя люди растут большие-большие.

Туман всё плотнее прижимался к земле, волокнистой куделею затянул село, огороды и палисадники, оставшиеся внизу. Енисей словно бы набух молочной пеною, берега и сам он заснули, успокоились под непроглядной, шум

не пропускающей мякотью. Даже на изгибах Малой речки появились белые зачёсы, и видно сделалось, какая она вилючая.

Но светом и теплом всё шире разливающегося утра раскатывало туманы, тоньше, тоньше скручивало их валами в распадках, загоняло в потайную дрему тайги.

Топор на Енисее перестал стучать. И тут же залилась, гнусаво запела на улицах берёзовая пастушья дуда, откликнулись ей со дворов коровы, звякнули боталами, и сделался слышен скрип ворот.

Коровы брели по улицам села за поскотину, то появлялись в разрывах тумана, то исчезали в нём.

А в распадках и тайге туманы будут стоять до высокого солнца, которое ещё не обозначило себя и было за далью гор, где стойко держались снежные беляки и ночью дышали холодом и этими вот туманами, что украдчиво ползли к нашему селу в сонное предутрие, а с первыми звуками, с пробуждением людей, убирались в лога, ущелья, провалы речек, обращались студёными каплями и питали собой листья, травы, птах, зверушек и всё живое и цветущее на земле.

Мы пробили головами устоявшийся в распадке туман и побрели по нему, как по мягкой, податливой воде, выбредали из него медленно и бесшумно. Вот он уже по грудь нам, по пояс, до колен, и вдруг навстречу из-за дальних увалов плеснулось яркое солнце и празднично заискрилось, заиграло в лапах пихтача, на камнях, на валежниках, на упругих шляпках молодых маслят и в каждой травинке.

Над моей головой встрепенулась птичка, стряхнула горсть искорок и пропела звонким, чистым голосом, как будто она и не спала, будто всё время была начеку:

«Тить-тить-ти-ти-рри-и...»

– Что это? – спросил я шёпотом.

– Это зорькина песня.

– Как?

– Зорькина песня. Птичка зорька утро встречает, всех птиц об этом оповещает.

И правда, на голос зорьки (так в наших краях называют зарянку) ответило сразу несколько голосов – и пошло, пошло! С неба, с сосен, с берёз – отовсюду сыпались на нас искры и такие же яркие, неуловимые, смешавшиеся в единый хор птичьего голоса. Их было много, и были они один звонче другого, и всё-таки зорькина песня, песня народившегося утра, слышалась громче, яснее других.

Зорька улавливала какие-то мимолётные, почти незаметные паузы и вставляла туда свою сыпкую, неудержимо радостную песню.

– Зорька поёт! Зорька поёт! – закричал я и запрыгал неизвестно отчего.

– Зорька поёт, значит, утро идёт, – сказала бабушка, и мы поспешили навстречу этому утру и солнцу, медленно поднимающемуся из-за увалов.

Нас провожали и встречали птичьего голоса; нам низко кланялись обомлевшие от росы и притихшие от песен сосенки и ели, рябины и берёзы.

В росистой траве загорались от солнца огоньки земляники. Я наклонился, взял пальцами чуть шершавую, ещё только с одного бока опалённую ягоду. Руки мои запахло лесом, травой и этой яркой зарёю, разметавшейся по всему небу.

А птицы всё так же громко и многоголосно славили утро и солнце, и зорькина песня, песня пробуждающегося дня, вливалась в моё сердце и звучала, звучала, звучала...

---

* Увал – вытянутая возвышенность с пологими, некрутыми склонами.

** Прясло – часть изгороди от столба до столба.

*** Поскотина – пастбище, огороженный выгон для скота сразу за деревней.

**** Порог – каменистое возвышение дна реки, нарушающее плавность её течения.

***** Распадок – длинный овраг, балка.

ВАЛЕРИАН БАТАЛОВ

Валериян Яковлевич Баталов родился в 1926 году. Его перу принадлежит немало романов, повестей, рассказов («Нехоженой тропой», «Шапка-сосна», «В глуши лесов», «Утренние голоса» и другие).

Они о разном, но в каждом произведении видна любовь писателя к его родной коми-пермяцкой стороне. Недаром одна из книг так и называется — «Край мой милый». Предлагаем тебе познакомиться с несколькими рассказами из этой книги.

Посмотри, как зорек и приметлив взгляд писателя.

Интересно, какой из рассказов произведёт на тебя самое сильное впечатление?

Прочитав рассказы, подумай, о каких явлениях и картинах природы ты прежде не знал.

РОДНИК

Обычно я возвращался с рыбалки полем, но как-то раз свернул со знакомой тропинки и пошёл через болото.

Солнце стояло высоко. Короткие прозрачные тени от низкорослых деревьев и кустов прятались в густой жаркой траве и терялись между кочками.

Очень хотелось пить. И вдруг я услышал тихое журчание. Остановился, прислушался. Вода журчала где-то совсем близко.

Рядом рос низкий густой куст смородины. Я приподнял одну склонившуюся до земли ветку с широкими листьями и гроздьями красных ягод. Несколько спелых смородин шлёпнулось в воду: под веткой оказалась наводнённая прозрачной водой небольшая круглая ямка.

Было видно, как посередине её светлым столбиком пробивается тоненькая струйка, перекатывая по песчаному дну мелкие разноцветные камешки. Из ямки вытекал ручеёк и через несколько шагов пропадал, уходя в землю.

Я напился и снова прикрыл родничок веткой смородины.

Теперь я всегда возвращался с реки этим путём и каждый раз останавливался у родничка.

Но однажды я увидел, что кто-то обломал куст, истоптал вокруг траву, каблуком ступил в ямку, смешал светлую воду с грязью...

После этого я уже не сворачивал с тропинки на болото, и до сих пор мне грустно, когда вспомнится затоптанный родничок под смородиновым кустом.

КОВЁР

Я шёл берегом Кувы к хорошо знакомой мне тихой заводи*, заросшей тёмными водорослями.

Лес ещё красовался в своей осенней одежде, но порывистый ветер срывал с деревьев лист за листом, и разноцветная листва летела, кружилась, металась по земле.

Я осторожно подошёл к заводи, раздвинул тесно выросший ивняк – и замер от восхищения. Ожидал, что увижу холодную дегтярно-чёрную воду, а передо мной расстелился яркий, цветастый, искусно вытканый, сказочно красивый ковёр. Честное слово, захотелось в торговле, как мальчишке, покататься по нему, кувыряясь через голову.

А красные, жёлтые, тёмно-зелёные, бурые листья всё падали и падали, и ковёр расцветал новым, ещё более прекрасным узором.

МУДРЕЦ

Раньше я не слышал о дятлах ничего плохого.

Но вот как-то набрёл в лесу на улей. Знал, чей он. Толстая и длинная чурка поднята на ель и крепко привязана к дереву на высоте трёх-четырёх метров от земли. Известно, для чего так делается: чтобы косолапый не полакомился мёдом.

Сбоку на чурке сидел дятел в красной косынке, гулко постукивал носом о чурку. «Нашёл, где искать короедов. Пустые хлопоты...» – подумал я.

В ближайшей деревне мне встретился дед Игнат:

– Похоже, что лесовать** ходил?

– Так просто, посмотреть на зимний лес, подышать морозным воздухом.

– Энто хорошо, – одобрительно сказал Игнат. – А вот я

никак не соберусь своих пчёл посмотреть. Как-то они там поживают? Тяжеловато стало бродить на лыжах. Две недели в лесу не был.

– Видел, дед, твой улей, – хотел я его успокоить, – цел. Ничего с ним не сделалось. Дятел его охраняет.

– Опять? – встревожился Игнат. – Вот мудрец! Теперь его скоро не отучишь. Привык.

– Почему мудрец?

– Пчёл моих ворует. Выдолбит дырочку и клювом изнутри вытаскивает. Вот и мудрец. Ест. Зима ведь, голодно. Нынче я уже дырочку заколачивал. И снова. Сегодня же надо сходить да обмотать еловыми ветками.

БЕРЁЗОВЫЕ ЛЮСТРЫ

Ранним осенним утром шёл я по лесной тропинке. Под ногами хрустела заиндевелая трава, шуршали опавшие листья. Взошло солнце, и стоявшая у тропинки берёзка, вся усыпанная капельками воды, загорелась и засверкала, переливаясь всеми цветами радуги, как чудесная хрустальная люстра.

Чтобы не попасть под холодный дождь, я, прежде чем пройти под берёзкой, осторожно встряхнул её. Но ни

одна капля не сорвалась с голых веток, и лишь послышался лёгкий звон: первый утренний морозец превратил капли воды в прозрачные ледяные хрусталики.

По обеим сторонам тропинки искрились и переливались звонкие берёзовые люстры.

ЖУРАВЛИ

Был серый осенний день. Всё небо затянули низкие облака. Я лежал на поблёкшей, остро пахнущей траве под берёзой, и берёза тихо осыпала меня жёлтыми листьями.

Вдруг откуда-то с вышины слышались печальные трубные крики:

«Курлы-курлы, курлы-курлы...»

Журавли!

Посмотрел на небо – никого, только серые облака. А щемящие сердце крики всё ближе, всё ближе.

Тут я заметил, что среди облаков непонятно каким чудом вытаяло голубое окошко, и через него проплыл узкий клин журавлей.

Птицы снова скрылись за бегущими облаками, а я лежал под берёзой и думал: «Всё вокруг обычно – и тёмно-красные гроздья брусники, и зелёный мох, и жёлтая берёза. А отними у меня это – и заболит, затоскует сердце... Как понятна мне ваша тоска, журавли, ваше печальное «курлы-курлы»...

НОЧНАЯ РАДУГА

Если бы мне раньше сказали, что ночью можно увидеть радугу, я бы не поверил.

Но, оказывается, можно. Я сам, своими глазами, однажды увидел её.

В тихую летнюю ночь мы с товарищем коротали время у костра на берегу реки. Надвинулась туча и затянула всё небо. Пошёл мелкий, но сильный дождь. Мы укрылись в шалаше.

Через некоторое время я выглянул из шалаша. Дождь почти перестал. И вдруг я увидел над рекой радугу, только она была не разноцветная, а молочно-белая.

Тогда я вылез из шалаша и огляделся кругом. На востоке, низко над горизонтом, среди чёрных рваных туч появился просвет, и в него краешком выглядывала луна.

Я стоял под морозящим дождём и любовался этим чудом – светящейся во мгле ночной радугой.

---

* *Заводь* – небольшой залив.

** *Лесовать* – охотиться.

ВИТАЛИЙ БИАНКИ

Книги Виталия Валентиновича Бианки (1894–1959) «Лесная газета на каждый год», «Страна зверей», «Заячьи хитрости», «Нечаянные встречи» читают дети в любом уголке нашей большой страны.

Почему же и в хрестоматию «Литература Прикамья» включены рассказы писателя? Да потому, что во время Великой Отечественной войны он жил на берегу Камы – в городе Осе. Там на доме, где он жил, висит памятная доска. А в Перми, на улице Мира, есть детская библиотека его имени.

Прочитайте два рассказа Бианки, написанные в Прикамье.

Найдите в библиотеках книги с другими произведениями писателя, порадитесь интересным и забавным историям о жизни малых и больших обитателей наших лесов и полей.

ДВА БЕЛЫХ, ТРЕТИЙ – КАК СНЕГ

Рассказ

$1+1=2$

$1+2=3$

Так в арифметике.

А в лесу бывает иначе. Возьми карандаш – решим пример.

У занесённой снегом опушки жил хищный зверёк – горноста́й. Тело у него было сильное, как рогаточная резинка толщиной с колбасу. Пастишка была полна острых зубов. И был он невидимкой: весь белый на белом снегу. Только на конце хвостика чёрное пятно. Но это не в счёт: ведь и на снегу бывают соринки.

Тут же рядом у опушки жила белая сова. Она была большая. Своими широкими пуховыми крыльями она могла бы прикрыть целого зайца. И так была сильна, что спокойно могла бы унести этого зайца по воздуху. Клюв у неё был крюком, и на каждой лапе по четыре крюка – два спереди, два сзади. Она тоже была невидимкой: вся белая, чёрное пятно только на голове. Но оно тоже не в счёт.

Вот один и другой житель лесной опушки. Но если бы мы захотели сложить их:

$1+1,$

у нас ничего не вышло бы.

Горноста́й и белая сова не желали складываться ни пищей, ни жилищем – ничем. Жили розно. Охотились каждый сам по себе. А если приходилось встретиться, горноста́й сердито стрекотал и скалил все свои страшные зубки, сова громко щёлкала клювом, и каждый скорее спешил восвояси, подобру-поздорову.

И ещё жил на той опушке молодой зайчишка, беляк.

Весь как снег, только самые кончики ушей чёрные. Эти два чёрных пятнышка в счёт, держи их у себя в уме. Они-то и подвели зайчишку.

Хороший был зайчишка: пушистый, робкий. На день он забирался под какую-нибудь частую ёлочку на опушке и спал. Ночью ходил в луга – своровать немножечко сена из стогов. И при этом ужасно как боялся попасть белой сове в когти или горностаю в зубы.

Вот и ещё житель, а складывать всё нельзя:

1+2

Начнёшь складывать, а в это время то ли горностаю, то ли сова зайчишку и съест. И вместо сложения получится вычитание. Лучше не будем и пробовать.

Но в лесу со всячинкой.

Случилось вот что.

Бежит раз утром зайчишка на свою опушку. Тут пень снегом, как шапкой, накрыт. Зайчишка и присел за ним, ушами шевелит, слушает: нет ли кого на опушке? Не опасно ли дальше бежать?

А горностаю из куста и сова с луга уже приметили: будто чёрные две мушки вьются над пнём. Белая сова и днём отлично видит.

Горностаю нырнул в снег, пробежал под ним и бесшумно вскочил на пень. И сова стелет-летит бесшумно над самым снегом – к пню.

Горностаю прыг зайчишке на спину!

Зайчишка как подскочит с перепугу!

А в воздухе его сова цоп в когти!

Одной лапой в зайчишку, а другой-то в горностаю: некогда ей было разглядывать, кто на зайчишке верхом сидит.

И стало тут в лесу, как в арифметике: сложились один зайчишка и два хищника – все три жителя лесной опушки – вместе:

$$1+2=3$$

Да только ненадолго: на один коротенький миг.

Бросил горностаю зайчишку, впился всеми зубами сове в горло.

Бросила сова зайчишку, вцепилась всеми когтями горностаю в спину.

Зайчишка в снег упал.

Горностаю сове зубами горло перервал.

Сова горностаю когтями спину переломила.

Упали оба мёртвые.

А зайчишка вскочил – и в лес.

Тут уж, сам видишь, в арифметике, как в лесу: сложились трое, остался один:

$$1+2=3$$

И не напрасно горностаю и белая сова с самого начала не хотели складываться. Сложились:

$$1+1=0$$

Ноль получился.

Потому что мёртвые, хоть и хищники, – они всё равно не в счёт, – чистый ноль. Зайчишка и тот их теперь не боится.

ПОГАНКИ

Рассказ

Становилось голодно, надо было подумать о мясе. Я взял ружьё и пошёл на маленькое лесное озеро. Оно густо поросло у берегов травой. На ночь сюда собирались утки.

Пока дошёл – стемнело. В тростнике закрикало, с шумом поднялись утки. Но я их не видел, стрелять не мог.

«Ладно, – подумал я. – Дождусь утра. Майская ночь совсем короткая. А до света они, может, вернуться».

Я выбрал место, где тростник расступался и открывал

полянку чистой воды. Сделал себе шалашик в кустах и забрался в него.

Сперва сидеть было хорошо. Безлунное небо слабо сияло, звёзды поблёскивали сквозь ветви. И пел-шептал свою приглушённую, несмолкаемую, как ручеёк, песню козодой-полуночник.

Но набежал ветерок. Звёзды исчезли, козодой умолк. Сразу посвежело, посыпал мелкий дождик. За шиворот мне потекли холодные струйки, сидеть стало холодно и неуютно. И уток не слышно было.

Наконец запела зорянка. Её цвирикающая переливчатая песенка задумчиво-грустно звучит вечерами. А под утро кажется радостной, почти весёлой. Но мне она не обещала ничего хорошего. Я проголодался, продрог и знал, что теперь утки не прилетят. Не уходил уж только из упрямства.

Дождик перестал. Начало прибывать свету. Пел уже целый птичий хор.

Вдруг вижу: в траве, в заводинке, движутся две птичьи головки.

Вот они, утки! Как незаметно сели...

Я стал прилаживать ружьё, чтобы удобно было стрелять, когда выплывут на чистое.

Выплыли. Смотрю: острые носики, от самых щёк на

прямые шеи опускается пышный воротник. Да совсем и не утки: поганки!

Вот уж не по душе охотникам эти птицы!

Не то чтобы мясо их на самом деле было поганое, вредное для здоровья. Оно просто невкусное. Одним словом, поганки – не дичь.

А живут там же, где утки, и тоже водоплавающие. Охотник обманется и с досады хлопнет ни в чём не повинную птицу. Застрелит и бросит.

Так грибник, приняв в траве рыжую головку какой-нибудь сыроежки за красный гриб, со злости пнёт её ногой и раздавит.

Разозлился и я: стоило целую ночь мёрзнуть! Подождите же!

А они плывут рядом, плечо к плечу. Точь-в-точь солдатики. И воротники распушили.

Вдруг – раз! – как по команде «разом-кнись!» – одна направо, другая налево. Расплылись.

Не тратить же на них два заряда!

Расплылись немного, повернулись лицом друг к дружке, кланяются. Как в танце.

Интересно смотреть.

Сплылись – и нос к носику: целуются.

Потом шеи выпрямили, головы назад откинули и рты приоткрыли: будто торжественные речи произносят.

Мне уж смешно: птицы ведь, — какие они речи держать могут!

Но вместо речей они быстро опустили головы, сунули носы в воду и разом ушли под воду. Даже и не булькнуло.

Такая досада: посмотреть бы ещё на их игры!

Стал собираться уходить.

Вдруг смотрю: одна, потом другая выскакивают из воды. Стали на воду, как на паркет, во весь свой длинненький рост, ножки у них совсем сзади. Грудь выпятили, воротники медью на солнце зажглись — до чего красиво! — так и полыхают.

А в клюве у каждой платочек зелёной тины: со дна достали. И протягивают друг дружке подарок. Примите, дескать, от чистого сердца ради вашей красоты и прекрасного майского утра!

Сам-то я тут только и заметил, как хорошо утро. Вода блещет. Солнышко поднялось над лесом и так ласково припекает. Золотые от его света комарики толкуются в воздухе. На ветвях молодые листочки раскрывают свои зелёные ладошки.

Чудесно кругом.

Сзади сорока налетела, как затрещит! Я невольно обернулся. А когда опять посмотрел на воду, поганок там уже не было: увидели меня и скрылись.

Они скрылись, а радость со мной осталась. Та радость, которую они мне дали. Теперь ни за что я этих птиц стрелять не буду. И поганками их называть не буду. Ведь у них есть и другое имя, настоящее: нырец или чомга.

Очень они полюбились мне в то утро, хоть я и остался без мяса.

ВЛАДИМИР ВОРОБЬЁВ

РАССКАЗЫ

Из книги «Я не придумал ничего»

ПАПА МЕНЯ ПОБИЛ

Гражданская война* ещё не закончилась, трудно было жить в разрушенной стране. И многие из горожан устремлялись на время в деревни, надеясь, что, обрабатывая землю, можно хотя бы не умереть с голоду. Однако и в деревнях жить было нелегко, а крестьянский тяжкий труд иным оказывался совсем не под силу.

Мы приехали жить в родную деревню отца. Я был маленьким и в свои три-четыре года, конечно же, ничего не понимал из того, что творилось вокруг. У меня были свои заботы. Главной из них было поймать лягушку.

Сразу за околицей было вековечное зловонное болотце, которое так и называлось Вонючим. Возле него невесело росли несколько чахлых кустиков, зато трава здесь была на диво сочная и пронзительно зелёная. На бережку всегда собиралась деревенская детвора. Удобное место, ровное, играй во что хочешь, и покличут – услышишь.

Чаще играли в лапту, но меня, такого маленького, не принимали, и я, предоставленный самому себе, залезал в болото и часами бродил в нём, пытаюсь схватить лягушку, а их тут было превеликое множество.

Иногда я увязал в жирном пахучем иле, пытаюсь выбраться, оказывался по шею в густой пахучей водичке. Случалось и глотнуть её.

Лягушку схватить мне не удалось ни разу, а вот головастиком, плавающих чёрными тучками повсюду, изред-

ка удавалось поймать. За таким занятием однажды и увидел меня папа. Я тоже его заметил. Он отламывал от куста прутик, и я сразу догадался зачем. Хотя, надо сказать, меня ещё ни разу таким образом не наказывали. На берег я вылез весь в болотной ряске, какие-то листочки свисали с ушей. Этакий зелёный водянкой, какое-то болотное существо, одним словом.

Я проворно подбежал к своей одежде, но успел надеть только лифчик. Кстати, знает ли кто-нибудь из теперешних мальчиков, что такое лифчик? В моё время это была необходимейшая часть одежды городских ребятшек. Этакий жилетик, к нему прикреплялись резинки для чулок, и застёгивался он на спине. Канительная одежонка, в общем.

Папа вжикнул прутиком, и я со всех ног припустил от него бегом, в одном лифчике с болтающимися по бокам резинками.

Страх – чувство, знакомое каждому. Он побуждает человека настораживаться, осознавать опасность. А вот чрезмерный страх – тот парализует волю. Сильно испугавшийся человек не способен защищаться. Но о какой защите тут могла быть речь? Я с голой попкой бежал, пыля по сельской улице, а шагающий сзади отец повжикивал прутиком и иногда достигал цели.

Однако наказание ничему меня не научило. Я продолжал охотиться на просторах Вонючего болота. Правда, теперь я то и дело поглядывал на дорогу возле мостика, не появится ли папа с прутиком.

И ещё – я теперь отмывал ноги от ила и на всегдашний недоумённый вопрос мамы, почему от меня болотом пахнет, как заправский опытный лгун, отвечал честным голосишком, что, мол, вспотел... И всегда при этом испытывал непонятное мне тогда тягостное чувство.

Повторялось такое изо дня в день, и, усиленное страхом наказания, оно отчётливо запомнилось, это тягостное чувство вины солгавшего человека. Я всегда потом безошибочно догадывался, когда лгали мне. Всегда при этом знал, что испытывает сейчас этот несчастный человек, и, стыдясь за него, даже... сочувствовал ему.

---

* *Гражданская война* – вооружённая борьба, которая шла внутри нашей страны после революции 1917 года.

ОБИДА

Там, в деревне, я первый раз в жизни, не на картинке, увидел корову. Стоит жуёт, скучная... И овец увидел. Кудрявые, все в репьях, дурные какие-то, шарахаются туда-сюда по двору.

И впервые я тогда увидел поросят. Большая страшноватая свинья Хавронья лежит на солнышке и хрюкает. А поросята тыкают ей круглыми носиками в живот и сладко почмокивают от удовольствия.

Но больше всех на свете мне понравился конь Араб. Он мне так понравился, что ни рассказать, ни забыть нельзя. Араб сам подошёл, понюхал мою голову, а потом вдруг взял у меня из руки хлеб с маслом и съел.

Отец ездил на Арабе в поле и ещё по каким-то своим делам. И вот однажды я стал просить его, чтобы он посадил меня в седло. Не с собой, а одного. Пусть придерживает снизу руками, но чтобы я один, на коне, верхом!

И только было папа хотел забросить меня в седло, подбежала мама. Ну, знаете, как у них: «Ах, ни в коем случае! Ах, упадёт!»

Я, понятное дело, плакать.

Тогда мать подхватила меня на руки, понесла и посадила... на корову!

Это было ужасно. Это было так обидно, так стыдно и горько!

Я до того отчаянно рыдал, что от слёз сделался весь мокрый, посинел и опух.

Очень долго меня не могли успокоить, а надо сказать, я вовсе не был плаксой.

Но чего же я так обиделся тогда?.. Хотя, если правду говорить, мне до сих пор обидно. И, странное дело, всегда, всю жизнь потом, стоило мне попасть впросак или потерпеть неудачу, я вспоминал этот случай и чувствовал себя всадником на корове.

НА ОДНОМ КОНЬКЕ

Двадцатый год*. Голодная заснеженная Самара. Я маленький, очень маленький и очень счастливый. Сегодня мама купила мне коньки, вернее, один конёк. Он ржавый, но какое это всё-таки чудо – остроносый конёк «Нурмис», самого что ни на есть маленького размера! Недаром мама отдала за него сколько-то там миллионов.

Бечёвкой, крест-накрест, мне привязали конёк к валенку. Потом закрутили бечёвку круглой струганой палочкой.

В долгополой синей шубке, опоясанной красным кушачком, в тёплом рыжем малахее** – таким я выхрамываю из нашей калитки на тротуар.

И вот я поскакал, поскакал! Главное – успеть скакнуть ногой, пока другая едет на коньке. Едет, едет нога; скачет, скачет другая. Ух ты! Только малахай всё сползает на лоб, и пот застилает глаза.

Доскакал до угла, свернул за угол. Ещё до угла и за

угол. Долго-долго так. Уже опустилась на город тьма. На незнакомых улицах зажглись редкие тусклые фонари...

И вдруг прямо передо мной целое скопище ярких лампочек вверху, где-то гремит музыка, за длинным щелястым забором мелькание теней, непонятное шарканье.

Я быстро, по-собачьи, разгребаю снег и протискиваюсь в щель. По огромному полю, запорошенному белым крошевом льда, едут, скользят на коньках, шаркают с лёгким звоном взрослые люди, очень много людей. Куда они все едут?

Печальная музыка играет им вслед, на прощанье. Я машу им варежкой.

Но все они едут по кругу и возвращаются снова, и едут, скользят всё по кругу, по кругу...

В гимназических и солдатских шинелях с развевающимися полами, в расстёгнутых пальто, в мохнатых фуфайках, в брюках галифе с гетрами на ногах, в матросских бушлатах, чёрных клешах. Девицы – в широких длинных юбках, отороченных мехом, прячут руки в пушистые муфты.

Поблёскивают, посверкивают коньки. Они у всех привинчены к ботинкам.

Я выбрался на лёд и поехал, поскакал. Скок, скок, скок. Почему-то нет никого на одном коньке. «На одном коньке даже лучше, – утешаю я себя. – Только вот обгоняют все...» Скок, скок, скок. И малахай всё сползает на лоб.

Вот снова заиграла музыка. Громкая, весёлая, она будто торопит нас, но никто не едет быстрее. Больше всего мне понятно в ней «Бумм! Бомм!» и «Ух! Ух! Ух!» и ещё «Дзеннь!».

Вконец запыхавшийся, я встал возле дощаной веранды и смотрел на музыкантов. Изо рта у меня валит пар. Едкий пот застилает глаза.

Бомм! Бомм! Гремит поставленный набок большущий

барабан. В него бьёт, пытаюсь согреться, озябший старичок в белых валенках.

Ух! Ух! Ух! Это ухаёт огромным сверкающим жерлом*** медная труба, несколько раз опоясавшая солдата в заиндевелой шинели и серой шапке. Солдат изо всех сил дует синими губами в светлый кончик трубы. Вот он заметил меня, смешно свёл глаза к переносью, потом развёл их в стороны, чуть не до самых ушей, потом свирепо завращал ими.

О! Я понимаю отлично: это он для меня... И хихикаю, и тру мокрой варежкой занемевший нос.

Тяжко ухаёт толстая труба, нетерпеливо дзенькают насквозь промёрзшие медные тарелки. Потом что-то невыразимо печальное запели трубы поменьше.

Я снова скачу среди льдистого поскрипа, медных возгласов. Я давно устал, взмок и замёрз. На мучнистом нескользком льду всё меньше и меньше людей. И вдруг вижу: я остался один.

Покашливая, поскрипывая валенками, ушли музыканты, и погас на веранде свет. Потом исчезли, будто улетели в чёрное небо, одна за другой гирлянды лампочек. По краям пустыни улёгся мрак, стало совсем темно, и мне захотелось спать. Я дохромал до изгороди, нашёл свою ямку, пролез и снова оказался на улице.

Куда теперь? Где наш дом? Я повертел головой, поправил малахай и поскакал, поскакал наугад. До угла и за угол. Опять до угла и за угол.

Глубокой ночью меня повстречал красноармейский патруль****. А как передали на руки обезумевшей маме, не помню. Я спал.

---

* *Двадцатый год* – имеется в виду 1920 год.

** *Малахай* – меховая шапка.

*** *Жерло* – здесь: широкое отверстие трубы.

**** *Патруль* – небольшой вооружённый отряд для наблюдения за порядком.

ЖЕНИХ

Я перешёл в третий класс. У меня длинные брюки, а не штанишки до колен. И никаких чулок с резинками. Мужчина!

А кто не верит, можем стукнуться.

Вот никак не могу вспомнить, из-за чего мы то и дело «стукались». Если не на перемене, то после уроков, но кто-нибудь с кем-нибудь непременно дрался.

Ещё когда я только в первый класс начал ходить, ко мне подскочил какой-то мальчишка.

– Стукнемся? – крикнул он.

Я кивнул.

Он бросил на землю свой портфельчик. Я тоже. Вокруг нас уже собрались ребята. Мальчишка налетел и стукнул меня грязным кулаком по носу. Из носа пошла кровь, а я, дурак, и зареви. Даже руками себя за горло схватил, так расстроился. И сразу стал всем смешон и противен. И самому себе тоже. Домой шёл один и всё думал: почему я мальчишку стукнуть забыл? До сих пор себе простить не могу. И до сих пор стыжусь: чего это я заревел тогда?

Мы стукались на улице, во дворе, в классе возле доски, если к спеху было. Только не знаю, для чего это всё делалось. Глупость-то какая! Ну, если я сильнее другого, то надо его бить? Чтоб кровь из носу?

Другое дело, если ты жених...

Училась такая девочка в нашем классе – Людмила Адмиральская. Девочка как девочка – прилежная, умненькая. Коротко стриженная, с чёлкой. Сидела она позади меня.

Вот как-то раз Сёмка Акопов изловчился и столкнул

нас лбами. У Милы был прохладный твёрдый лоб, весь в золотистых веснушках.

– Жених и невеста! Тили-тили-тесто! – заорал Сёмка ни с того ни с сего.

А класс дружно подхватил, и, пока не вошла Елена Ивановна, все радостно вопили:

– Жених и невеста! Жених и невеста! Тили-тили-тесто!

Пришлось на перемене с Акоповым Сёмкой стукнуться. И после, до самого четвёртого класса, чуть не каждый день я стучался со всеми желающими – стоило только кому-либо сказать «жених и невеста» или только «тили-тили-тесто».

Их оказалось много, желающих, а я, маленький дуралей, и не догадывался, что все они, желающие, старше или сильнее меня. Но самая-то глупость была в том, что я признал себя женихом.

Каждый день после уроков, если я ни с кем не стучался, то провожал Милу домой. Просто плёлся позади, пока «невеста» не скрывалась за высокой зелёной калиткой своего дома.

Потом Людмила Адмиральская стала принимать меры. Она выпускала из калитки огромного цепного пса.

А тот, не зная, что ему делать на свободе, иногда убегал к своим собакам, иногда... гнался за мной.

Дома за обедом я обычно всё рассказывал. Про отметки, про новости в школе и про то, с кем и с каким успехом стучался. И про то, как сегодня проводил Милу Адмиральскую, про собаку тоже... Мама недовольно качала головой, опускала глаза. Отец одобрительно улыбался в усы, и никак я не мог понять, отчего всё время давится и кашляет мой старший брат. У него багровело лицо, слёзы выступали на глазах. А это он, оказывается, давился от смеха, но смеяться надо мной ему было стро-

го-настрога запрещено. Отец и мать надо мной не смеялись.

И я теперь тоже никогда ни над кем не смеюсь.

А кто не верит, можем стукнуться!

МОЙ ДНЕВНИК

 Когда я был маленьким и учился ещё в первом классе, я стал вести дневник. Нет, это совсем не такой дневник, какой есть сейчас у каждого школьника. Не уроки и отметки записывались туда.

Это была толстая тетрадь, в которой вечером полагалось написать про то, как прожит день: что видел, с кем играл и во что, куда ходил, какую книгу читал. Написать хотя бы три строчки. А если хочется, то и целую страницу. И ещё нарисовать внизу.

Я бы такое сам не придумал. Это я собезьянничал у Шуры и Юры Лавровских, больших соседских мальчиков. Шура учился в шестом, Юра – в восьмом классе.

Они мне сказали:

– Великие путешественники всегда вели дневник. Описывали горы и реки, все приключения. Встречи с дикарями и про погоду тоже...

Правда, Юра с Шурой не сказали мне, что им вести дневник строго-настрога приказал отец.

Помню, я его немного побаивался. Он властно сверкал очками, неприступно сиял начищенными сапогами, а главное – никогда мне не улыбался, не трепал за волосы, не вступал в шутливый разговор, как другие. Спокойно шёл, и мне казалось: не уступи ему дорогу – перешагнёт, как через собачонку. А я и правда был кудрявым, смахивал на пуделя.

Александр Петрович ни в чём не терпел беспорядка. Так, однажды он привёз большой тяжёлый шкаф. Приставил его к стене, тщательно вытер внутри и снаружи тряпкой с постным маслом. Сам разложил на полках вещи и книги сыновей и твёрдо сказал:

— Чтобы всё лежало так. На этом самом месте. И чтобы ни пылинки! Как на корабле.

И честное слово, в этом блестящем шкафу много лет всё всегда лежало на своём месте, и не было в нём ни пылинки. Я сам видел, как отец Шуры и Юры белым носовым платком проверял его чистоту внутри и снаружи.

Итак, в подражание Шуре, Юре и всем великим путешественникам, я решил вести дневник. Горы видны из окна, речка тоже не так далеко. Вот только где взять дикарей? И толстой тетради у меня не было. Мне ещё не разрешалось писать в тетрадях в одну линейку, и даже в две линейки. В то время, пятьдесят лет тому назад, первоклашки писали в тетрадях, разлинованных в косую клетку.

Тогда я взял несколько тонких своих тетрадей и сшил их вместе. Вот и всё. И даже твёрдую обложку сделал из картона, оклеенного цветной бумагой.

На первой странице я нарисовал земной шар. Над ним и внизу большими печатными буквами написал: «Мой дневник». Немедленно буквы и шар раскрасил красками повеселее и схватил ручку... Задумался. О чём? И вдруг почему-то, так само получилось, я написал: «Проснувшись, я пошёл в сад и с товарищами в лес пошёл за грибами».

Да никуда я не ходил! Леса и близко не было. Грибов совсем в тех местах не водится. Вот тебе и великий путешественник. Сочинил всё. Вруша.

Внизу нарисовал большой гриб, почему-то в портретной рамке. Справа и слева от гриба — по три одинаковых

дерева. Две одинаковые дороги уходят вдаль. Позади горы – островерхие, одинаковые, как зубья пилы. Таких лесов, гор и дорог не бывает, и грибов в рамках... Нелепый рисунок.

Однако позже я понял: не умеешь – не бойся, делай. Пусть неправильно получится, зато теперь ты знаешь, как не надо делать, и считай, что наполовину уже научился.

И правда, дело у меня пошло лучше. Я описывал, как прошло классное собрание. Кого выбрали в класском, кого в санкомиссию. Что мастерил сегодня. Чаще всего я делал модели аэропланов. Так тогда назывались самолёты.

Про разное рассказывал я в дневнике. Про то, что случилось. Вот как-то поймали нашего Кузьку и увезли в фургоне как бездомную собаку. Этот пёсик жил у нас во дворе. Славный он был, весёлый. Лохматенький, чёрный, а кончик хвоста – белый.

Наш Кузька не был бездомным! Мы все играли с ним и кормили его. И каждый из нас мог бы сказать: «Он мой». Просто мы не знали, что его надо зарегистрировать и повесить ему жетон на ошейник.

Узнав о несчастье, мы собрали деньги, уплатили за жетон, побежали далеко за город, куда увезли пса. Нам вытащили его из глубокой ямы, где держали бродячих собак.

Счастливые, прыгая от радости, мы возвращались домой. Но главное в записи об этом – последняя строчка: «И нам было весело, а собака была невесёлая». Заметил. Молодец. А в самом деле, мог ли наш Кузька сразу стать весёлым, если он только что так жестоко страдал? Вот так и человек. Не может сразу перенастроиться, ведь он не балалайка и не телевизор. Если где-либо горе, нельзя туда прийти и веселиться. А там, где люди веселятся, нельзя смотреть на всех букой или сидеть повесив нос.

А вот на другой странице дневника – про саранчу. Утром влетел к нам во двор незнакомый мальчишка и заорал:

– Саранча! Саранча! Хватайте тазы, ведра, бегите стучать, греметь! Пугать саранчу на кладбище!

Городок наш всполошился. Закрылись учреждения. Кто бегом, кто верхом, на телегах, в пролётках устремились к небольшой горке, что возле кладбища. У каждого в руках или таз, или пустое ведро и палка – всё, чем можно греметь.

Впереди, конечно, мальчишки. Вот когда можно стучать, шуметь, свистеть, вопить! И за это ещё хвалить будут.

Кто не видел саранчу, пусть представит себе кузнечика длиной в два спичечных коробка. А сколько их собирается вместе, невозможно себе представить. Туча саранчи заслоняет солнце, и бежит от неё по земле страшная тень. И если саранча опустится на поля...

По непонятной прихоти саранча опустилась на кладбище. Здесь, на горке, шум стоял уже невероятный, но саранча не испугалась. А может, сочла это за шумный восторг по случаю её прибытия. Через некоторое время она, словно по какой-то неведомой команде, поднялась в воздух и полетела.

Кладбище, только что утопавшее в зелени, сейчас было мертвее мёртвого. Ни травинки, ни листочка, ни кустика...

На страницах дневника часто встречаются и такие записи: «Сегодня ходил в кино. Картина мне очень понравилась». Названия у картин были всякие: «В городе жёлтого дьявола», «Черный Питер», «Пропавшие сокровища». И хотя там чаще всё происходило из-за пустяков – не поделили деньги или красавицу, – смотрелись они с упоением.

Надо было только во время сеанса немного потерпеть. Аппарат в кинобудке был один, и каждую часть киномеханик перематывал.

В душной темноте зала стоял сплошной шорох и шелест. Потому что все грызли семечки, жевали что-нибудь, посасывали леденцы, ириски. Затем снова синий луч из окошечка кинобудки пронизывал темноту, стрекотал аппарат и звучала музыка.

Музыка звучала не с экрана. И голосов людей от экрана не доносилось. Такое тогда было кино. Немое. Человек на экране открывает и закрывает рот, и считалось, что он говорит, а что — понять можно было только из коротких надписей. Читать надо было уметь скоренько, а то ничего не поймёшь.

Под самым экраном или в сторонке всё время играл пианист. Или небольшой оркестрик. Если по ходу дела происходило что-нибудь весёлое, музыканты играли весёлое, если печальное — тянули тоскливо. А если на экране были скачки, стрельба, беготня, драка, музыканты старались до пота, наигрывали всё равно что, только стремительное.

И ведь как всё тогда казалось здорово устроено! Только теперь, когда кино звуковое и даже цветное, грустно отчего-то становится, когда случится вдруг увидеть фильм тех далёких-далёких дней.

Вот жалко, что нет в моём дневнике ничего о том, как Шура и Юра Лавровские учились говорить по-человечески.

Однажды отец сказал им:

— Нас в семье четверо. Каждому по билету в кино — получается слишком накладно. Никакой зарплаты не хватит. Будем ходить в кино по очереди, а за вечерним чаем подробно рассказывать.

Он пошёл первым и после кино всё рассказал подробно и занимательно. Я будто своими глазами фильм посмотрел.

На следующий день пошла в кино их мама. И она рассказала превосходно. В другой раз – Юра. Он пришёл и начал рассказывать горячо, взволнованно. Картина была действительно интересной. Но что это? У него вдруг стало не хватать слов. Он попробовал вставлять всякие «ну», «значит», «вот», «ничего», «то есть». Мы едва понимали, что он хочет сказать. Юра смутился, разозлился на нашу непонятливость, заторопился, стал перескакивать и возвращаться к сказанному. То и дело он произносил «э-э», «ме-е», «ну-у».

А у самого от натуги даже слёзы на глазах выступили.

– Отставить! – решительно прервал отец. – Ты заговорил не по-людски. Мычание какое-то и бляение.

Всем стало неловко за Юру и жаль его. Потом в кино ходил Шура. Он-то знал, что ему предстоит, и, наверное, по дороге домой собрался с мыслями, приготовился. Он рассказывал чуть лучше, чуть больше, но... кончил тоже плохо. Смешался, заторопился и окончательно застрял в дебрях мусорных слов.

Так у них продолжалось больше года. Ходили в кино по очереди и потом рассказывали. И как же хорошо научились говорить ребята! Заслушаешься.

А ведь уметь связно и легко говорить нужно вовсе не для того, чтобы потом про кинофильмы рассказывать. Кто хорошо говорит, хорошо думает! Для того, теперь я понимаю, и заставили Шуру с Юрой и фильмы пересказывать, и дневник вести.

Я-то этого не знал, просто собезьянничал. Но тогда не пожалел и теперь не жалею. Очень интересно вести дневник!

БЫВАЮТ ЛИ НА СВЕТЕ ЧУДЕСА

 Говорят, чудес не бывает. Я не согласен, чудеса бывают. И я был свидетелем одного настоящего чуда. Конечно, наука когда-нибудь всё объяснит. Я так понимаю это: всё, что не успела объяснить наука, – это чудо. А как объяснит – это уже никакое не чудо. Вот расскажу вам, не торопясь, про один случай.

Наш «Чичерин» солидно прогудел и пристал к маленькой ветхой баржонке. Мы сошли с парохода. На высоком песчаном берегу, густо поросшем высоченными красноствольными соснами, на поляне стояло десятка два крестьянских телег.

Мужики ждали какой-то другой пароход, на котором был для них груз. Но каждый не прочь был подработать и на пассажирах. А мы оказались единственными, и галдёж поднялся невероятный.

Меня ухватил за руку один, маму за локоть тащил к своей телеге другой. Чемоданом и баулом завладел третий. А с ними чуть не в драку остальные.

– Не так! Не так! – закричал я, захваченный их весёлым азартом. – Надо кидать монету!

– Правильно малец говорит! – поддержал меня кто-то. – Давайте разыграем их.

И вот уже образовался круг, я в центре, приготовился подкидывать медный пятак. Решка! Орёл! Решка! Орёл!

Мы достались черноволосому лохматому мужику с орлиным носом и чёрной, длинной, острым клином, бородой. Он всё стоял в сторонке, помалкивал и, казалось, не очень хотел нас выиграть.

Будто с лентой, но легко и твёрдо ступая по земле, он сложил наши вещи в свою телегу, и мы отправились.

Много лет спустя я стоял в Третьяковской галерее перед картиной Сурикова «Утро стрелецкой казни», смотрел на стрельца в белой рубахе с зажжённой свечой в руке и вспоминал, где я его видел раньше, живого... И вспомнил: наш возница!

Между тем, дрожа и стуча всеми своими деревянными суставами, катилась наша телега, ныряя в ухабы, перекачиваясь через корневища, кренясь в обочины и вползая на взгорки. Глядеть по сторонам было нельзя: всё прыгало и плясало в глазах.

Потом вдруг телега пошла ходко, ровно, без стука и тряски, по накатанной колее и сразу же выкатилась на деревянный щербатый мост.

И тут я невольно вскрикнул:

– Стойте! Остановитесь, пожалуйста!

Телега остановилась. Я спрыгнул, подбежал к перилам и вне себя от восторга замер перед не виданным еще мной зрелищем.

Ровная гладь небольшой, но полноводной речки покоилась среди изумрудных берегов. Огромные белые цветы невесомыми чашами лежали на голубой воде. Над ними дрожали крыльями стрекозы, а в воде отражались медленно плывущие облака.

– Ух ты! – только и смог вымолвить я, охваченный странным чувством: будто забыл всё и вдруг очнулся, вспомнил самое главное, самое нужное сейчас и очень радостное...

Подошла мама, облокотилась на перила, помолчала.

– Боже, сколько я тут не была?

Где-то в осоке тревожно крякнула утка, жёлтый пушистый шарик дугой прокатился по зелёной зеркальной глади воды и исчез в траве.

– Дикий утёнок, – прошептал я.

Мы ещё долго стояли на мосту...

Потом было солнечное деревенское лето. С купаньем, рыбалкой, грибами, сонным шумом дождя в лопухах, с хорошими ребятами. Но особенно мне запомнился один из последних дней, проведённых тогда в деревне. Запомнился, наверное, потому, что я впервые в жизни пережил чудо.

Мы с ребятами купались до «бу-бу-бу». Это значит, сначала до пупырышков, потом до посинения, и уже после – до того, что никто из нас не мог выговорить слово «бублик», а только «бу-бу-бу». На меня ещё нападала икота.

И, конечно, это не прошло даром. Горячий лоб, не могу и не хочу двигаться, больно глотать. Ангина – дело знакомое, но как некстати! За грибами ведь собрались!..

Мама сразу:

– К врачу!

Тётя Саша командует:

– Митрий, лошадь запрягай! Живо!

А дяде неохота. Я вижу. Ему надо в поле, рожь косить. Я понимаю. А ехать в соседнее село далековато...

И тут входит бабушка Оля.

– К Прасковье сходим, – тихо говорит бабушка.

– К какой ещё Прасковье! – сердится мама. – Ребёнку врач нужен, а не ваши тут, колдуньи!

Но кое-что она, наверно, слышала про знахарку Прасковью. Да и надо сказать, у бабушки Оли была такая повадка: только скажет тихонько-тихонько, только глянет светло-светло – всякое желание возражать ей отпадает. Такая жила в ней, старой и слабой женщине, добрая внутренняя сила. Говорили, в молодости была она необычайно красива и была у неё несчастная любовь. Но всё это, конечно, нисколько не интересно.

Бабушка взяла меня, как маленького, за руку и повела. Яркий свет на улице резал глаза, ноги не шли. Свинцовая голова никла на грудь. И даже взглянуть на живую колдунью никакого желания не было.

А жила она, оказывается, совсем недалеко, в замшелой покосившейся избушке, как колдуньям и полагается. Бабушка сначала постучала в окошко, кому-то там махнула рукой, и мы с ней поднялись на крылечко.

Нас встретила и впустила в дом очень обыкновенная и не очень старая женщина, впрочем, чем-то неуловимо похожая на переодетого мужчину. Черноволосая, смуглая, она по-мужски широко шагала по избе, над верхней губой Прасковьи и её щеках едва-едва, как после хорошего бритья, намечались синеватые тени. Глаза у неё были большие, чёрные, добрые. И как будто чуть-чуть влажные.

Никакая она не колдунья, правильно решил я. Между тем Прасковья, выслушав бабушку, поставила меня в углу перед собой, стала шептать какие-то слова и легонько потирать мне горло.

Я оглядывал комнату. Она была, как у всех здесь, в деревне, выкрашена зачем-то в грязно-синий цвет. Всё здесь было синим – и стены, и лавки, и стол, и табуретка с прялкой. Казалось, и воздух был дымчато-синим. Однако пахло в избушке приятно, как ладони у бабушки Оли – воском и мёдом, и ещё, немного, коврижкой. Стол под старой клеёнкой да железная кровать за синей же, лянцовой занавеской – вот и вся обстановка. Бедно жили люди. Тогда я, конечно, об этом не думал и удивляться всему стал только теперь.

Минут через пять мы с бабушкой уже снова были на улице. Я вспомнил все свои планы на сегодняшний день и поторапливал её, а она лишь чуть-чуть улыбалась.

Дома мама первым делом – ладонь мне на лоб, удивлённо хмыкнула, заглянула в рот и, поражённая, промолвила:

– Чу-де-са-а!

В горле у меня не было никакой красноты, ни воспаления! Я был совершенно здоров, хоть сейчас беги и купайся до «бу-бу-бу».

Очень уж я был занят своими делами и мало на что обращал внимание. Не придавал я никакого значения и этому скучному чуду. «Ну заболел, ну вылечили».

А будучи взрослым, призадумался...

Ну, положим, почти все знахарки, наверное, шарлатаны. Не умеют они лечить людей, и надо быть дураком из дураков, чтобы поверить в их мази и всякое волшебное бормотание. Но с другой стороны... Ведь раньше, в стародавние времена, умели излечивать заговорами. Недаром есть такое выражение: «Ты мне зубы не заговаривай». Ясное дело, у кого-то болели зубы, и кто-то лечил словами. Словами!

И ещё узнал я позже, что врачи в седой древности знали: главные три средства исцеления больного – слово, нож и яд.

И верно, яд в чрезвычайно малых дозах является противоядием. Хирургическим ножом больного исцеляют, отсекая поражённые болезнью участки тела. Ну а слово? Какое оно? Какие они? Их знали, правда, очень немногие, ещё недавно. Они были! Я сам тому живой свидетель. Эх, если бы дана мне была ещё одна жизнь! Я бы всю её положил на то, чтобы вновь отыскать человеку избавляющее от страдания СЛОВО.

АРКАДИЙ ГАЙДАР

Литературная судьба Аркадия Петровича Гайдара (1904–1941) начиналась в Перми. В 1925 году в газете «Звезда» был напечатан его первый детский рассказ «Р.В.С.». Это и определило всю его дальнейшую жизнь. «Чук и Гек», «Судьба барабанщика», «Военная тайна», «Голубая чашка», «Тимур и его команда» — эти и другие повести и рассказы Гайдара читала вся детвора страны. Писатель учил ребят доброте, мужеству, любви к своей Родине.

Он и сам был человеком добрым и мужественным. Поэтому, когда началась война с фашистами, он ушёл добровольцем на фронт и, прикрывая товарищей, погиб смертью храбрых.

В Перми именем Гайдара названы улица, детская библиотека, Дом журналиста.

ЧЕТВЁРТЫЙ БЛИНДАЖ

Рассказ

Колька и Васька – соседи. Обе дачи, где они жили, стояли рядом. Их разделял забор, а в заборе была дыра. Через эту дыру мальчуганы лазили друг к другу в гости.

Нюрка жила напротив. Сначала мальчишки не дружили с Нюркой. Во-первых, потому, что она девчонка, во-вторых, потому, что на Нюркином дворе стояла будка с злющей собакой, а в-третьих, потому, что им и вдвоём было весело.

А подружились вот как.

Приехал однажды к Ваське из Москвы его задушевный товарищ – Исайка Гольдин.

Исайка был ровесником Васьки и был похож на Ваську. Только что чуть-чуть потолще, да волосы у Исайки почернее, да ещё было у Исайки ружьё, которое стреляло пробками, а у Васьки не было,

Приехал Исайка с отцом в выходной день. И вздумали ребята в лапту играть. А в лапту, известное дело, втроем не играют – обязательно нужно четвёртого.

Пошли за Павликом Фоминым. Но у Павлика болел живот. В лапту играть его не пустили, сидел он дома совсем печальный, потому что выпил недавно касторки.

Что тут будешь делать? Где взять четвёртого?

Вот Васька и говорит Кольке:

– А что, если давай позовём Нюрку?

– Давай, – согласился Колька. – У неё ноги вон какие длинные, она не хуже козы бегаёт.

Исайка согласился тоже.

– Только, – говорит Исайка, – хоть у меня ноги и короткие, а я тоже хорошо бегаю, потому что Нюрка без припрыга бегаёт, а я с припрыгом.

Позвали Нюрку:

– Иди, Нюрка, с нами в лапту играть.

Нюрка сначала очень удивилась. Но потом видит, что ребята всерьёз зовут.

– Я-то бы пошла, да мне сначала огурцы полить надо. А то взойдёт солнце, и рассада повянет.

Увидали ребята, что дело это с поливкой долгое будет. Тут Исайка и выдумал:

– Давайте мы тоже поливать будем. Одни воду подтаскивать, другие поливать, тогда раз-раз – и готово. А то одна она и до полдня прокопается.

Так и сделали. Сыграли в лапту десять конов. Сбегали на речку искупаться. Потом Исайка с отцом уехали в город.

И с того-то самого дня подружились Васька и Колька с Нюркой.

Жили они от Москвы недалеко, в посёлке, у самого края. Дальше начиналось поле, поросшее мелким кустарником. А ещё дальше, на горке, виднелись мельница, церковь и несколько домиков с красными крышами – то ли станция, то ли деревенька, – издалека не разберёшь. Как-то Васька спросил у отца, как называется эта деревенька.

– Это не настоящая, – ответил отец. – Это всё нарочно сделано.

– Как же не настоящая? – удивился Васька. – Как же не настоящая, когда и мельница, и церковь, и дома? Всё видно.

– А так и не настоящая, – рассмеялся отец. – Отсюда кажется, что и мельница, и дома... А подойдёшь поближе, там ничего нет.

Удивился Васька, но не поверил. И решил, что отец посмеялся или просто сказал так, чтобы от него отстали.

Полез к Кольке через заборную дыру. Глядит, а Коль-

ка с Нюркой сидят на заборе и что-то интересное в поле высматривают. Обиделся Васька:

– Вы что же это, сами интересное высматриваете, а меня не позвали?

А Колька отвечает:

– Я давно уже хотел сбежать за тобой. Залезай скорей на забор. Посмотри, какие красноармейцы с пушками приехали.

Залез Васька, смотрит: совсем рядом в кустах кони стоят, повозки на двух колёсах и пушки.

– Ну и ну! – сказал Васька. – Это что же такое дальше будет?

– А вот посмотрим, – ответила Нюрка. – Мы уже давно здесь сидим и всё дожидаемся.

– Ладно, – напомнил им Васька, – другой раз и я тоже раньше вашего сяду и вам ничего не скажу.

Но всё-таки на этот раз они не поссорились, потому что в кустах начиналось что-то очень занятное.

Лошадей у каждой пушки было по шесть штук – по три пары на пушку. Лошади отцепились от пушек как-то сразу. Красноармейцы возле пушек забегали и что-то такое крутили, ворочали, потом отбежали назад. Остался рядом с пушкой только один. И тот, который остался, держал в руке длинный шнур, привязанный к пушке.

– Ты, Колька, не знаешь, зачем это он за шнурок держится? – спросил Васька, усаживаясь поудобнее.

– Не знаю, – сознался Колька, – только если держится, то уж, значит, так нужно.

– Обязательно так нужно, – подтвердила Нюрка.

– А то, если бы он не держался, тогда как же? – продолжал Колька.

– Ну, конечно, – согласился Васька, – если бы не держался, тогда как же...

Но тут красноармейский командир, который стоял позади телефонной трубки, что-то громко закричал. Другой командир, который стоял поближе к пушке, тоже что-то крикнул, махнул рукой; тогда красноармеец дёрнул за шнурок.

Сначала сверкнул огромный огонь. Потом так ударило, как будто бы громом грохнуло над самой печной трубой.

Ребята слетели с забора на траву.

– Ну и бабахнуло! – сказал Васька поднимаясь.

– Здорово бабахнуло, – согласилась побледневшая Нюрка.

– Это вот когда дёрнут, тогда и бабахает, – объяснил Колька. – А вы говорите – зачем шнурок да зачем! Я теперь сразу угадал зачем... А вот скажи, Васька, почему ты с забора соскочил и меня с Нюркой спихнул?

– Я не соскочил, – обиделся Васька. – Это Нюрка первая соскочила, тряхнула забор, я и свалился.

– Я не первая, – отказалась Нюрка. – Если бы я первая, то как же бы я Кольке на спину упала? Это он сам первый.

– Вот ещё! – рассердился Колька. – Это ты просто побоялась в крапиву падать и нарочно выбрала так, чтобы мне на спину. А я вот не побоялся и всю руку изжёг. – И, обернувшись к Ваське, он добавил: – Они все, девчонки, крапивы боятся. Куда уж им!

С тех пор красноармейцы с пушками приезжали часто. Только в среду да понедельник стрельбы не бывало, – а то каждый день.

Как только приедут артиллеристы, так бегут ребята прямо к кустам. Сядут на бугорочке, совсем близко, и смотрят. С бугорочка всё видно и всё слышно. Телефонист послушает в трубку и потом говорит командиру:

– Прицел 6–5, трубка 7–2.

Тогда командир кричит:

– Второе орудие!.. Прицел 6–5, трубка 7–2.

И бегут сразу красноармейцы ко второму орудью. Покрутят какое-то колесо – и орудие немного вверх приподнимается. Покрутят другое – и ствол орудия немного в сторону отойдёт. Тут, когда нацелятся артиллеристы, махнёт командир рукою, – дёрнет красноармеец-наводчик за шнурок. Вот тебе и трах-бабах!

Как летит снаряд, этого ребятам не видно. Но когда долетит и разорвётся, то тогда уже видно, потому что над этим местом поднимется целое облако пыли и чёрного дыма.

И все снаряды рвались то около церкви, то около мельницы, то около домиков, которые виднелись далеко на горке.

– А страшно в той деревеньке жить! – сказала однажды Нюрка. – Я бы ни за что не осталась там жить. А ты, Васька?

– И я бы не остался, – ответил Васька. – А отчего это отец говорит, что там никакой деревеньки нет и всё это только отсюда кажется?

– Деревенька есть, – решил Колька, – да только из неё перед стрельбой все уходят.

– А лошадей куда?

– А лошадей тоже уводят.

– И коров тоже? – спросил Васька.

– И коров тоже, и разных там свиней, и баранов.

– И куриц тоже уводят? – любопытствовала Нюрка. – И уток тоже... и всех?

– Должно быть, уж и всех, – ответил Колька и замолчал, потому что самому ему чудным показалось такое дело.

Тут как раз стрельба окончилась, подвезли красноармейцам котёл на колёсах – кухню. Стал наливать им повар в котелки что-то – суп или борщ, а красноармейцы садились тут же на траву и ели. Тогда Васька сказал:

– Побежим домой, я что-то тоже поесть захотел.

Но Колька остановил:

– Погоди-ка немного: сюда командир едет.

Подъехал верхом командир. И возле самого бугорка остановился: закурить захотел. Вынул папиросы, вынул спички, стал зажигать, да то ли коня слепень укусил, то ли просто он забаловался, а только дёрнул конь и зафыркал.

Ухватился командир за повод.

– Стой, – говорит, – шальной! Чего крутишься?

А спички-то и выронил.

– Ребята, – попросил командир, – подайте-ка мне спички.

Васька всех ближе стоял. Схватил он коробку, да поскользнулся и упал. А Кольке обидно стало, что Васька подавать хочет. Подскочил он к Ваське и вырвал у него коробку. Васька как заорёт да Кольку кулаком по голове. Тут и началась у них драка. А Нюрка тем временем тихонько, боком, боком, подобрала спички, да и подала их командиру. Вот тебе и тихоня!

Посмеялся над ребятами командир, сказал им спасибо и ускакал.

Тогда Васька и Колька перестали драться и хотели отлупить Нюрку: зачем она со спичками вперёд сунулась.

Но Нюрка испугалась и убежала. А разве её, длинноногую, догонишь?

Так вот и поссорились ребята.

На другой день ни Васька к Кольке через заборную дыру не лезет, ни Колька к Ваське. А Нюрка тоже у себя на дворе возится.

Походил-походил по двору Васька, – скучно! Достал палку, сел на неё верхом и проехал кругом двора три раза, – всё равно скучно.

Заглянул он в дыру – видит, Колька с луком и стрелами ходит. В фуражку перо воткнул и будто бы индеец. Обидно стало Ваське. Просунул он голову в дыру и закричал:

– Отдай, Колька, перо! Оно не твоё, а наше. Это ты у нашего петуха из хвоста выщипал.

Тут Колька поднял с грядки ком земли. Как запустил его в Ваську, да прямо в живот! Хоть и не больно было Ваське, а всё-таки он заревел.

Васькина мать на крыльцо вышла и начала Кольку ругать. Да и Ваське заодно попало. На другой день ребята – враги. На третий день – враги тоже.

А тут как раз подошло грибное время. Другие ребята с соседних улиц соберутся с утра и идут или в Борковский лес, или на Тихие овраги. Глядишь, к обеду тащат – кто корзинку, кто лукошко. Да грибы-то всё какие – белые! Сахар, а не грибы.

А Ваське одному идти скучно, он и не идёт. Колька тоже не идёт. А Нюрке и подавно: скучно одной.

Сидит как-то Васька у себя на дворе и играет в поезд. Паровоз у него не настоящий, а из ящичков сделан, но всё-таки интересно. Приладил он старую самоварную трубу, да и дудит: ду-у-у! А сам раскачивается. Ящички хотя и не едут, но стучаются один о другой: так-так-так-так! Ну, прямо как вагоны!

Вдруг слышит Васька – упало что-то рядом. Видит – стрела. И видит он, что высунул из дыры голову Колька. И жалко этому Кольке нечаянно улетевшей стрелы, и боится он пролезть за нею. Посмотрел Васька и говорит:

– А хочешь, Колька, я тебе стрелу подам?

Слез с паровоза, поднял стрелу и подал Кольке. Взял Колька стрелу, ничего не сказал и ушёл.

Походил-походил, а потом высунулся опять из дыры и кричит:

– А у меня, Васька, свисток, как у кондуктора, есть! Хочешь, я тебе дам поиграть? Только не насовсем.

Принёс Колька свисток, да так и остался на Васькином дворе. Наигрались и сговорились завтра утром за грибами идти.

Подошёл Колька к забору и кричит:

– Нюрка, пойдём завтра за грибами?

А Нюрка боится.

– Вы, – говорит, – опять драться будете.

– Ну вот, драться! Что мы, хулиганы, что ли? Это только хулиганы каждый день дерутся. А мы разве каждый?

Так и помирились.

Васька был неграмотным – мал ещё. А Колька немного грамоте знал. Вечером, перед тем как лечь спать, подошёл он к календарю, оторвал листочек и прочёл на нем: «Вторник». Посмотрел на оставшийся листок и прочёл: «Среда».

«Завтра уж среда», – подумал Колька и похвалился:

– А я знаю, мама, почему среда средой называется. Это потому, что она посередке недели висит. Верно я говорю?

– Верно, – согласилась мать. – Ты бы лучше спать шёл.

«И то правда, – подумал Колька. – Завтра вставать за грибами рано... в шесть часов».

Когда Колька уснул, вернулся с какого-то собрания отец. Посмотрел он на календарь и спросил:

– Разве у нас завтра среда?

– Нет, – ответила мать, – завтра ещё только вторник. Это Колька по ошибке лишний листок вырвал. Вот оно и получилось, что завтра среда.

Вероятно, Колька и Васька проспали бы, если бы их не разбудила Нюрка.

Солнце ещё только взошло, трава была мокрая, и сначала босым ногам было холодно.

Направились в перелесок.

Но грибов в перелеске попадалось немного, и ребята решили свернуть к Тихим оврагам, где кусты были погуще, а место посуше.

В корзине у Нюрки и Кольки лежало уже по несколько штук, а у Васьки всё ещё ни одного.

– Ты, Нюрка, не иди со мной рядом, – попросил он, – а то всё раньше меня срываешь. Ты иди лучше вбок, там и срывай.

– А ты не зевай! – ответила Нюрка и, кинувшись в кусты, вытащила оттуда большой крепкий берёзовик. – Вот смотри, какой ты гриб прозевал!

– Я не прозевал, – уныло ответил Васька, – я только хотел за куст посмотреть, а ты уже выскочила.

Но вскоре, когда очутились они возле Тихих оврагов, грибы начали попадаться так часто, что даже Васька нашёл четыре осиновика да один белый – здоровый и без одной червинки.

Так бродили они по кустам долго, и уже высоко поднялось солнце и подсохла роса на полянках, когда вышли они на опушку.

– А ну-ка... а ну-ка, – сказал Колька, – посмотрите, ребята, куда мы зашли.

Высокий кустарник кончился. Дальше, насколько хватал глаз, расстилалось перед ними холмистое, покрытое мелкой порослью поле. И через то поле не пролегала ни одна проезжая дорога – всюду только кустики да трава. Торчало на том поле несколько высоких деревянных башенок с пустыми площадками наверху. А вправо, не

дальше чем за километр, увидели ребята ту самую деревеньку с мельницей и церковью, которая видна была с окраины их посёлка.

– Пойдёмте посмотрим, – предложил Колька. – Мы скоренько... Посмотрим только, а потом и спустимся под гору, да всё прямо, прямо... Так к дому и выйдем.

– А вдруг стрелять начнут?

– А что, если красноармейцы приедут? – почти в один голос спросили Васька и Нюрка.

– Сегодня не приедут. Сегодня среда, – успокоил их Колька. – Пойдёмте посмотрим, да и домой.

Идти пришлось по кочковатому поросшему полю. И чем ближе подходили они, тем чаще попадались им бугры свежей, ещё не заросшей травой земли, узкие глубокие канавы и круглые, залитые дождевой водой ямки.

Казалось, что огромный крот ещё совсем недавно рылся в этом пустом и тихом поле.

– Это от снарядов, – догадался Колька. – Попадёт снаряд в землю, рванёт – вот тебе и яма. А вот это окопы. Сюда от пуль солдаты прячутся во время войны.

– Грязно очень, Колька, – с недоумением заглядывая в сырую глиняную канаву, сказала Нюрка. – Сюда если спрячешься, то вся вымажешься.

Но тут Васька, копавшийся около маленького кустика с почерневшей, точно опалённой листвой, закричал:

– Вот и нашёл! Вот это так нашёл!

И он побежал к ним, держа что-то в руках. Сначала ребята думали, что он тащит гриб, но когда он подбежал, то увидели они, что это не гриб, а толстый кусок металла с неровными острыми краями.

– Это осколок от снаряда, – опять догадался Колька. – Ты отдай мне его, Васька. Я тебе за него три гриба дам... Потрогай-ка, Нюрка, какой он тяжёлый.

Но Нюрка поспешно отдернула руку и стала за спину Васьки.

– Положи его, Коленька, – робко попросила она. – А то вдруг он да и выстрелит.

– Глупая! – успокоил её Колька. – Он уже выстреленный. Как же он без пороха выстрелит? Дай мне его, Васька, – попросил он опять, – а я тебе за него три гриба дам. Да ещё стрелу с гвоздём дам, как только домой придем.

– Что грибы! – ответил Васька, бережно засовывая осколок в корзину. – Грибы съешь, да и все. Я лучше не дам тебе его, Колька. Пускай он у меня будет... – Он помолчал, потом добавил: – А ты будешь приходить и смотреть. Как только ты попросишь, так я тебе и дам посмотреть. Что мне, жалко, что ли? Смотри сколько хочешь.

Они подходили к деревеньке. Не видно было ни мужиков, ни ребятишек. Не хрюкали свиньи, не мычали коровы, не лаяли собаки, как будто бы всё повымерло.

– Я говорил, что все ушли отсюда! – тихо сказал Колька. – Разве же тут можно жить: смотри, какие снарядные ямины.

Сделали ещё несколько шагов и остановились, широко вытаращив глаза. Только теперь разглядели они, что деревеньки-то никакой и нет. И мельница, и церковь, и домики сделаны были из тонких выкрашенных досок, без стен и без крыш.

Как будто бы кто-то огромными ножницами вырезал раскрашенные картинки и приклеил их на подставки среди зелёного поля.

– Вот так деревня! Вот так мельница! – закричал Васька. – А мы-то думали, думали...

Со смехом вбежали ребята в игрушечную деревеньку. Кругом росла высокая трава; было тихо, жужжали шмели и порхали яркие бабочки.

Ребята бегали вокруг раскрашенных домиков, рассматривая их со всех сторон. Здесь же неподалёку были врыты столбы, к которым были прибиты тяжёлые, толстые доски, в некоторых местах разорванные и расщеплённые снарядами. Это были мишени, по которым стреляли артиллеристы. Перед обманчивой деревенькой тянулись в два ряда изломанные окопы, опутанные ржавой колючей проволокой.

Вскоре ребята наткнулись на какой-то погреб. Дверь в погреб была приоткрыта. С робостью спустились они по каменным ступенькам и очутились в глубоком каменном подвале.

В подвале стояла скамья. К стене была приделана полочка, а на полочке торчал небольшой огарок.

– Зажжём свечку, – предложил Колька. – У меня спички есть. Я с собой захватил, чтобы костёр разжечь.

Он достал спички, но тут они услышали доносившийся сверху лошадиный топот.

– Побежим лучше домой, – тихо предложила Нюрка.

– Сейчас побежим. Там, наверху, кто-то есть. Как только проедут, так и побежим. А то заругаться могут. «Вы, – скажут, – зачем сюда лазили?»

Топот смолк. Ребята выбрались из погреба и увидели, как скачут, удаляясь, двое кавалеристов.

– Посмотри на вышку, – показал Васька, – вон на ту... Туда кто-то забрался.

Посмотрели – и верно: на одной из вышек сидел человек, и отсюда он казался маленьким-маленьким, как воробей.

Хотели уже бежать домой, но тут Васька захныкал, потому что в погребе он позабыл осколок.

Полезли опять. Зажгли свечку. Теперь, при тусклом свете, можно было разглядеть сырые толстые стены из

цемента и потолок, настланный из крепких железных балок.

Вдруг глухой далёкий гул заставил вздрогнуть ребятишек. Как будто где-то упало на землю огромное тяжёлое бревно.

– Колька, – шёпотом спросила Нюрка, – что это такое?

– Не знаю, – также шёпотом ответил он.

Гул повторился, но теперь грохнуло уже совсем близко. Ребятишки притихли и робко жались друг к другу. Васька раскрыл рот и, крепко сжимая найденный осколок, смотрел на Кольку. Колька хмурился, а по щеке Нюрки покатила слеза, и она сказала жалобно, готовая вот-вот заплакать:

– А мне, Колька, кажется... мне что-то кажется, что сегодня вовсе не среда...

– И мне тоже, – уныло сказал Васька и вдруг громко заплакал, а за ним и остальные...

Долго плакали, притаившись в углу, попавшие в беду ребятишки. Гул наверху не смолкал. Он то приближался, то удалялся. Бывали минуты перерыва. В одну из таких минут Колька полез наверх затем, чтобы закрыть верхнюю дверь. Но тут совсем неподалёку так ахнуло, что Колька скатился обратно и, ползком добравшись до угла, где тихо плакали Васька с Нюркой, сел с ними рядом. Поплакав немного, он опять пополз наверх, к тяжёлой, окованной железом двери погреба, захлопнул её и отполз вниз.

Гул сразу стих, и только по лёгкому дрожанию, похожему на то, как вздрагивают стены дома, когда мимо едет тяжёлый грузовик или трамвай, можно было догадаться, что снаряды рвутся где-то совсем неподалёку.

– До нас не дострелят, – ещё всхлипывая, но уже успокаивая своих друзей, сказал Колька. – Мы вон как глу-

боко сидим! И стены из камня, и потолок из железа. Ты... не плачь, Нюрка, и ты не плачь, Васька. Вот скоро кончат стрелять, тогда мы вылезем, да и побежим.

– Мы бы-ы... мы бы-ы-ст-ро побежим... – глотая слёзы, откликнулась Нюрка.

– Мы как... мы как припустимся, как припустимся, так и сразу домой, – добавил Васька. – Мы прибежим домой и никому ничего не скажем.

Огарок догорал. Пламя растопило последний кусочек стеарина. Фитиль упал и погас. Стало темно-темно.

– Колька, – прохныкала Нюрка, отыскивая в темноте его руку, – ты сиди тут, а то мне страшно.

– Мне и самому страшно, – сознался Колька и замолчал.

И в погребе стало тихо-тихо. Только сверху едва доносились заглушённые отзвуки частых ударов, как будто кто-то вколачивал в землю тяжёлые гвозди гигантским молотом.

– Колька, Васька! – опять раздался жалобный голос Нюрки. – Вы чего молчите? И так темно, а вы ещё молчите.

– Мы не молчим, – ответил Колька. – Мы с Васькой думаем. Ты сиди и тоже думай.

– Я вовсе и не думаю, – откликнулся Васька, – я просто так сижу.

Он заворочался, пошарил, нащупал чью-то ногу и дёрнул за неё:

– Это твоя нога, Нюрка?

– Моя! – отдёргивая ногу, закричала испуганная Нюрка. – А что?

– А то, – сердитым голосом ответил Васька, – а то... что ты своей ногой прямо в мою корзину и какой-то гриб раздавила.

И как только Васька сказал про гриб, так сразу же веселей стало и Кольке, и Нюрке, и самому Ваське.

– Давайте разговаривать, – предложил Колька, – или давайте песню споём. Ты пой, Нюрка, а мы с Васькой подпевать будем. Ты, Нюрка, будешь петь тонким голосом, я – обыкновенным, а Васька – толстым.

– Я не умею толстым, – отказался Васька. – Это Исайка умеет, а я не умею.

– Ну, пой тогда тоже обыкновенным... Начинай, Нюрка.

– Да я ещё не знаю какую, – смутилась Нюрка. – Я только мамину знаю, какую она поёт.

– Ну, пой мамину...

Слышно было, как Нюрка шмыгнула носом. Она провела рукой по лицу, насухо вытирая остатки слёз, потом облизала губы и запела тоненьким, ещё немного прерывающимся голосом:

*Ушёл казак на войну,
Бросил дома он жену.
Бросил свою деточку,
Дочку-малолеточку.*

– Ну, пойте последние слова: «Бросил свою деточку», – подсказала Нюрка.

И когда Колька с Васькой пропели, то Нюрка ещё звончее и спокойнее продолжала:

*С той поры прошли года,
Прошли, прокатились,
Все казаки по домам
Давно воротились.
Только нету одного,
Всеми позабытого,
Казачонка моего –
И-э-эх! – давно убитого...*

Нюрка забирала всё звончее и звончее, а Колька с Вась-

кой дружно подпевали обыкновенными голосами. И только когда наверху грохало уж очень сильно, то голоса всех троих чуть вздрагивали, но песня всё же, не обрываясь, шла своим чередом.

– Хорошая песня, – похвалил Колька, когда они кончили петь. – Я люблю такие песни, чтобы про войну и про героев. Хорошая песня, только что-то печальная.

– Это мамина песня, – объяснила Нюрка. – Когда у нас на войне папу убили, вот она такую песню всё и пела.

– А разве у тебя, Нюрка, отец казак был?

– Казак. Только он не простой казак был, а красный казак. То все были белые казаки, а он был красный казак. Вот его за это белые казаки и зарубили. Когда я совсем маленькая была, то мы далеко – на Кубани – жили. Потом, когда папу убили, мы сюда, к дяде Фёдору, на завод приехали.

– Его на войне убили?

– На войне. Мать рассказывала, что он был в каком-то отряде. И вот говорит один раз начальник отцу и ещё одному казаку: «Вот вам пакет. Скачите в станицу Усть-Медведицкую, пусть нам помощь подадут». Скачут отец да ещё один казак. Уже и кони у них устали, а до Усть-Медведицкой всё ещё далеко. И вдруг заметили их белые казаки и пустились за ними вдогонку. У белых казаков лошади свежие, того и гляди догонят. Тогда отец и говорит ещё одному казаку: «На тебе, Фёдор, пакет и скачи дальше, а я возле мостика останусь». Слез с коня возле мостика, лёг и начал стрелять в белых казаков. Долго стрелял, до тех пор, пока не пробрались казаки сбоку, через брод. Тут они и зарубили его. А Фёдор – этот другой-то казак – в это время далеко уже ускакал с пакетом, так и не догнали его. Вот какой у меня папа казак был! – закончила рассказ Нюрка.

Сильный грохот заставил вскрикнуть ребятишек. Должно быть, ветром распахнуло верхнюю дверь, и раскаты взрывов ворвались в погреб.

– Колька... зак-к-рой! – заикаясь, закричал Васька.

– Закрой сам, – ответил Колька. – Я уже закрывал.

– Закрой, Колька! – громко расплакавшись, повторил Васька.

– Эх, ты! – неожиданно вставая, крикнула возбуждённая своим же рассказом Нюрка. – Эх, вы... – Она отбросила Васькину руку, добралась до верхней двери, захлопнула её и задвинула на запор.

Гул смолк.

Опять замолчали.

И так сидели долго. До тех пор, пока Колька, который чувствовал себя виноватым и перед маленьким Васькой и перед Нюркой, не сказал:

– А ведь наверху-то больше не стреляют.

Прислушались – наверху тихо. Подождали ещё минут десять – так же тихо.

– Бежим домой! – вскакивая, крикнул Колька.

– Домой, домой! – обрадовался Васька. – Вставай, Нюрка!

– Я боюсь... – захныкала Нюрка. – А вдруг опять...

– Бежим! Бежим! – в один голос закричали Колька и Васька. – Не бойся, мы как припустимся...

Выбрались наверх. После чёрного подвала день показался сияющим, как само солнце.

Осмотрелись.

Тяжёлые деревянные щиты, что стояли не очень далеко от погреба, были разбиты.

Повсюду валялись разбросанные щепки и чернели ямы возле ещё не обсохшей раскиданной земли.

– Бежим, Нюрка! Дай я возьму твою корзину, – подбадривал её Колька. – Мы быстренько...

Перепрыгнули через окоп, пробрались через проход среди колючей разорванной проволоки и побежали под гору.

Толстый Васька с неожиданной прытью помчался впереди, одной рукой держа корзинку, другой крепко сжимая драгоценный осколок.

Колька и Нюрка бежали рядом, и Колька свободной левой рукой помогал ей тащить большую неуклюжую корзину.

Они уже спустились со ската и бежали теперь по мелкой поросли, как воздух опять задрожал, загудел, и снаряд, пронесясь где-то поверху, разорвался далеко позади них.

Нюрка неожиданно села, как будто бы в ноги ей попал осколок.

– Бежим, Нюрка! – закричал Колька, бросая свою корзину и хватая её за руку. – Бросай корзину! Бежим!

Артиллерийский наблюдатель с площадки вышки заметил среди мелкого кустарника три движущиеся точки.

«Вероятно, козы», – подумал он, поднося к глазам бинокль. Но, присмотревшись, он ахнул и, схватив телефонную трубку, крикнул на батарею, чтобы перестали стрелять.

В бинокль он ясно видел, как, то показываясь, то исчезая за кустами, по полю мчались двое мальчуганов и одна девочка.

Один мальчуган крепко держал за руку девочку. Другой, путаясь ногами в высокой траве и спотыкаясь, бежал немного позади, крепко прижимая что-то обеими руками к груди. Затем он увидел, как из-за кустов выскочили двое посланных с батареи кавалеристов и, остановившись около ребят, соскочили с коней.

Конвоируемые двумя красноармейцами, ребята дошли

до батареи. Командир был рассержен тем, что пришлось остановить учебную стрельбу, но, когда он увидел, что виноваты в этом трое перепуганных и плачущих малышей, он не стал сердиться и подозвал их к себе.

– Как они пробрались через оцепление? – спросил он.

Ребята молчали. И за них ответил один из конвоиров:

– А они, товарищ командир, забрались ещё спозаранку, до того, как было выставлено оцепление. А потом, когда наши разъезды кусты осматривали, так они говорят, что в погребе сидели. Я думаю, что они в четвёртом блиндаже прятались. Они как раз с той стороны бежали.

– В четвёртом блиндаже? – переспросил командир. И, подойдя к Нюрке, погладил её. – В четвёртом блиндаже! – повторил он, обращаясь к своему помощнику. – А мы-то как раз этот участок обстреливали. Бедные ребята!

Он провёл рукой по разлохматившейся голове Нюрки и спросил ласково:

– Скажи, девочка, а зачем вы туда забрались?

– А мы деревеньку... – тихо ответила Нюрка.

– Мы хотели деревеньку посмотреть, – добавил Колька.

– Мы думали – она настоящая, а там одни доски! – вставил Васька, ободрённый добрым видом командира.

Тут командир и красноармейцы заулыбались. Командир посмотрел на Ваську, который прятал что-то за спину.

– А что это у тебя в руках, мальчуган?

Васька засопел, покраснел и молча протянул командиру снарядный осколок.

– Это он не взял, это он под кустом нашёл, – заступился за Ваську Колька.

– Это я под кустом, – виновато ответил Васька.

– Да зачем он тебе нужен?

Тут командир опять заулыбался, а обступившие их красноармейцы громко рассмеялись. И Васька, который никак не мог понять, над чем они смеются, ответил им, нахмурившись:

– Так ведь этакого осколка ни у кого нет, а у меня теперь есть.

– Ну, бегите, – сказал им командир. – Эх вы, малыши!

Он повернулся, посмотрел в записную книжку и закричал уже совсем другим голосом – громким и строгим:

– Стрелять третьему оружию! Прицел 6–6, трубка 6–2!

Трах-бабах! – грохнуло позади ребят, когда вприпрыжку, довольные тем, что легко отделались, понеслись они домой. Трах-бабах... Но это уже было не страшно.

В выходной день приехал с отцом Исайка. Привёз он с собой ружьё, которое стреляло пробками, и стал хвалиться ружьём перед Васькой. И странное дело: на этот раз Ваське нисколько не завидно было, что у Исайки есть ружьё, а у него нет.

Пока Колька и Нюрка рассматривали и хвалили Исайкино ружьё, Васька пошёл домой, отодвинул ящик, в котором лежали сломанный ножик, мячики – один с дыркой, большой, другой без дырки, маленький, – молоток, гайки, три гвоздя и ещё кое-что из его имущества. Он вынул из этого ящика бережно завернутый осколок и понёс его Исайке.

– А у меня вот что есть, Исайка, – сказал он, подавая осколок.

Но Исайка то ли глуп был, то ли не хотел показать вида, только он равнодушно посмотрел на осколок и сказал Ваське:

– Ну, это-то что! У нас в чулане старых железин сколько хочешь.

Васька даже не обиделся. Он посмотрел на Нюрку, на

Кольку; они хитро улыбались друг другу и вчетвером побежали на окраину, где начиналось военное поле.

Артиллеристы в тот день не приезжали. Ребята показали Исайке, где становятся пушки, объяснили ему, для чего среди поля стоят деревянные башенки. Рассказали ему, какая странная раскинулась на горе деревенька, около которой и окопы и каменный, с железным потолком погреб, который называется «блиндаж». Они рассказали ему, как попали в блиндаж и как сидели там до тех пор, пока не окончилась стрельба.

Исайка слушал с любопытством, но когда они кончили рассказ, то он сказал довольно равнодушно:

— Жалко, что меня с вами не было. А то я бы тоже полез сидеть. Пойдёмте сыграем в чижа.

И опять улыбнулись Васька, Колька и Нюрка. Глупый, глупый Исайка! Он думает, что в блиндаже сидеть так же просто, как играть в чижа.

Он не слышал ещё ни разу орудийного залпа. Он не видел ни дыма, ни огня взрывающегося снаряда. Ему не приходилось закрывать тяжёлую дверь блиндажа, как Кольке и Нюрке, и не приходилось бежать с тяжёлым осколком в руках по изрытому воронками полю, как Ваське.

И, переглянувшись, Васька, Колька и Нюрка рассмеялись над добрым толстым Исайкой весело и снисходительно, как взрослые люди смеются над ребёнком.

А когда Исайка поднял на них свои глаза, удивлённые и обиженные этим непонятым смехом, то они схватили его за руки и потащили играть в чижа.

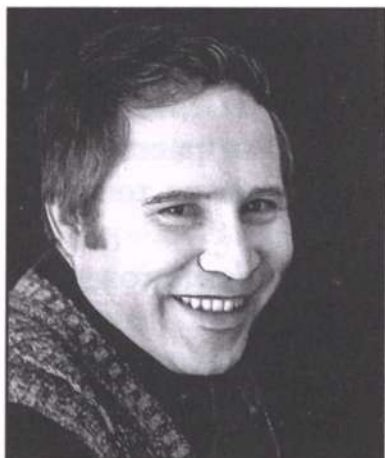

МИХАИЛ ГОЛУБКОВ

Михаил Дмитриевич Голубков (1937–1988) – автор нескольких повестей («Родные и близкие», «Где твой дом») и многих рассказов.

В Москве, в издательстве «Детская литература», была напечатана книга его рассказов для ребят «Малые Ключики» (1984).

Рассказ «Бронниковы» – из этой книги.

БРОННИКОВЫ

Рассказ

В поле меня обогнала ватажка мальчишек. Они с криком пронесли мимо, пиная по дороге новенький, жёлтый, туго надутый и звонкий мяч. Тяжёлая, удушливая пыль вздымалась после них над дорогой.

– Вы, ребята, куда? – придержал я за рубаху одного из мальчишек.

– В Зуевку! С Бронниковыми играть! Они уж нам два раза наставили...

– Обыграли, что ли?

– Ну... Но сегодня у них ничего не выйдет. Сегодня Колесо с нами!

Кто такой Колесо, я не успел спросить, мальчишка кинулся догонять товарищей.

Путь мой лежал тоже через Зуевку.

Стояла послеполуденная жгучая жара. Июльское солнце калило немилосердно. Казалось, что всё вокруг может истаять, расплыться под его лучами. Во рту загустевала слюна, в висках стучало. Трескучий, непрерывный звон кузнечиков закладывал уши.

Дорога нырнула в прохладный берёзовый колок*, быстро пересекла его, вновь выбилась на поле, завилыла среди высокой поспевающей ржи, воздух над которой струился, дрожал, потом незаметно взбежала на холм – отсюда и открылась впереди Зуевка.

Когда-то это была большая деревня, разделённая пополам глубоким логом. Но сейчас по одну сторону лога изб совсем нет, лишь догнивают местами негодные уж даже на дрова срубы разваленных построек, да затягивает дурниной брошенные усадьбы; по другую же сторону – старый, почерневший коровник с проваленной крышей;

за ним – небольшой квадратный загон, выбитый скотом; дальше – несколько жилых и нежилых изб, истемнённых и скособоченных временем. Жилые избы угадывались по ухоженным огородам на задах, по буйной и густой зелени в них.

Я спустился с холма, миновал ветхий полуразвалившийся коровник, миновал загон, где в тени могучего разлапистого тополя сбилось от жары стадо телят, миновал первую жилую избу, крепкий ещё пятистенок из толстых брёвен, и увидел у огорода ребят, которые давеча обогнали меня.

Ребята сидели верхом на изгороди, на прогнутой – вот-вот затрещит – жердине, и вели с кем-то переговоры.

И я не удержался, привернул, взяло любопытство.

За изгородью кипела работа, там часто вздымались и опускались тяпки. Там старалась, окучивала картошку другая ватага мальчишек, Бронниковы, как я догадался. Самому малому – лет шесть, самому большому – четырнадцать. Они так и двигались согласно возрасту: старший впереди, младший сзади. Я сосчитал: сразу семь рядов опалывали братья Бронниковы. Крепко, ничего не скажешь! Правда, и огород нешуточный, соток пятьдесят, не меньше. Да ведь и Бронниковых можно понять – ничто же, кроме огорода, не прокормит такую ораву.

Все они были наголо, неловко, лесенкой подстрижены – чувствовалась чья-то одна, не шибко умелая, отцовская, должно быть, рука, и только двое старших носили волосы – эти уж, видать, не давались стричься. Все были босы, и по чёрным задубевшим пяткам, по исцарапанным, изъеденным цыпками ногам можно было с уверенностью сказать, что летом Бронниковы не знают с обувью. И с одежкой тоже не знают, есть трусишки – и ладно, благо, на дворе теплынь, не пропадёшь.

И ещё казалось, что Бронниковы – это один и тот же человек, только в разном возрасте, так много в них было схожего. Они и вели себя одинаково. Одинаково горбились, одинаково шмыгали носами, одинаково диковато и колко сверкали глазёнками из-под насупленных, выгоревших до желтизны бровей.

Вот старший закончил ряд, оглянулся на тянувшихся сзади братьев:

– Вовяй, ночью спать будешь!

И хоть никто из Бронниковых не отозвался, не разогнул спины, Вовяя стало сразу же хорошо видно: он быстрее всех затюкал теперь землю.

– Митьки вон постесняйся...

Самый маленький Бронников тоже зачистил тяпкой, будто и его осудили.

– Значит, не будете играть? – крикнули с изгороди.

– Сказано, доокучим картошку.

– Так вы ее когда доокучите? К завтраму разве?

– Завтра и приходите.

Один из Бронниковых всё же не выдержал, робко спросил:

– Может, сыграем, Сань?

– А чо будешь зимой лопать? – живо пресёк того старший.

– Да дрейфят они, ясное дело! – издевались над братьями. – Видят, что Колесо с нами...

– Подумаешь, Колесо, – фыркнул один из Бронниковых.

– Да тебя-то запросто сделает! Он же за юношескую выступает!

– Сань, чего они хвалятся? – В голосе оскорблённого Бронникова слышалась мольба: дай ты нам сыграть с ними.

– Сделает! – разжигали Бронниковых. – Он вас всех как миленьких сделает!

– Ладно вам, растрепались, – буркнул недовольно белоголовый крепыш, низенький и неимоверно косолапый. Колесо, и впрямь Колесо, точнее не придумаешь. Был он в настоящих, хоть и разбитых, стареньких бутсах, в бесцветной, красной когда-то, футболке с номером. – Ну, не хотят играть... не надо. В следующий раз сыграем.

Как ни странно, но сговорчивость белоголового настроила Саньку на воинственный лад.

– Ну-ка, кончай! – скомандовал он своим. Бронниковы молча побросали тяпки и пошли вслед за Санькой.

– Митька, зови рыбаков, – делал тот на ходу распоряжения. – Славка, до бани дуй... Хорька на игру высвободи.

Митька и другой, чуть повыше его, Бронников, Славка, кинулись выполнять приказ: Митька бросился к баньке в конце огорода, Славка махнул через ограду, побежал к речушке в логу.

Тем временем Колесо строго наказывал команде:

– Только в пас играть, слышите? В одиночку их не пробить, испытано уж... костями ложатся. Пине и Лёвке Сану держать. И чтоб ни на шаг от него!

– Ага, – занудил мальчишка, которого я расспрашивал дорогой. – И я хочу в нападении!

– Молчи, – шикнули на него. – Знаем твоё нападение. Сказано, Сану держать... значит, держать.

Пиня скрепя сердце покорился.

– Я по центру буду, – закончил белоголовый. – Ты, Костя, – правый фланг, ты, Валька, – левый.

Бронниковы перелезли через изгородь, тоже сбились в круг на военный совет.

– По двадцать минут играем два тайма, – крикнул немного погодя Санька.

– Добро, – отозвался за команду белоголовый. – Время найдётся?

Санька не ответил, направился к дому напротив, постучал в низкое окошко, уставленное горшками с геранью. Кто-то там тотчас толкнул створки, послышалось сиплое старческое кряхтенье:

- Чо тебе, Сань?
- Нам бы часы, деда Михайла.
- Опять мяч затеваете?
- Матч-реванш, деда!
- С кем?
- Балдинские припёрли.
- Буду сичас.

Санька повернул назад. Ребяшня уже устанавливала ворота прямо в проулке. Принесли и положили камни вместо штанг, тщательно вымеряли шагами между ними – не дай бог, ворота окажутся разные.

Вскоре из дому напротив вышел куцеголовый шаткий старик, усохший, как горошный стручок, но улыбочивый, с палкой, с большим старинным будильником в руках. Он сел на скамью у ворот, поставил будильник рядом. На нём была длинная, без опояски, рубаха, застиранная, заштопанная местами, на ногах – стёганые матерчатые бурки.

– Дусь, выползай! – радостно позвал он.

Горшки с геранью раздвинулись, в окне появилась маленькая старушечья головка, повязанная красным платком. Лицо – тоже с ещё не изжитой игринкой в глазах, в дёбрях морщин, глубоких и мелких.

- Почо, старый, кликал?
- Вылазь, говорю... угланов смотреть.
- Наплюну-ка, вылазь. Так, поди, разберусь.
- Ну, разбирайся, разбирайся. А я из окошка плохо чо вижу.

– Ты теперь откуда хорошо-то видишь?

Это лёгкое, незлобивое препирательство вполне удовлетворило стариков, каждый как бы сумел отстоять личную независимость, остался при своих интересах.

– Ты тогда подсаживайся, што ли, – заметив меня, сказал старик, – чего ноги-то маять.

Я подсел. Старик возбуждённо потер руками:

– Сичас светопредставление начнётся!

– Часто болеете?

– Да пока, слава богу, обхожусь... Глаза вот только худые.

Не понял меня старик, я ведь его не про здоровье спрашивал.

– Очками обзаводиться надо, – охотно наговаривал он, – сюда ведь не одни балдинские приходят. Каждую почти неделю, хутбол-от... многие сводят счёты с Бронниковыми. – Старик помолчал и прочувствованно добавил: – Они молодцом у нас! Орлы! Горой друг за дружку... Ишь, слетаются все!

От баньки вместе с Митькой прибежал проворный скуластый мальчишка, резкий и беспокойный. Тоже Бронников, сразу видно. Только самый, пожалуй, своенравный Бронников, мышинные, маленькие глазки так и посверкивают тёмными угольками.

– Этот ихний неслух, отчаянный шибко... Хорьком прозван, – пояснил старик. – Уж и поддает ему Санька. В баню частенько запирает... специальное наказание придумано.

– Ну-ка, поди сюда, – подозвал Санька Хорька. – После игры снова в баню. Понял?

Хорёк что-то буркнул, боднул головой, – не то в знак согласия, не то протеста.

– А вот и двойняшки спешат! – как бы даже обрадо-

вался, заезозил на скамейке старик. – Опять харюзков ловили. Двойнят всегда на промысел отряжают. Всё подспорье столу.

Славка привёл с речушки двух совершенно одинаковых Бронниковых, только одетых по-разному: один был в великоватом, до колен, пиджаке, другой – в девчоночьем платье. Первый держал на плече удочки, второй нёс кукан, унизанный мелкими рыбёшками.

– Рыбу и уды домой, – скомандовал Санька. – Да сымите свои пугала, нече народ смешить.

– Сымем, конечно. Мы только рыбу ловить оделись. В кустах крапива, комарьё жалятся.

Близнецы сбегали в дом, вернулись уже без рыбы, без удочек и в одних трусишках.

– Эти рыболовы заядлые, хлебом не корми, – рассказывал старик. – Эти вслед за Людкой народились... есть все же девка у них одна. Ну, народились, и слава богу! Одежку оне друг другу передают, вырос из одной, отдал меньшому, ежели она не дыра на дыре... А тут сразу двое растут! Как делу быть? Вот и донашивают Людкино добро, оба порой в платья вырядятся. – Старик ухмыльнулся, постукал нетерпеливо палкой. – А што? Кто здесь на них больно-то смотрит. Бегают, как зверушки какие. Здесь им только и жить, бесштаным да голопятым.

Меж тем ребятня сошлась в центре поля.

– Лишко вас нынче, – сказал Санька белоголовому. – Убирайте одного игрока. Нас всего десятеро.

– Ничего не знаем! – заупирались балдинские. – Команда должна быть командой... Полный состав!

– Ладно, чёрт с вами, – уступил в этот раз Санька. – Людка! – гаркнул он зычно. – Где ты там? Людка!

На высоком крыльце бронниковского дома, держа на закорках толстого голозадного мальчика, появилась девчон-

ка, большенькая уж, в коротком застиранном сарафанчике, мало чем отличная от мальчишек.

– Людка, вставай в ворота!

– Ага! А Прошку куда?

– Брось его на поляну, пусть ползает!

Девчонка, немного поколебавшись, спустилась с крыльца, положила Прошку в траву возле прясла, встала в ворота. Сарафанчик она заправила под трусы, сжала упрямо рот, приняла боевую готовность – получился ещё один Бронников. Малец пока что спокойно ползал по полянке, садился, играл травинками.

– Вы начнёте сегодня, нет? – потянулся старик к будильнику. – Я завожу...

– Заводи, заводи, деда! Двинули!

Игра началась с настойчивых, яростных атак балдинцев. Они сразу заперли Бронниковых на их половине и не разжимали тисков. Они жаждали реванша, голов, счёта. Команда у балдинцев была более ровная, всем лет по восемь-двенадцать, она и пасовалась лучше, и наступление вела по всем правилам футбольной стратегии.

– Жаль, бати с ними нет, – вздохнул, тревожась за братьев, старик.

– Тоже играет?

– Выскочит иногда, подмогнёт... Он ведь и сам чисто пацан, Егорко-то. Ни заботы, ни лета мужика не берет. Дашка его мать-героиня уже, пособие получает. – Старик вдруг, затаив дыхание, смолк, переждал опасность у ворот Бронниковых. – Они на покосе сейчас, Дарья-то с Егоркой. Колхозные сена пока убирают. Позже за свои примутся, вечерами да как... Свой-то деяны правление ещё не разрешает косить, если колхозные не управили... А так оне за телят в ответе, на мясопоставку растут. Но с телятами ребятня управляется. Отпустит вот жара, в поле

выгонят. Дарья и Егорко могут и не ходить в бригаду, раз телята за ними... Ртов-то, однако, вон сколько, каждый есть-пить просит.

– Да, большая семья.

– Считай, полдеревни бегают! – кивнул старик. – Как бы мы и жили, одни-те? Без ихних концертов?

Словно в подтверждение слов старика, на поле в это время что-то случилось: надсадным, дурным голосом завопил Прошка, ребятня бросила игру, сбежалась тесно. Прошка, оказывается, уполз от изгороди, и атакующий по краю балдинец попал в него мячом. Атака была сорвана, балдинцы настырно горланили:

– Штрафной надо бить!

– Двенадцатый игрок на поле!

Двенадцатый игрок орал во всю матушку. Тонко, пронзительно взвизгнув, кинулась Людка из ворот, ворвалась в ребячью толчею, вытащила Прошку.

– Да кто у меня Прошеньку обидел, кто посмел? – трясла она мальчика. – Ишь какие... вот им! – грозила она кулаком.

Прошка не затихал, по-прежнему перекрывал всех крикунов на поле.

– Людка, на место, – приказал снова Санька.

– Счас, дожидайся! – огрызнулась девчонка. – Пока не уйму, не встану.

– Да брось ты его. Поревёт-поревёт да перестанет.

– Ну-ну... приказчик нашёлся. А что, если он надсадится, пупок наживёт.

– Дай-ка мне его, девонька, – слышалось сбоку, из окна. – Дай ангелочка.

– Во, правильно! – Санька вырвал у Людки орущего мальчика, сунул его под мышку, пересёк дорогу, вручил с рук на руки бабке Дусе.

– Иди ко мне, маленький. Иди, хорошенький! – заприпевала, зауспокаивала довольная бабка. – Ух они, бусурманы! Ух разбойники! Убили моего Прошеньку. А я вот тебе покажу что-то!

Рёв тут же оборвался. Прощка, видать, любил, чтоб ему что-то показывали.

Игра продолжалась. Штрафной удар, назначенный-таки за остановку игры, не дал результата. Бронниковы по-прежнему успешно отбивали все штурмы балдинцев.

– Егорке уж который раз предлагают в Балдине, на центральной усадьбе, поселиться, – снова заговорил старик. – Дом там подходящий дают, ясли, детсад обещают... Нет, не соглашается. У меня, говорит, свой детсад, свои ясли. Пусть, говорит, живут, как жили. На воле. На подножьем корму... ягоды, грибы здесь под боком. Здесь, мол, оне сами себе хозяйева, никому не мешают... Через них, Бронниковых, и мы, старушня да старики, держимся, не съезжаем. Теплится Зуевка!.. Не то бы нас правленцы беспременно доняли. Им ведь, правленцам-то, што надо? От лишнего беспокойства избавиться. А какие беспокойства тут? Магазин нам ихний не нужон, хлебушек мы сами пока што печём. Подбросит нам Егорко на лошадке пару мешков муки к зиме, вот и все беспокойства. Остальное скотинёшка даёт, лес, огород... За пензией мы ещё, славу богу, тоже на своих двоих ходим. Мы даже голосовать выбираемся, хошь оно и приятнее было бы, штоб приезжали...

– Ну, хорошо... вам проще. А вот как Бронниковы?

– Бронниковы зимой с раннего утра на лыжи – и, стужа не стужа, метель не метель, в Балдино, за три километра, дуют. Кто на работу, кто в школу... кто за чем, вопчем.

– Так не все ведь... Малышня одна остаётся?

– За малышнёй то Людка, то Санька доглядывают. Оне

в разные смены учатся, меняют друг дружку... Сами же хозяйева затемно возвращаются. Всегда што-нибудь поесть из магазина тащат, кормят ораву... Трудненько им зимой, известное дело, хошь много и сама ребятня делает. Да Егорко не унывает, машет на всё рукой. Частенько дажесть выпимшим домой приходит. Зато, говорит, опосля легче будет. Ништо, мол, его Бронниковых в жизни не испугает, всё в детстве, мол, испытают-перетерпят. Он ведь не без ума, Егорко-то. Што, говорит, ребятня не доберёт маленькими – взрослыми сполна возьмёт. Прырода, говорит, ничего не попишешь.

...Все свои атаки балдинцы строили по центру, пасуя на белоголового. Тот играл и впрямь хорошо, кривые его ноги просто завораживали, мяч так и прилипал к бутсам. Он ловко обводил одного Бронникова, другого, но на третьем или четвёртом все-таки спотыкался. Бронниковы до того бесстрашно, до того самоотверженно бросались ему в ноги, что и Колесо не мог ничего сделать.

Порой у ворот Бронниковых возникала целая свалка, куча мала. Туда, как в жуткий водоворот, прыгала очертя голову и Людка. Проходило некоторое время, куча в конце концов распадалась, таяла, оставив на земле лишь Людку с мячом в обнимку. Что и говорить, вратарь она была героический.

Преимущество балдинцев было ещё и в том, что они почти все играли в ботинках, а Бронниковы – босые. Ушибам и «подковкам» не было конца. Часто какой-нибудь Бронников ошалело взывал, брыкался на спину, катался по земле, захватив ушибленное место руками.

– Са-ань, – упрашивал один такой поверженный. – Давай мы тоже ботинки наденем!

– А в чём будешь в школу ходить?

Поверженный тотчас прекращал нитьё, вскакивал и снова, прихрамывая, врезался в схватку.

Несмотря, однако, на стойкое сопротивление Бронниковых, гол всё-таки назревал. Раз уж едва не открыли счёт, когда сильный удар балдинцев пришёлся над камнем-штангой. Другой раз Людка, высоко подпрыгнув, не дотянулась до мяча. Бронниковы долго и яростно спорили – дело чуть ли до драки не дошло – и доказали, что мяч пролетел выше ворот.

И гол бы обязательно был, если б не затрезвонил будильник деда.

– Ай да удалцы, робя! Выдержали! – ликовал, пристукивая палкой, старик. – Какую войну выстояли!

Обе команды устало и молча разошлись, пали пластами в тенёчке под изгородью. Все были мокрые от пота, тёмные от пыли, поблёскивали, как негритята.

Измученные, истерзанные, но не сломленные Бронниковы ползали, точно побитые щенки, по прохладной травке, стонали, отдыхались, растирали синяки на ногах, слюнявили кровоточащие ссадины.

«Что им готовит второй тайм? – думал я, глядя на них. – Что им вообще уготовила судьба? Как далеко разбросает она их друг от друга? Какими они станут лет так через двадцать – тридцать? Сохранит ли каждый в душе то единение, понимание, братство, которым они обладают сейчас, которые так нужны, так необходимы всем людям?..»

---

* Колок – роща, лесок в поле.

АЛЕКСЕЙ ДОМНИН

«Зачерпнул я ветра полную шляпу, потом горсть дождинок туда брызнул и кусочек радуги положил. Надел шляпу на голову, иду – смеюсь. И сам, как радуга, сияю... А в бороде у меня птичьи песни запутались...»

Алексей Михайлович Домнин (1928–1992) и сам был таков, как этот герой его сказки «Солнышкин шарф». Его творчество было многокрасочно, словно радуга. Он писал стихи, словно и у него в бороде запутались птичьи песни, а последний свой сборник так и назвал – «Пой, скворушка». Он сочинял исторические повести о древних народах Урала. Он сделал поэтические переводы коми-пермяцких легенд и древнерусской поэмы «Слово о полку Игореве». Он писал смешные сказки, рассказы и стихи для детей, песенки для спектаклей детского театра. Будто на голове у него, как шапка-невидимка, была та волшебная шляпа.

ПРО ЛЫСОГО ЦАРЯ НЕПТУНА, ГОГОЛЬ-МОГОЛЬ И ЦЕПНЫХ АКУЛ, КОТОРЫЕ УМЕРЛИ ОТ СМЕХА

Сказка

– Отсохни моя нога, если я совру, – сказал однажды Старый Моряк, и нога его отсохла. Правая, одетая в тяжёлый башмак.

С тех пор он начинает рассказы о своих приключениях по-другому:

– Отсохни твоя нога, если я совру. – И раскуривает трубочку.

– Нет моря, которое не избороздил бы я вдоль и поперёк, нет острова, где не ступал бы мой башмак. И, честно говоря, изрядно поднадоел я владыке океанских глубин лысому царю Нептуну. Любому царю обидно, если в его владениях гуляют посторонние люди.

Однажды заплыл я на своей разбитой шхуне в глубокую бухту и бросил якорь. И угодил им прямо в лысину морскому владыке.

Ткнулся Нептун головой в водоросли, и на зелёном его лбу всплыл синий гриб.

А я посмеиваюсь наверху и убираю паруса. Старикашка Нептун увидел меня из глубины, задрожал от гнева и пузыри стал пускать. Рассёк он «воду трезубцем и обрушил в бездну подводную скалу. И море вдруг вспучилось огромной лохматой волной, подняло мой парусник вместе с клочьями пены до самых туч, швырнуло вниз и проглотило его. Еле выплыл я наверх, нахлебавшись солёной воды. Вдохнул глоток свежего ветра – таким вкусным показался он мне, словно впервые дышу.

Волной с ближнего острова сорвало сухое дерево.

Вылез я на него и повесил на кривые корни тельняшку сушиться.

А Нептун обнюхал утонувшую шхуну, пошлёпал ее по днищу, отвинтил компас и спрятал в карман. Мне сверху хорошо видно, как он ползёт по дну. Раскурил я трубочку, устроился поудобнее и запел:

*Я целил тигру в жёлтый глаз,
Слона с тропы сбивал,
Мне смерть грозила много раз,
Но я на смерть плевал.*

Морской владыка как услышал, так и застыл с открытым ртом. И ещё сильнее позеленел от обиды. Пригнал он трезубцем стадо морских коров и стал их доить. Те мычат, смотрят на него лиловыми глазами и лягутся. А он ползает под ними на четвереньках, кряхтит, даже корону потерял.

И стало море молочным, и поднялся над ним густой белый туман. В таком тумане ничего не стоит заблудиться и разбиться о скалы.

Отломил я от корня дубинку и стал из тумана гоголь-моголь сбивать. Как? Очень просто: быстро-быстро бью

по нему дубинкой, так, что он в сметану взбивается. А я ещё пересыпаю его сахарным песочком, что оставался у меня в кармане.

Сбежались рыбёшки большие и маленькие, хватают сладкие капли, рвут их в клочья. И у самого Нептуна слюнки потекли, вынырнул он и тарацит зелёные глаза-стекляшки:

– Что ты делаешь с моим туманом?

– Гоголь-моголь сбиваю, – говорю и, причмокивая, слизываю сладкую пену с дубинки. – Спасибо, морской царь, за угощение.

Нептун затряс бородой:

– Всё равно я тебя сгублю. И будешь ты лежать среди красных кораллов у моего трона, и косточки твои морской чёрт вымоет солью и выскоблит камнями.

– Попробуй, – говорю.

Изругался Нептун и швырнул трезубец к синим тучам. Пронзил он тучу и высек молнию. И хлынул ливень, да такой, что каждая струйка толщиной в плеть. Табак в трубке промочил – не раскурить. Перехватил я одну ливневую струю, другую, третью и переплёл их в жгут. Четвёртую, пятую к ним прихлестнул. Вью из ливня верёвки и хлещу по волнам, вью и хлещу, словно кнутами. И шлепки мои, как пощёчины, по всему морю раздаются.

А на дне – паника. Морской ёж закатился под брюхо морской свинье, морской конёк отдал хвост морскому коту.

Из чёрной дыры под скалой вылез морской чёрт, зажал уши и хвостом задёргал. А рыбы, увидев чёрта, совсем ошалели и заплывали кверху брюхом. Нептун носится среди своих подданных, пинает их и не может успокоить.

А я напеваю свою песенку:

*Пускай сто тысяч грозных гроз
Грохочут мне в лицо,
Схвачу я молнию за хвост,
Скручу ее в кольцо.*

И тогда, совсем рассвирепев, спустил Нептун с цепей страшных своих телохранителей – голубых зубастых акул. Прошли они вокруг моего бревна рычащей сворой и остановились. А зубы у них – как пилы: чиркнут по шее – и прощай голова.

В дереве моём было дупло. Втиснулся я в него, не заметив, что там муравейник. Как начали меня кусать и жалить растревоженные муравьи, выскочил я из дупла, сгребая их горстями со спины и ног.

А тут первая акула, разрезав плавником волну, выпрыгнула торпедой, и зубы её щёлкнули у самого моего носа. Ушла она голубой тенью в глубину, а другая уже бьёт хвостом воду, как пропеллером. Я швырнул ей в глаза горсть муравьёв. Она остановилась с ходу, от боли сильней разинув пасть. Я ещё пригоршню сыпанул ей прямо в горло. Другие акулы увидели, что я их сестрицу чем-то кормлю, подплыли все разом и так растворили пасти, словно вопить собрались. Да ещё дерутся, отталкивают друг дружку.

– Нате вам за жадность вашу, нате!

Чуть не весь муравейник выгреб я из дупла и высыпал им в глотки. Муравьи понабивались им под языки, позаползали в желудки. И ну щипать и жалить! Цепные акулы трясут ошейниками, крутятся и хохочут от боли и щекотки. Одни бросились чесаться об острые скалы и распороли себе брюхи. Другие так и передохли от хохота.

У бедного Нептуна руки опустились и глаза потускнели. Приказал он морскому чёрту похоронить акул с по-

честями, а тех, что ещё живы, отправить в сумасшедший дом. Вылез он ко мне на бревно и засопел:

– Чего тебе надо в моих морях-океанах, чего ты ищешь?

– Сам не знаю, – говорю. – Есть на свете ветер – я не могу без него жить. Есть море – и без него я не могу. Есть неведомый берег – я должен его увидеть. Мне надо всё и не надо ничего.

– Как так? – не понял Нептун. – Или хитришь ты, или цену себе набиваешь.

Он почесался, вытащил муравья из бороды и вздохнул:

– Ты хитёр, и я устал с тобой бороться. В моих морях лежат такие сокровища, что у тебя глаза лопнут. Я отдам тебе четвертую их часть, и ты станешь моим советником и главнокомандующим над морскими сворами. И так заживём мы с тобой – никто в наши владения не сунется. Бери четверть сокровищ – и по рукам.

И он протянул лохматую зелёную лапу.

– Всего четверть?

– Жадина, – заругался Нептун. – Половину даю, больше не выманишь. Я всё-таки царь и не могу оставаться нищим.

– Глупый царь, – сказал я ему. – Самое большое сокровище на свете – свобода. Можешь ты мне её дать?

– Нет, – рассердился он.

– И не надо, потому что она у меня есть, и я ни на что на свете её не променяю. Отдавай-ка мне компас, который ты украл на моей шхуне, и убирайся к своим морским чертям.

Нептун хотел заругаться, но только махнул зелёной лапой, отдал мне компас и плюхнулся в зелёную пучину. А я растянул, как парус, свою тельняшку и поплыл к неведомым берегам.

Отсохни твоя нога, если я вру.

ПОСЛЕДНИЙ ДРАКОН

Сказка

Хочешь – верь, хочешь – нет, а было так. Занесли меня шальные ветры в чужие моря, к неведомой земле. Я бросил якорь в синей бухте, сошёл на берег, огляделся. И зашагал по каменистой тропе навстречу приключениям. Вдруг слышу: стонет кто-то.

А голос грубый и противный.

Влез я на гору, сквозь кусты протиснулся, смотрю: пещера. Закопчённая вся, и камни перед ней опалённые. Вырвался из пещеры сноп огня, и выполз большой зелёный дракон. Морда – как у коровы, хвост крокодилий, когти орлиные, а крылья с перепонками, как у летучей мыши, только огромные. Урод уродом.

Вытянул дракон зелёную морду и заплакал зелёными слезами:

– Я больной, я старый, и некому меня пожалеть.

Икнул и искрами меня осыпал, тельняшку на груди прожёл.

– Эй, – кричу, – осторожней! А то костылём по лбу ляпну.

– Не могу я не икать, – застонал дракон. – У меня изжога. И вообще я скоро помру. Ведь я самый последний дракон на свете. Жалко мне себя.

А меня больше и больше разбирает любопытство:

– Зачем тебе помирать, сохрани себя для потомков. Пусть тебя, такую чучелу, в музее показывают.

А у него слёзы по морде прямо ручьями текут.

– Попробуй сохрани, если у тебя ревматизм, склероз и гастрит. И нет таких докторов, чтобы нас, драконов, лечили.

– Вылечи тебя, а ты пакостить начнёшь, деревни палить, детей таскать.

– Я уже тыщу лет никого не обижал. Совсем ручной. Меня бы в дом престарелых, грелся бы я на солнышке и сено жевал. Ведь человеческая ласка даже драконам приятна.

Ну что с ним делать – разжалобил. Спросил я у него дорогу в ближайший город и пошагал аптеку разыскивать.

Городок оказался таким же старым, как и дракон.

Улицы узкие, дома с острыми крышами, покрытыми черепицей.

Посередине базарной площади стоял столб. Возле толстый булочник в фартуке торговал кренделями. Купил я у него крендель, жую, на народ посматриваю.

Вдруг вылетел на площадь рыцарь в чёрных латах, на чёрном коне и с длинным копьём. Опрокинул повозку с арбузами, истоптал чьи-то горшки и корчаги, ткнул копьём кому-то в окно и умчался.

А народ, словно ничего не случилось, снова занялся своими делами – кто арбузы собирает, кто в очереди за пивом стоит.

– Что за нахал? – спрашиваю у булочника.

– О! – Булочник поднял палец. – Чёрный рыцарь уже двадцать лет обещает сразиться с драконом и вот репетирует сражение с ним. На наших спинах.

– И вы терпите?

– Привыкли, – пожал плечами булочник. – Мы боимся дракона.

– Чего его бояться? Он старый, совсем ручной.

– А ты его видел?

– Видел.

– Ой, врешь!

– Ладно, приведу его завтра сюда, на площадь, и вы сами увидите.

Пекарь прыснул и захохотал:

– Он приведёт дракона!

Весь народ на базаре стал хохотать и показывать на меня пальцами:

– Он хочет стать вторым Чёрным рыцарем!

– Хвастун!

Купил я в аптеке бочонок аспирина, соли, бинт и почти бегом ускакал из города. Вслед мне улюлюкали мальчишки.

Дракон увидел меня и радостно завилял хвостом, как пёс. Я выпотрошил это чудовище, пересыпал его внутри солью – чтоб не портился, а потом скормил ему бочонок аспирина. Он проспал всю ночь, ни разу не икнув огнём. А утром, сидя на нём верхом, я въезжал на базарную площадь. Привязал его к столбу, дал клок сена. Дракон улёгся и стал, мурлыкая, жевать сено.

Площадь была пуста, но из каждой подворотни, из каждой щели смотрели чьи-нибудь испуганные глаза.

И тут на площадь вылетел Чёрный рыцарь на своём коне. Увидев дракона, он испустил вопль ужаса, конь взвился на дыбы и сбросил седока.

Дракон в это время зевнул, и рыцарь нырнул ему в пасть – только ноги наружу.

– Выплюнь сейчас же! – затопал я на дракона. Тот вертел глазищами и шипел:

– Не могу, он в глотке застрял.

Пришлось привязать к ногам рыцаря верёвку. Но, как я ни силился его вытянуть, не хватало силы.

На площади уже стал появляться народ. Подскочил пекарь и стал помогать мне. А вот уже и дюжина горожан ухватилась за верёвку.

– Раз, два – взяли!

Рыцарь пробкой вылетел из драконовой пасти. Он был зелен от страха. Огляделся, охнул и помчался, хромая, вон из города. А по драконовой спине уже лазили любопытные мальчишки, кормили его сладостями. Пекарь, похлопав коровью морду дракона, вздохнул:

– Вот ежели бы его к печке приспособить, пироги-баранки печь, а?

Дракон даже замычал от удовольствия:

– Я готов! Я всегда пожалуйста!

Так и оставил я его у пекаря. Дул он в печь огнём, и от этого хлеб и пирожки получались румяные, с поджаристой корочкой.

А мне было пора снова в путь, в неведомые моря.

Провались на этом месте, если я что-нибудь наврал!

ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ

Василий Васильевич Каменский (1884—1961) родился на Урале. Рано остался без родителей, воспитывался в семье родственников в Перми. С детских лет в его жизнь вошла Кама. Учился в школе при Слудской церкви, потом в городском училище. В шестнадцать лет пришлось поступить на службу, стать конторщиком. Ненадолго подался в актёры, а потом всерьёз занялся литературным творчеством, подружился с группой поэтической молодёжи, которая искала новые пути в искусстве. Увлёкся авиацией. Василий Васильевич был в числе первых русских лётчиков, он первый привёз свой аэроплан в Пермь и показал полёты родному городу. Авария, долгое выздоровление заставили его возвратиться в Прикамье, вернуться к литературному труду.

В.В. Каменский прожил долгую и яркую жизнь. Умер он в Москве, а в селе Троица Пермской области открыт для посетителей его дом-музей.

Урал и Кама — главная привязанность поэта. Упоение жизнью отражалось во всём его творчестве. Искромётны, жизнерадостны и стихи его, и проза. Каменский старается не просто описывать природу, а изобразить её в звучании, в движении, чтобы мы оказались посредине праздника жизни, о котором он пишет.

ПЕРВЫЕ СТИХИ

Глава из книги «Путь энтузиаста»

ТРЕТИЙ ДЕНЬ ПАСХИ*

В зале на праздничном столе – куличи, крашеные яйца, шоколадный сыр, разные вина, закуски, поросёнок, гусь.

Мы пришли от обедни.

Все меня поздравляют и дарят конфеты: сегодня мои именины, мне исполнилось двенадцать лет.

Кругом праздник: на Каме – первые пароходы, в небе – горячее солнце, во дворе – качели, и всюду разливается колокольный звон.

Появились гости – братишки, сестрёнки.

Для всех мы приготовили сюрприз: в дровяном сарае устроили цирк (перед этим готовились две недели).

В цирке висела трапеция, стояли гири и разные предметы для игры.

Все пошли в цирк.

Представленье началось французской борьбой.

Алёша вызвал на борьбу одного из гостей.

Схватка сразу приняла бешеный характер и быстро кончилась тем, что оба борца наскочили на столб, ударились несколько раз головами и порвали рубахи.

Борцов едва растащили; у каждого из них засветились волдыри на лбу.

Вторым номером, в качестве акробата, появился я – на трапеции.

Проделав несколько трюков, я начал «крутить мельницу» через голову, но так крутанул, что со всего размаху брякнулся головой об землю.

Публика заревела от ужаса.

Меня, несчастного именинника, долго обливали холод-

ной водой, пока я вернулся с того света и подал признаки жизни.

Представление кончилось.

К вечеру я отошёл, оправился настолько, что предложил гостям дома выслушать несколько стихов собственного сочинения.

Приняв гордую позу, громко начал:

*Я от чаю
Всё скучаю,
А потому я чай не пью.*

Взрослые домашние закричали:

– Ты врёшь, врёшь! Ты чай пьёшь!

И не дали мне читать дальше.

Напрасно я силился объяснить, что это надо понимать особенно, что это – стихи.

Словом, сквозь слёзы начал другое:

*Весна открыла Каму,
А я открыл окно,
Зачем, зачем мне сиротою
Остаться суждено.
Пароходики, возьмите вы меня,
Увезите в неизвестные края.*

Ребятам это очень понравилось; но взрослые заявили, что эти стихи я украл, наверно, у Пушкина.

Тогда я решил никогда больше не читать своих стихов дома и, кстати, отказался пить чай и не пил очень долго.

Но стихи – назло взрослым – писал часто, упорно, много и прятал их в тайное место, хранил аккуратно.

А читал ещё больше, запоем читал, и заучивал большие поэмы Пушкина, Лермонтова, Некрасова.

Каждый двугривенный нёс на базар и там на толчке** покупал разные книжки и давал читать матросам, точно записывая, кому какую книжку дал.

Особенно нравилось читать про разбойников. До сих пор помнятся три любимые: «Яшка Смертенский, или Пермские леса», «Васька Балабурда», «Маркиз-вампир».

Но когда нашёл на базаре «Стеньку Разина», с ума спятил от восхищения, задыхался от приливающих восторгов, во снах понизовую вольницу видел, и с той поры все наши детские игры сводились — подряд несколько лет — к тому, что ребята выбирали меня атаманом Стенькой и я со своей шайкой плавал на лодках, на брёвнах по Каме. Мы лазили, бегали по крышам огромных лабазов***, скрывались в ящиках, в бочках, рыли в горах пещеры, влезали на вершины ёлок, пихт, свистели в четыре пальца, стреляли из самодельных самострелов, налетали на пристань, таскали орехи, конфеты, рожки, гвозди и всё это добро делили в своих норах поровну.

Вообще с игрой в Стеньку было много работы, а польза та, что мы набирались здоровья, ловкости, смелости, энергии, силы.

Я перестал писать плаксивые стихи о сиротской доле. Почуял иное. Например:

*Эй, разбойнички, соколики залётные,
Не пора ли нам на битву выступать,
Не пора ли за горами
Свои ночки коротать.
Уж мы выросли отпетыми,
Парусами разодетыми, —
Ничего тут не поделаешь,
Когда надо воевать.*

Эти стихи я сочинил на сеновале после того, как купил четверть фунта пороха, высыпал его в проверченную в косогоре дыру и взорвал.

Вот это было громкое удовольствие!

Не знаю почему, но я по-настоящему, вдумчиво верил тому, о чём пелось в песнях.

Каждая песня, если она грустная, действовала на меня так проникающе, что всё нутро наполнялось щемящими слезами.

Жадно прислушивался к прекрасным словам и ментально запоминал, как драгоценную правду о жизни, которой ещё не знал, не изведаль.

Однажды грузчики, сидя на ящиках во время ожидания работы, пели:

*Время, веди ты коня мне любимого,
Крепче держи под уздцы:
Едут с товарами в путь из Касимова
Муромским лесом купцы.*

Долгие месяцы эта песня была любимейшей, пока не услышал у тех же грузчиков:

*Выдь на Волгу: чей стон раздаётся
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовётся –
То бурлаки идут бечевой!..*

Над этой песней я ревел – так замечательно её пели грузчики.

И по совету грузчиков, матросов я добился того, что мне купили гармошку дома, и вот скоро заиграл, запел:

*Хаз-Булат удалой,
Бедна сакля твоя.*

Много выучил песен и распевал на дворе матросам под гармошку.

Много, жадно читал, много писал стихов и прятал, затаив неодолимое желание стать когда-нибудь поэтом.

В школе читал наизусть заданные стихи лучше всех и легко, отлично писал школьные сочиненья, но никому никогда не говорил, что сочиняю свои стихи, ибо боялся

насмешек, так как считал свои стихи плохими: ведь никто не учил меня и никто моей судьбой не интересовался.

Только и ждал: вот вырасту, стану умным, самостоятельным и тогда...

Ого! Тогда что-нибудь выйдет.

---

* Пасха – весенний религиозный праздник.

** Толчок – толкучка, базар.

*** Лабаз – помещение для хранения и продажи различных товаров.

ЗЕМЛЯНКА

Отрывок из повести

...Мне часто снятся лёгкие, розовые, детские сны.

Я просыпаюсь с улыбкой. Долго не могу оторваться от сна. Нарочно долго не открываю глаз и думаю: где я?

Сегодня ранёхонько меня разбудили птицы звонким, предсолнечным ликованием.

Я вышел из землянки и отправился побродить по мокрой траве.

Заря разгорелась ярко и широко.

Радостный румянец охватил полнеба, игриво отражаясь на редующих туманах.

Хорошо было останавливаться в высоких кустах и сквозь ветви смотреть на розовое играющее небо. Хорошо умываться росой. Хорошо набирать полную грудь свежего, душистого утра, хорошо пьянеть от чистой безотчётной радости.

Так я бродил до солнца, а на восходе потом долго лежал на мягкой росистой лесной полянке, бездумно поглядывал вокруг и слушал птиц.

На верхушке ели, на солнечном пригреве сидел дрозд и кричал:

– Чу-чи!.. Чур-чух!.. Чию-чу!.. Трчи-трчи!..

Ему звонко отвечал товарищ:

– Чух-чиу!.. У-рчи-трчи!.. рчи-чи-ча-ш...

Рядом с елью, в листьях, мне настойчиво слышалось:

– Пциу-пциу-пциу!.. Чииц-чииц!.. – И:– Циньть-чррр!..

Чииц!.. Пции-пциу-циньц!..

Где-то далеко рлюикал невидимка-жаворонок:

– Рлю-ии-рлю-ии... сюир-сюир... рлю-иль-иль...

На черёмухе по быстрым движениям сразу можно было узнать кузнечика-синицу:

– Пинь-пинь, чирт-ри-ю! Пинь-пинь!..

И ответы слышались чётко:

– Пинь-пинь! Пинь-пинь!

– Ци-ци-вий! Ци-ци-вий!

Откуда-то из лесу вдруг вырвалось звонкое:

– Уйть! Уйть! Уйть! Исили-исили!

Издавека уже давали знать:

– Уйть-уйть! Исиля-юти! Уйть!

И это далёкое «уйть» прилетело совсем близко, вероятно, на помощь: что-нибудь случилось неожиданное. За пихтой кто-то словно молоточком постукивал:

– Чики-чик! Чики-чик! Чики-чик!

Может быть, поправляли что-нибудь – не видел. Фу, чёрт. Как драная кошка, замыкала в лесу роньжа:

– Хии-и-ит!.. Мии-и-и!.. Ию-ию!..

Уж наверно испугала её белка или просто подрались между собой.

Где-то, кажется, на рябине, нежно, красиво лилось:

– Виить-ии-вийть... ция-ци... тилль...

И так же ласково слышался ответ:

– Ию-тиль-ию! Вийть-ию-вийть!

И так неудержимо хотелось самому вмешаться в этот дивный лепет.

Вот целая компания весело перекликается.

– Тлюк-лю! Тлюк-лю! Циль-циль... Лю!..

– Циль-циль! Тлюк-лю! Лю-лю!

– Циль-циль-лю! Лю!.. Тлюк-лю! Циллы!

И ещё долго я прислушивался к приветным знакомым голосам, и было радостно различать их по песням, и было приятно знать, с каких любимых слов начинали петь скромные малиновки или маленькие чижики, певчие дрозды или любимки-синицы, красавцы щеглы или небесные жаворонки, сизые скворушки или крестonosые клесты... О, да разве можно всех перечислить!

Успевай только из общего хора уловить хоть несколько отдельных непонятных, но ясных душе слов.

Ах, в этих птичьих словах-песнях столько есть интересного, красивого, увлекательного, знай только слушай.

ВАСИЛИЙ КЛИМОВ

Василий Васильевич Климов — известный коми-пермяцкий поэт, прозаик, учёный-фольклорист — родился в 1927 году. С самого раннего детства он и пастух, и пахарь, и лесоруб... Во время войны служил в авиации. Первый сборник стихов опубликовал в 1959 году. С тех пор вышло много книг В.В. Климова. Одна из последних — «Заветный клад». Это и есть настоящий клад — собрание произведений народного творчества, которые Василий Васильевич записывал всю жизнь, чтобы его родной коми-пермяцкий народ знал свои истоки, свой язык, гордился ими.

«Пылай, пылай!» — только один из множества рассказов, которые Климов написал для детей.

Заметь, как выразительно писатель передаёт изменения в природе. Перечитай для этого пейзажные зарисовки в начале рассказа.

Подумай, как назвать чувства, которые испытывал дед Митрок, обрекая на гибель свой труд.

ПЫЛАЙ, ПЫЛАЙ!

Рассказ

Всю ночь выл, ревел и свистел неистовый ветер. Ухая, он срывал с вековых елей висевшие на них лохматыми гирляндами старые шишки, трепал космы сивых «лешачьих волос».

На опушке леса стояла невысокая, но очень густая ель. Под её ветвями прятался, как под надёжной кровлей, шалаш деда Митрока. В шалаше, покрытом берёстой, было всегда тепло и сухо.

На зорьке дождь перестал, небо прояснилось, и только на западе ещё висели хлопья рваных облаков. Обессиленный ветер теперь тихо-тихо шептал что-то старой ели – может быть, просил у неё прощения за ночное буйство.

Дед Митрок, лёжа на топчане, прислушивался к шуршанию ветра в еловых ветвях. Ему не хотелось вставать, потому что всю ночь ломило в костях и он почти не спал. Так всегда бывало в непогоду. На людях дед Митрок старается держаться бодро, но годы берут своё. Да, прожить восемьдесят лет – это не ложку с мёдом облизать...

«Тр-р-р...» – громко застучал на соседней сосне дятел.

– Ишь будильник, – ухмыльнулся старик. – Ладно, встаю, встаю...

Он поднялся и, держась рукой за поясницу, вышел из шалаша. Утреннее солнце слепило деду глаза, пригревало голую макушку и ноющие коленки. Хорошо бы посидеть на солнышке, погреться в его ласковых лучах, но надо осмотреть хозяйство – не наделал ли ветер ночью беды. Плеснув из чуманка* воды на лицо, дед утёрся стареньким полотенцем и заковылял на пасеку.

Ульи стояли на широкой полянке рядами, образуя как бы четыре улочки. Внук деда Митрока, Минька, дал им

даже названия: Кипрейная, Ключевая, Куропачий луг, Ромашечник.

Ещё издали дед заметил, что ветер повалил один улей, и забегал, захлопотал, приводя всё в порядок.

Пока ставил улей, подошло время обеда. Дед Митрок решил подождать Миньку, который ещё вчера вечером ушёл домой в деревню за луком и редькой. Обещал вернуться к обеду, да вот что-то задержался. А без внука у деда и аппетита нет. Да и что за обед без редьки! Редька с мёдом – любимая еда деда Митрока. Он постоянно говорит Миньке:

– Ешь, как я, редьку с мёдом – сто годов проживёшь!

А Минька только смеётся:

– Я лучше одного мёда поем. Он без редьки-то слаще.

– Так-то оно так, а только с редькой полезнее.

– Горькая она, твоя редька, – не сдаётся внук.

– Горькая? – начинает сердиться дед. – Так ведь с мёдом! А с мёдом и старый лапоть проглотишь...

«Что-то не идёт мой Минька, – сокрушённо вздохнул старик. – Ну, да ладно, пока сенцо в валки сгребу...»

Плохая нынче трава – редкая да низкая. Зима стояла бесснежная; весной земля оголилась на две недели раньше срока. А тут, как на грех, похолодало, и потом до самого сенокоса дождей не было. В сухое лето хорошей травы не жди. Вот и пришлось деду Митроку собирать сено для своей Пеструшки чуть ли не по травинке.

Дед Митрок сперва литовкой** косил, да уж больно быстро она тупится, потому что трава нынче и в росу жёсткая, а днём – ну прямо проволока. Тогда наладил он старую горбушу***, что висела в сарае, на всякий случай. Хорошая горбуша, острая, словно бритва, да не по годам деду кланяться траве в пояс. И он брался за косу, а горбушей орудовал Минька. Всю траву по кустам выкосил,

повытаскивал её на поляну, а как высохла, к стогу подгрёб. В самую жару когда деду становилось невоготу и он отсиживался в холодочке, Минька не бросал грабель, спешил, чтобы сено дождём не испортило, – очень уж трудно оно досталось.

Хоть и плохая нынче трава, а у пасечника уже стоят три стога сена. И все три, как на картинке – ровные, плотные, ни одна капля дождя внутрь не просочится.

День был жаркий; солнце, ясное и жёлтое, как медовые соты, висело над головой.

«Не будет дождя, – решил старик. – А раз так, значит, можно и отдохнуть».

Он сел на хрустящее сено, отбросил в сторону самодельную войлочную шляпу и, вытащив из-за пояса большой ситцевый платок, вытер лысую голову, блестевшую от пота. Потом с прищёлком открыл табакерку, достал щепоть табаку, но тут до него донёся крик:

– Э-эй!..

– Минька кричит! – обрадовался старик. – Явился!

Минька бежал уже по поляне что есть силы и что-то кричал, размахивая холщовой сумкой.

– Эка орёт, ровно заблудился, – недовольно проворчал он.

Минька, с трудом переводя дух, подбежал к деду и бросил сумку на землю. В его маленьких, быстрых, как у ящерицы, глазах застыл испуг.

– Человека убило!..

Дед Митрок по-молодому вскочил на ноги.

– Какого человека? Где?

– Там! – Минька махнул рукой. – Лесиной придавило!..

– Где – там? Не тараторь, говори толком.

– Там, у Турпан-лога...

– Ах беда! Идём скорей, покажешь... – И старик, забыв даже надеть шляпу, торопливо зашагал к логу.

Минька семенил рядом.

– Ну, где же?

– Дерево без вершины видишь? Так под ним.

Молодой мужчина, в коротком дождевике и длинных, с отворотами, резиновых сапогах, лежал, придавленный обломившейся вершиной пихты. Его глаза были закрыты. Кто он – пастух, нефтеразведчик, грибник? Наверно, ночью, в бурю, вершина обломилась, а утром, когда мужчина проходил под деревом, она рухнула вниз.

– Берись за тонкий конец! – приказал старик Миньке.

Они сняли лесину. Человек, не открывая глаз, глухо застонал, его губы слегка шевельнулись.

Дед Митрок опустил на колени, приподнял голову парня: на темени виднелась широкая кровавая полоса.

– Сучком задело, – сказал дед Митрок. – Беги-ка, Минька, к шалашу, притащи воды и мёду. Живо!

Дед перевязал голову раненого своим большим ситцевым платком. Запыхавшийся Минька принёс туесок с мёдом и воду в берестяном чуманке.

– Давай сюда! – Дед принялся разводить мёд водой. – Это мёд первого взятка... – приговаривал он. – Майский мёд – первостатейный! Самый лечебный...

Минька стал лить медовую воду тонкой струйкой в рот раненому. Глаз незнакомец по-прежнему не открывал и, казалось, побледнел ещё больше.

– Врача нужно, – прошептал Минька.

Старик покачал головой:

– Где его возьмёшь? До деревни десять вёрст, до райцентра – сорок. Кабы ты на велосипеде был, а так, пешком, засветло не успеешь... Вот что, Минька, беги-ка на Карин мыс – может, лесника на покосе застанешь. Пусть приедет на лошади. А не найдёшь лесника, шпась домой, бригадиру скажи. Я тут дожидаться стану.

Минька пустился было бежать, но тут послышался гул, и над лесом показался вертолёт. Он летел медленно и очень низко, будто высматривал кого-то в лесу.

– Дедушка, вертолёт! – закричал Минька. – Пожарник!

Он выбежал на поляну, сорвал с себя рубаху и стал вертеть ею над головой.

– Эй! Эй! – кричал Минька что было силы. – Эй, дяденька!

Но лётчик, наверно, не заметил его: вертолёт медленно удалялся. Чуть не плача, Минька вернулся к деду, волоча рубаху по земле.

– Улетел!.. – Дед понурился, но вдруг поднял голову: – Пожарник, говоришь? – Он быстро полез в карман и протянул внуку коробок спичек: – Зажигай стог!

Минька не поверил своим ушам. Он растерянно стоял перед дедом, мигая глазами.

– Ну, кому сказано! – прикрикнул на него дед. – Зажигай со всех сторон!

Вертолёта уже не было видно, когда вверх взметнулся высокий столб огня и дыма.

Дед Митрок осторожно положил голову раненого на траву и, подобрав брошенную Минькой рубаху, подошёл к пылающему стогу.

– Вернётся... Должен вернуться, – твердил он, прислушиваясь к отдалённому стрекоту вертолёта. – У него должность такая – пожарник... Пылай, сенцо, пылай!

Услышав последние слова деда, Минька запрыгал на месте и тоже закричал:

– Пылай, пылай!

Расчёт старого пасечника оказался верным – через несколько минут вертолёт уже кружил над самой поляной.

Дед Митрок напялил на зубья грабель Минькину рубаху и принялся размахивать, точно флагом.

Вертолёт приземлился у лога. Дед и внук побежали навстречу лётчику.

– Что случилось? – строго спросил он. – Отчего стог загорелся?

– Я его поджёл! – выпалил Минька, но дед цыкнул на него, и мальчик смущённо умолк.

– Человек при смерти, – сказал дед Митрок. – В больницу его надо доставить. А пожара не будет, об этом не беспокойтесь.

Лётчик внимательно посмотрел на мальчика и на старого пасечника, который всё ещё держал на плече грабли.

– Где он? – спросил лётчик.

Раненый по-прежнему неподвижно лежал на спине, только дыхание его стало частым-частым и под глазами появились синие отёки.

Лётчик приподнял незнакомца за плечи, дед с внуком – за ноги, и они осторожно понесли раненого к вертолёту. Второй пилот помог втащить его в кабину.

Лётчик захлопнул дверцу. Заработали винты, и машина, тяжело оторвавшись от земли, поднялась над лесом, словно большая стрекоза.

Стог уже догорел; от него остался на земле лишь красноватый, подёрнутый серым пеплом круг.

Когда вертолёт скрылся из виду, дед Митрок положил руку на плечо Миньки и сказал:

– Обедать пора. Редьку-тq принёс?

Минька кивнул.

– Вот и ладно.

И старик, тяжело ступая, пошёл к шалашу.

---

* Чуманок – туесок.

** Литовка – коса.

*** Горбуша – серп.

ЛЕВ КУЗЬМИН

РАССКАЗЫ

БЕГЛЕЦ

Раскидистая, очень высокая, вся усыпанная чёрно-глянцевыми блёстками ягод, эта черёмуха стояла за нашими окошками у самой дороги, и кто бы когда бы тут ни проходил, ни проезжал, обязательно задира́л голову и радостно ахал:

– Вот так сад-виноград!

А Ваня Звонарёв, колхозный тракторист, так тот даже пробовал под черёмухой останавливаться и, ловко вскочив чуть ли не на самый верх трактора, старался тяжёлые кисти ухватить. Но ухватить не получалось. И Ваня махал с весёлою досадой:

«Эх-х! Хороша Маша, да не наша», – и, опять заставив мотор взречь на всю улицу, катил себе дальше.

Нацеливались, конечно, на эту черёмуху и мои дружки, деревенские мальчишки. Да только и у них не выходило ничего. Когда-то кто-то нижние сучья на черёмухе обрубил, и теперь до первой более или менее удобной развилины не было никакой возможности ни докарабкаться, ни допрыгнуть.

Ребята пытались подсаживать друг дружку, но всё равно, лишь пообдирав напрасно ладошки, в конце концов отступались и убегали к другим, более доступным черёмухам за прохладный овраг, за деревню.

А я вот путь на эту черёмуху всё-таки нашёл.

И нашёл не просто так, а с горя. А если объяснить все точней, так из-за того, что однажды получилось между мною и моей тётушкой Астей, у которой я жил-гостил в то лето.

Тётушка моя работала в колхозе, была совсем ещё молодой и шибко горячей характером. Как, бывало, чуть что, так – невысокая ростом, тоненькая – брови свои тёмные наморщит, серыми глазами блеснёт, руками всплеснёт, и – зашумит! Так зашумит, что хоть на улице от неё спасайся, а всё равно и там услышишь, как она обещает задать тебе хорошего дёру.

Но до настоящего дёру дело не доходило никогда, а к шуму я скоро привык. И, честно говоря, все тётушкины попытки приструнить меня, припугнуть не ставил ни в грош. Я даже самые её строжайшие запреты стал нарушать, и вот из-за одного такого нарушения всё и случилось.

Возвышались у нас на крыльце деревянные перила. Решётка перил была сделана из гладко обструганных, круглых столбиков. Сразу за ними, обочь крыльца, зеленели грядки палисадника. Забегать в палисадник полагалось, разумеется, через калитку, до которой и ходу-то было всего ничего, но я приспособился попадать туда ещё быстрее, а главное – интересней.

Я проскакивал в палисадник прямо с крыльца, прямо сквозь перила. Перемахивать их сверху я не отваживался, боялся, что ветхий поручень затрещит и обрушится, а вот меж столбиков проныривал прекрасно. Сначала просуну голову, потом весь, как ящерка, извернусь, на руках подтянусь, и, глядишь, я уже на тёплом краю мягкой грядки, и зелёно-пушистые, пряно пахнущие зонтики ласково щекочут моё лицо.

Мало-помалу вытоптал я в укропной чаще по-за крыльцом порядочную пролысину, понаследил и на грядке с огурцами, и зоркая тётушка всё это увидела. Ну а раз увидела, то и опять получился шум. А за шумом последовал наикрутейший наказ ходить в палисадник только

там, где люди ходят, а не там, где лазает лишь блудень и озорник – соседский козлёнок Яшка.

– А ты разве Яшка? – возмущалась тётушка, и я, конечно, отвечал, что нет, хотя втайне думал, что побывать козликом Яшкой мне было бы тоже куда как любопытно.

В общем, я опять тётушкиным шумным словам не придал никакого значения, и вот в один прекрасный вечер она приходит с работы, с колхозного поля, и говорит:

– Сбегай-ка, Лёнька, в палисадник за луком, за пёрышками, сейчас ужинать будем...

И я, конечно, помчался, и ясно, что как только выбежал на крыльцо, так сразу кинулся к своей привычной прямушке.

Голову сквозь перила просунул – раз, боком извернулся – два, стал проталкиваться плечом вперёд, но вдруг чувствую, что просвет между столбиками сделался отчего-то тесен, и я никак на другую сторону протиснуться не могу.

«Не в ту дырку, что ли, второпях попал? – подумал я. – Тогда переменюсь...»

И я попытлся, стал вытаскивать голову, да тут обнаружил, что голова моя не пролезет и обратно.

Туда вот проскочила, а обратно – нет. И стою я теперь действительно, как козлик Яшка, на четвереньках на крыльце, и ни туда мне, ни сюда.

А тётушка Астя из избы, из-за распахнутого окошка, поторапливает:

– Ну где ты там, с луком-то? Скоро ли?

– Сейчас-ас... – пыхчу я, тужусь, отвечаю совсем козлиным голосишком, но из плена вырваться не могу. Если голову вот так вот боком поверну и потяну между столбиков – то мешают подбородок и затылок, а если прямо – то мешают уши. Тётушке ждать надоело, и, слышу, она ко мне на крыльцо поспешает сама.

И вот появляется на пороге, всплёскивает руками, и нет чтобы меня пожалеть да маленько помочь, – снимает вместо этого свой фартук, складывает его повдоль, а потом ещё раз повдоль и начинает меня этим фартуком пониже спины, пониже задранной рубашонки охаживать:

– Что я тебе говорила? Что я тебе говорила? В калитку ходи! В калитку ходи!

От шлёпанья фартуком было не очень-то больно, да зато так стыдно и обидно, что я, не жалея ушей своих, рванулся теперь со всей силой. И круглые столбики в пазах повернулись, меня отпустили, и я кубарем скатился с крыльца.

Скатился, закричал тётушке:

– Я ужинать с тобой не буду, я жить у тебя больше не буду, я от тебя, тётушка Астюшка, убегу!

– Убегай, – ничуть не испугалась тётушка. – Набегаешься, вернёшься.

И она пошла себе в избу, а я, разобиженный ещё больше, заметался по широкому нашему подворью, по лужайке.

Я и в самом деле хотел убежать, да только куда в нашей маленькой деревеньке убежишь-то? Куда ни беги, а везде тебя скоро найдут. Все наши детские захоронушки, укромные местечки – и за колхозной конюшней, и за банями в гуменниках – известны каждому взрослому давным-давно.

И вот я кинулся к той неприступной черёмухе, что росла рядом с избой. Обхватил шершавый ствол руками, ногами, полез вверх, да почти тут же и сорвался.

Кинулся опять и опять сорвался.

Но отчаянность моя не утихла ничуть. И я пошёл на этот штурм в третий раз. Не считаясь ни с тем, что ситцевая голубенькая рубашка моя запотрескивала, не обра-

щая внимания на то, что ладошки и голые коленки, елозя по сухим и острым заломам коры, обдираются в кровь, я всё равно карабкался, я всё равно не сдавался, и вот совершилось почти невероятное: высокую и широкую развилину на старой нашей черёмухе я всё-таки оседлал!

А там чуть передохнул, глянул, не смотрит ли в окошко тётушка, и, шагнув по крепким и частым теперь ветвям ещё выше, скрылся в густой черёмухе, как в лесу.

Я устроился там, словно петух на нашесте, обнял толстый ствол, притих и стал ждать.

Стал ждать, потому что весь мой прошлый опыт подсказывал: вспылчивая тётушка скоро переменит гнев на милость, очень скоро меня спохватится. Ну а как спохватится, так вот тут-то я и отведу свою душеньку, сколько мне надо, столько и покуражусь. Выгляну из черёмухи лишь тогда, когда тётушка всполошится окончательно, когда, может быть, даже закричится из окошка: «Лёня, золотко, где хоть ты? Иди, милый племяшок, домой! Это я просто так, маленько погорячилась...»

И вот, чтобы не выдать себя раньше времени, я на своём сучке и притих.

Я даже ягоды, которые так и нависали над головой чёрными гроздьями, боялся общипывать. Я преодолел себя, даже когда, то ли от пробежавшего по листве сквознячка, то ли от душновато-сладкого запаха самих листьев, на меня вдруг напало желание чихнуть. Я широко раскрыл рот, сделал глубокий вдох-выдох и – перемогся. Ведь тётушка-то Астя была почти рядом; я отлично слышал, как за распахнутым окошком в избе она собирается ужинать.

Вот она прошла на кухню и загремела печной заслонкой. Вот она, шаркнув кочергой по кирпичному поду, вытянула томящийся в печи, в глиняной плошке, ячне-

вый крупеник, и мне показалось, что я прямо так и слышу его тёплый, масляный дух. Слышу и сразу смекаю: «Ага! Вот сейчас тётушка и начнёт меня звать, кричать. Вот и спохватится... Одна она за стол, а тем более когда на нём такая вкуснотища, ни за что не сядет!»

Но, к удивлению моему, тётушка уселась за стол одна. В прогал меж листьев в очень близком от меня окошке я хорошо теперь видел тётушкину спину, видел её бумажейную, в линялых цветах кофту, а лицом к воле, для того чтобы покричать меня, для того чтобы хотя бы посмотреть, нет ли меня где близко, тётушка даже и не повернулась.

«Ладно, – сглотнул я слюнки, – ладно... Значит, всё ещё горячится. Значит, всё ещё не отпыхнулась, но отпыхнётся обязательно. Ну, не может же быть, что ей всё равно: жив я теперь на белом свете или нет?»

И тётушка к окошку довольно скоро оборотилась, да только не из-за меня, а потому, что на деревенской улице затарахтел трактор Вани Звонарёва.

Ваня, как всегда, тормознул почти под самой черёмухой, почти подо мной.

Трактор сразу напустил вокруг такого дыму-керосину, что нечем стало дышать и сразу исчезли все другие запахи. А когда дым маленько пронесло, то Ваня соскочил на дорогу, запрокинул курносое, перепачканное в тракторной копоти лицо и, глядя снизу вверх на усыпанные ягодами ветви, сказал своё привычное:

– Эх-х!

Я весь так и поджался, чтобы Ваня меня раньше сразу не заметил, но в эту минуту и выглянула из окошка избы моя тётушка Астя.

Чумазый Ваня заулыбался во всю ширь, во весь рот, сразу поднял над головой кепку:

– Августе Андреевне привет! Не найдётся ли чем холодненьким промочить горлышко?

Этакое неопределённое «не найдётся ли» Ваня говорил лишь из деликатности. А на самом-то деле он отлично знал, что прохладненькое у нас всегда найдётся. Это он намекал на квас, которого перепробовал тут, под тётушкиным окошком, наверное, уже не меньше чем полкадки.

И вот как только он про квас намекнул, так я опять и подумал: «Теперь – всё! Теперь они про меня и вспомнят!»

Бежать для Вани за квасом в холодный чулан и подавать ковш через окошко была моя и только моя всегдашняя обязанность. Делал я это с удовольствием, и Ваня принимал ковш из моих рук тоже с удовольствием, да ещё при этом шутливо подмигивал тётушке, говорил в мой адрес:

– Шустряк мальчонка, молодец! Вырастет – в помощники возьму!

А потом кивал мне:

– Айда, прокачу вдоль деревни...

И действительно, с громом, с великолепным рёвом мотора, под галдёж деревенских ребятишек и лай собак прокатывал до самой околицы, до бабки Катериной избы, у которой жил в то лето на квартире.

Вот я и ждал теперь, что ни тётушка моя Астя, ни Ваня без меня не обойдутся. Сразу заоглядываются, заговорят: «Где это Лёнька-то? Куда это он пропал?» – и, возможно, оба хором начнут кричать меня.

Но тётушка на Ванину весёлую просьбу и улыбнулась сама, и повернулась сама, сбегала в чулан и через минуту подала в окошко наполненный квасом ковшик тоже сама.

Ваня ковш принял не за ручку, а подхватил под круг-

лое донышко. Оттопырив – опять же из деликатности! – на широкой своей пятерне мизинец, тётушкино угощение выпил единым духом, засмеялся:

– Квас из твоих рук, Андреевна, слаще мёда-сахара! – И, на ходу утираясь рукавом и всё ещё оглядываясь на тётушку, побежал к трактору.

Побежал, включил скорость, напустил опять дыму и – уехал. А про меня Ваня так до последней минуты и не вспомнил. Не вспомнила и тётушка.

И я крепко заперезживал. Солнце уже укатилось за крыши, черёмуху накрыла прохладная синяя тень, и я сидел в этой тени, окружённый остывающей листвой, и теперь думал:

«Как же так? Ну, Ваню-тракториста ещё можно понять, Ваня мне всё-таки не свой. Ваня, наверное, считает, что я сейчас бегаю где-нибудь с ребятами. А вот тётушка-то Астя отчего же всё не спохватывается и не спохватывается меня? Ведь ей же известно, что я сейчас и не гуляю, и не бегаю, а я У-Б-Е-Ж-А-Л. Я, может быть, как в сказке, за тёмные леса, за синие горы, за дальние просторы теперь умчался; я, может быть, блужусь, пропадаю, аукая, а она обо мне и не беспокоится... Не нужен я ей больше, что ли? А ведь вчера ещё, когда у нас всё было хорошо да мирно, говорила: «Ты у меня, Лёнюшка, как сынок! Я к тебе, Лёнюшка, за летечко как привыкла... Ты у меня оставайся жить на всю зиму, в школу, не бойся, определимся и здесь». И вот, определились! Я сижу на своём сучке, тоскую, а она меня и не покричит...»

Мало-помалу я так себя разжалобил, что хоть плачь. И, несмотря на то что за черёмухой в деревне было полно живых звуков – кричали, собираясь на вечернюю игру в прятки мальчишки и девчонки, постукивали молоточками, топориками, ладили всякую домашнюю свою работу

вернувшиеся с полей мужики, – мне моё высокое убежище и в самом деле начало казаться невылазной, дремучей чащобой, а сам я себе – пропадающим в ней, горьким, несчастным, всеми позабытым потеряшкой.

Лишь звяк пустого подойника, которым тётушка обо что-то задела, спускаясь с крыльца, вернул меня снова к более бодрым мыслям:

«Корову доить пошла, нашу Чернавку... И где-где, а вот здесь тётушке Асте без меня не обойтись!» А Чернавка у нас была очень ласковой и очень умной. Она сама – лишь ворота стояли бы открытыми – заходила после поля в хлев, сама коротким, добрым мыканьем напоминала, что её пора поить и доить. И вот каждый раз, каждый вечер при распахнутых настежь воротах, в которые светит угасающая заря, тётушка подсаживается под Чернавкин бок на деревянную скамеечку, а я жду и гляжу, как Чернавка, опустив свою широкую морду в широкое ведро с пойлом, это пойло, не торопясь, выцеживает. А потом она всякий раз медленно взглядывает на меня выпуклыми, задумчивыми глазами, и я подношу ей на добавку круто посоленный кусок хлеба.

Но особенно Чернавка любит, когда выколупываю из тёплой ямки промеж её кривых рогов, из короткой там, мягкой шерсти травяные мусоринки и лесные колючие хвоинки.

От этого Чернавке, должно быть, немножко щекотно и в то же время хорошо. Она ко мне, маленькому, большую свою, лобастую голову наклоняет всё ниже, шумно и горячо попыхивает в подол рубахи и этак негромко опять помыкивает – благодарит...

Вот и жду я теперь: Чернавка забеспокоится без меня, а вслед за ней наконец-то встревожится и тётушка Астя. Жду, уши наострил, шею вытянул. И через малое время

слышу: Чернавка шумно, со вздохами, с передышкой тянет из ведра пойло, а тётушка подставляет под неё скамеечку и принимается Чернавку доить.

Парные струйки молока зазвенели по цинковому подойнику сначала тонко, а потом всё глуше и глуше. Я даже представил себе, как молоко в подойнике сразу стало прибывать, а затем над ним зашипела и начала подниматься белой шапкой тёплая пена.

И вот струйки по подойнику всё дзиркают и дзиркают; Чернавка побрякивает ведром, вылизывает остатки пойла, а я жду не дождусь, когда она там подымет голову.

И Чернавка ведром брякать перестала, в полутёмном хлеву, как видно, огляделась, да тут же меня, умница-разумница, и вспомнила.

– Мы-ы... – подала она голос тихо, коротко, совсем так, как в ту минуту, когда я угощаю её хлебцем, и, не обнаружив меня рядом, замычала опять.

Причём замычала теперь во всю силушку, и в голосе её мне так и послышалось: «Му-у! Ничего не пойму-у! А куда это мой кормилец Лёнька подевался?»

И всего этого я больше не выдержал, я так у себя на черёмухе ревмя и заревел.

А Чернавка услышала, замычала ещё пуще, и тётушка Астя из-под неё с подойником выскочила и не знает, что делать.

С одной стороны, корова теперь на весь хлев надрывается, блажит, а с другой стороны, я заливаюсь на всю улицу.

Тётушка сунула подойник с молоком на крыльцо, кинулась к черёмухе, сама кричит:

– Лёнька, а Лёнька! Ты что хоть таким дурным голосом орёшь-то? Что это с тобой, дурачок?

– Да-а... – глотаю я слезы, чуть слова выговариваю. –

Да-а... А почему ты меня не ищешь и не ищешь? Почему обо мне ни капельки не расстраиваешься? Чернавка и та вон расстраивается, а ты – не-ет...

– Да зачем мне тебя искать, когда ты здесь, рядом с избой! – удивляется тётушка Астя, а я ещё пуще заливаюсь:

– Это сейчас рядом, а раньше ты и не знала, где я... Может, в лесу-у! Может, меня волки съели...

– Ну уж, волки!.. Да я тебя, дурашка, всё время вижу. Я тебя сразу заметила, как ты на черёмуху полез.

– Как так? – изумился я и даже реветь перестал.

– А так... Что у меня, глаз, что ли, нет? Ты полез, а я из-за косяка посматриваю. Ты лезешь, а я думаю: «Рассердился парень! Пускай поостынет, а потом сам спустится...»

– Ты тоже рассердилась! Ты больше меня рассердилась! А я-то уж давным-давно остыл, – всхлипываю я опять, а тётушка добрым голосом говорит:

– Ну, если остыл, тогда давай слазь...

И тётушка подставила мне руки, помогла спуститься, и уже на земле, на траве я спохватился:

– Ой! А ягод и не попробовал! Ни одной веточки не сорвал.

– Ничего! – засмеялась тётушка. – Теперь путь проторил, завтра сорвёшь. А главное, что ты у меня из бегов вернулся и Чернавку мне поможешь додоить.

И тут она давай утирать мне всё тем же фартуком зарёванные щёки и давай приговаривать:

– Эх, Лёнька, ты Лёнька... Эх ты, беглец! Я к тебе и в самом деле вот как привыкла. Ты у меня и в самом деле до осени оставайся, а хочешь – круглый год живи. Но в лазейку больше не ныряй, как бы тебе там крепче не застрять. Ведь, ты чудак, растёшь, прибываешь, а она – нет! Она всегда маленькая...

ЭХ ТЫ, ВОРОНА!

Когда человек нерасторопен, рохля, то ему обязательно скажут: «Эх ты, ворона!»

Когда человек перед чем-либо слишком робок, ему вмиг преподнесут пословицу-насмешку: «Пуганая ворона и куста боится!»

Если же трусишка неисправим, о нём говорят: «Не бывать вороне соколом!»

Подобных пословиц, колких поговорок немало. И всё в них – ворона! А почему именно «ворона», не объясняет никто. Да и сам я объяснять не возьмусь.

Не возьмусь, потому что на берегах хорошо мне знакомой приуральской речки Обвы ворон я вижу каждое лето, и все они там не такие, как в пословицах.

Вот, к примеру, истинный случай.

Шнырял я однажды по утренней Обве в лёгком челночишке с удочкой. Побывал на перекатах, заглянул в тихие омуты, но на клёв не везло. И я пустил челнок по течению вниз. Плыву, вёсла не трогаю. Про себя думаю: «Проверю ещё одно моё местечко. За деревней под навесным мостиком. Авось под ним-то мне и удача».

И огибаю ольховый мыс, мостик всё ближе, да вдруг смотрю: занято местечко!

Как раз там, где я на удочку надеялся, сидят на перилах две вороны.

Обе – серьёзные, обе в серых, одинаковых жилетах, чёрные головы нацелены под мостик.

Мне стало тоже интересно. Я уцепился за нависшую над челноком ветку, замер, и теперь мне видно: одна ворона сидит, вся такая собранная, будто парашютист перед прыжком, а у другой вороны в клюве ноша – ком глины сухой.

И вот глину эта ворона прямо в речку – плюх! – а миг

спустя ворона-напарница тоже вослед за комом к самой воде – ширх! – и, задирая клюв с серебристой рыбкой, несётся к огромной, на береговой круче, ёлке.

Я от изумления даже рот раскрыл: «Вот так да! У меня за всё утро ни на овёс, ни на пареный горох – ничегошеньки, а у них на ошмёток глины – сразу рыбка! И пусть это лишь бестолковая, любопытная ко всяким всплескам на воде малявка, но вороны меня – обошли! Вот тебе и разини! Вот тебе и пословицы да поговорки!»

И пока я головой качал, пока удивлялся, первая ворона вновь разыскивает на берегу под мостом подходящий глиняный комок, а ворона с рыбёшкой усаживается на ель. Там, в хвойной тени, почти у самой вершины, гнездо, в гнезде воронята шумят.

Но тут, гляжу, надвигается новое событие.

Пока ворона воронятам рыбку делит, в небе над елью возникает кто-то летучий.

Он плывёт стремительными кругами. Он – всё ближе. И вот уж чётко видать два широко раскинутых крыла, заметны на плосковатой башке хищный клюв и наострённые, прижатые к свистящим на лету перьям, когтистые лапы.

«Чёрный коршун!» – так и замер я. И чуть ли не заорал вороне: «Прячься! Или зови на подмогу свою подружку! А то бандит этот долбанёт по тебе и по твоим воронятам!»

Но ворона укрываться не стала и о подмоге не зашумела. А вымахнула свечой над елью ввысь. И, молотя воздух короткими крыльями, в сравнении с коршуном – маленькая, сама ринулась в бой. Она пошла тараном прямо на противника. И чёрный коршун натиска не выдержал, встречной отваги не перенёс, сам по-вороньи замахал крыльями, кинулся наутёк за реку.

«Кр-р-а!» – воскликнула ворона.

«Ур-ра!» – повторил за ней я. А потом подумал:

«Вот и поправка к ещё одной несправедливой пословице: не бывать, мол, вороне соколом, не бывать в трудный час победительницей. А выходит – бывать! Да ещё и как бывать-то! Особенно тогда, когда она заступает за своих деток... Ведь если нам, людям, куда как милы ребяташки наши, то, конечно же, И ВОРОНЕ НЕТ НИКОГО ДОРОЖЕ РОДНОГО ВОРОНЁНОЧКА!»

И слова такие звучат тоже как пословица. Но пословица уже ничем не обидная, хотя в ней опять всё про ворону да про ворону.

МАЛЬЧИК

Быль

Тот зимний вечер помню, как сейчас. Я пришёл из школы, мама тоже дома, мы собираемся ужинать.

Настроение у нас хорошее, потому что завтра – каникулы.

И вдруг безо всякого стука-предупреждения дверь открылась, и прямо с мороза, с улицы, к нам вваливается наш, из маминой деревни, давнишний знакомый – дядя Коля Вестников.

Несмотря на холод, от него, краснолицего, рыжего, так и валит пар. Он громко, приветливо басит:

– Здравствуйте! Я у вас на станции зерно сдавал, теперь еду обратно. Так что собирай, Фаина, твоего Лёвку к нам в гости, в деревню. Об этом ваша бабушка наказывала строго-настрого!

Мама отвечает улыбочиво, в тон ему:

– Сначала скинь хоть шапку! Присядь к столу! А Лёвка подождёт, не велик он барин.

Но дядя Коля настаивает:

– Ждать некогда, на дворе и так потёмки!

И вот, ошастливленный в самый канун каникул таким жданным и неожиданным приглашением, на такой вот весёлой волне я и собираюсь мигом. И вот мы с дядей Колей уже в санях-розвальнях.

Не очень-то высокий, вороной, в предночных сумерках совсем черным-чёрный конь нетерпеливо, зябко скребёт у крыльца копытом снег.

Мама тоже зябко придерживает одною рукою шаль на плечах, другою рукою машет нам, стоя в одних домашних тапочках на студёных ступеньках.

Дядя Коля командует коню: «Но-о, Мальчик! Пошёл!», намёрзлые полозья взвизгивают, и мы круто от крыльца вывёртываем на проезжую дорогу.

Станционный посёлок там и тут в огоньках, но мы всё это минуем быстро. Вороной конь-конёк с неожиданно ласковой кличкой Мальчик бойко нахрупывает по снежку подковами, наши сани-розвальни несёт легко. Он не убавляет рысистого хода даже тогда, когда сворачиваем с большой, разъезженной дороги на дорогу просёлочную, узкую.

Дорога эта вьётся под тёмным небом по белым-белым лугам. С их простора и от скорой езды встречу нам тянет довольно пробористый, студёный ветерок. Дядя Коля повёртывается, вытряхивает из-под соломенной в санях подстилки широченный тулуп, накрывает меня почти с головой:

– Вот! Ладно взял про запас... А то в твоём пальтеце на ветру не больно-то рассидишься... Кутайся, кутайся, да плотнее!

И от уютного, тёплого тулупа, от заботливых слов дяди Коли на меня вдруг накатывает волна не только радости, но и удивительной ко всему нежности.

А впереди начинает подыматься лунный круг. И ночное небо в том лунном месте, и белые снега на лугах, и заиндевелые вдали перелески, рощицы стали отсвечивать тоже нежно-серебряным светом. Мне в санях уплывать в эту нежность сладко. Мне приятно смотреть из-под тулупа на пробегающие сбоку саней тонкие кустики, на резковатого, но доброго дядю Колю рядышком с собой, на старательного, ходкого коня Мальчика, – и всех и всё я в эти минуты люблю.

Люблю, но высказать стесняюсь. Боюсь: дядя Коля надо мной рассмеётся. И в таком вот чуточку запутанном состоянии я – странное дело! – засыпаю.

Сколько времени проспал, не ведаю. Пробудился от тревожного голоса дяди Коли, от быстрого стука и качки саней.

Я вскочил на колени, гляжу: а перед нами луна теперь огромная – в половину небес. Мы мчим прямо на её свет. Дядя Коля припал к передку саней, руки с вожжами вытянул, кричит Мальчику:

– Наддай, наддай! Не выдай, милый!

И Мальчик мчится не рысью, а так по-над дорогой и стелется. Он едва не вышибает задними подковами дощатый санный передок.

Я вцепился в полушубок дяди Коли:

– Что хоть такое? Что?

Дядя Коля отвечает криком:

– Держись крепче! Волки!

– Где? – застылым сразу голосом сиплю я, шарю глазами. И вижу: со стороны близкой к нам рощицы, взмётывающая искрящийся под луною снег, летят три прыгучие тени. Летят к дороге, наперехват нашего пути.

У меня лёд-мороз пошел по телу. А дядя Коля всё кричит Мальчику, кричит как человеку:

– Быстрее! Быстрее! Не дай им обойти нас! Если обойдут – не прорваться!

И, видать, не очень надеюсь, что Мальчик поймёт, дядя Коля вдруг самым дичайшим голосом взгаркивает:

– Гр-рабят!

И Мальчик этот вскрик понял, надал так резко, что мы из саней чуть не вылетели, но и волки перенять Мальчика уже не успели.

Они оказались позади нас. Только лучше от этого не стало. Они все трое несутся теперь не по рыхлым сугробам, а по твёрдой, накатанной дороге, и, кажется, ещё скачок – и вспрыгнут к нам на запятки.

Я на миг обернулся, увидел их жуткие глаза, увидел их заиндевелые морды, – уткнулся лицом дяде Коле в полушубок, в спину.

А дядя Коля, одною рукою не упуская вожжей, круто в санях оборачивается. В свободной руке у него свёрнутая жгутом верёвка. Короткий конец верёвки у дяди Коли в кулаке, и концом другим, длинным, всем жгутом распущенным он с размаха хлещет по стае, по мордам. Волки ошарашенно тормозят.

А когда кидаются за нами вновь, то дядя Коля верёвку дергает, отпускает, опять дёргает, отпускает, и на мёрзлой, летящей из-под полозьев дороге верёвка по-змеиному свистит, вьётся, волки перед ней ход свой сбавляют каждый раз.

Потом они отстали совсем.

Сперва я подумал: «Выдохлись!», но тут дядя Коля говорит голосом более ровным:

– Слава те, господи! Деревня рядом!

И начинает сдерживать, успокаивать Мальчика. А я глаза оробелые поднял и вижу тоже: под луной на краю белого поля горит тёплая золотистая искорка, рядом другая искорка, и там всюю заливаются собаки.

Ну а Мальчик, как дядя Коля его ни сдерживал, всё равно влетел в деревню чуть ли не вскачь.

Он маленько успокоился лишь тогда, когда дядя Коля распряг его, завёл в освещённую керосиновым фонарём тёплую конюшню, когда, утишая, поводил туда-сюда по длинному меж лошадиных стойл проходу, да когда обтёр сухой тряпицей и поставил, наконец, к кормушке, полной сена.

Я тоже долго успокоиться не мог. Я даже у заботливой бабушки, которой дядя Коля сдал меня с рук на руки, успокоиться не мог. Бабушка меня спрашивает, что да как, а я, знай, глаза пучу да охаю:

– Ох, волки... Ах, волки... Ох, если бы не Мальчик!

Едва бабушка отпоила меня подогретым молоком, едва едва угомонила на уютной постели, на печке.

А когда я наутро увидел в окошке избы солнце, когда увидел за ним яркие, морозные берёзы, то мне стало казаться, что всё вчерашнее произошло во сне.

Так же было и в конюшне, куда я кинулся проведать Мальчика. Я думал: «Как он там? В порядке ли?» А он встречает меня ясным взглядом, охотно ловит губами с моей ладони подсолённую корочку и добродушным, негромким ржанием как бы говорит: «И для меня вчерашнее – словно сон... И для меня всё тоже будто бы приснилось...»

Д.Н. МАМИН-СИБИРЯК

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк (1852—1912) родился в Пермской губернии, учился в Пермской духовной семинарии. Писательский труд увлёк его рано и всерьёз. Он автор многих рассказов, очерков и романов о жизни Урала в XIX веке. Особая страница творчества Мамина-Сибиряка — рассказы и сказки для детей. Ты уже читал книгу, которую писатель придумывал для своей дочки, — «Алёнушкины сказки». Помнишь, конечно, и Комара Комаровича, и Зайца — длинные уши, и других зверей да насекомых, живущих на страницах этой книги.

А вот герои рассказов Мамина-Сибиряка — люди, чаще всего старые и малые, труженики, у которых уже силы на исходе или этих силёнок ещё маловато. Их судьба трудна и нередко жестока.

Читая рассказ «В каменном колодце», заметь, как относится автор к детям «из подвалов и с чердаков» и детям-барчукам.

Подумай, что общего и различного в жизни Васьки и Кольки. Почему по-разному сложилась она?

На какие мысли наводят заключительные строки рассказа?

В КАМЕННОМ КОЛОДЦЕ

Рассказ

I

– Васька едет на дачу!.. – пронеслось по двору, где играли дети разных возрастов. – Васька едет!..

Это кричал взъерошенный мальчик лет восьми, выскочивший на двор, несмотря на холодный апрельский день, в одной рубашке, босиком и без шапки.

– А вот и врѣшь, Колька, – отозвалась девочка лет семи, тоже босиком, с запачканным личиком. – Мамка сказывала, что тѣтка Матрёна едет с господами в деревню, а не на дачу.

– Это всё одно, – сказал Колька.

– А вот не всё одно...

– Говорят: всё одно.

– Не-ет...

Чтобы доказать упрямой девчонке, что дача и деревня одно и то же, Колька подскочил к ней и довольно больно толкнул в спину, так что девочка едва удержалась на ногах и заплакала.

– Анютка, а ты его сама ударь, – советовал кто-то из толпы, окружавшей споривших.

Но Анютка не желала драться, а только тёрла глаза грязным кулачком. Для городских детей, выросших на дворе и не бывавших дальше ближайшей мелочной лавочки, дача и деревня представляли пустые слова, разница которых заключалась только в звуках. Может быть, тѣтка Матрёна, мать Васьки, действительно соврала... Кухарки ездят с господами только на дачи. Горячий спор этой дворовой детворы был прерван появлением самого героя, Васьки, курносого белокурого мальчика, всего меньше походившего на героя. Он был одет,

как и другие дети, то есть в одну грязную ситцевую рубашонку.

– Ну, Васька, говори всю правду, а то побьём, – предупредил кто-то на всякий случай. – В деревню едешь или на дачу?

– В деревню... – довольно равнодушно ответил Васька, вытирая нос рукавом своей рубашонки. – Мамка говорит...

Вся эта сцена происходила во дворе громадного пятиэтажного дома. Двор походил на глубокий каменный колодец, и солнце заглядывало в него только летом. Целый день на этом дворе толкалась детвора, ухитряясь из ничего придумать себе игры и детские забавы. Детей набралось человек двадцать. Всё это были обитатели подвалов и чердаков или дети господской прислуги. Последних, впрочем, было очень немного, потому что господа не любили держать прислуг с детьми. Сын кухарки Васька представлял в своём роде исключение. Забияка Колька, первый драчун, был сын прачки; побитая им Анютка – дочь сапожника, жившего в подвале. Тут же проводили своё время дети двух швейцаров и шести подручных дворников.

Все пять этажей были заняты господскими квартирами. Из больших окон этих квартир постоянно смотрели на двор бледные личики барских детей. Все эти Зизи, Мими, Коко, Сержики и Жоржики с завистью наблюдали, как веселится на дворе босоногая детвора. В самом деле, что могло быть лучше, как выбежать босому, в одной рубашонке, на двор и вмешаться в эту пёструю ребячью толпу...

– Что вы там сидите, как мухи? – вызывающе кричал им Колька-озорник и показывал язык. – Идите к нам... Вот как отлично вздуем!

Бледные личики конфузливо прятались, а Колька грозил им кулаком.

Если была хорошая погода, что в Петербурге случается нечасто, то послушных и прилежных детей из господских квартир выводили на прогулку. Озорник Колька пользовался этим случаем, чтобы устроить «неженкам» какую-нибудь каверзу. Он поджидал их за воротами, а потом бежал навстречу и, как будто нечаянно, толкал локтем или коленкой.

– Ах, извините, барчук, – оправдывался он. – Я сегодня на один бок наелся и не могу ходить прямо...

Но за эти проделки Кольке приходилось жестоко расплачиваться. Седой швейцар Иван Митрич, всегда стоявший у главного подъезда, иногда ловил Кольку на месте преступления, хватал за ухо и с позором уводил на двор.

– Ах ты, озорник этакий!.. Вот я тебе покажу, как господских детей обижать!

Колька не плакал, не кричал и никому не жаловался, а только старался в следующий раз не попадаться на глаза Ивану Митричу. В сущности, он не был злым мальчиком, а просто его одолевала детская шаловливость от избытка сил.

II

Васькины господа уехали в деревню в половине апреля, когда в Петербурге наступала холодная и сырая весна. Перед самым отъездом Васьки Колька побил его без всякой причины.

– Ты зачем дерёшься? – удивился даже Васька, привыкший к побоям с раннего детства.

– А вот зачем... Приедешь в деревню и скажи деревенским мальчишкам, как тебя вздул городской Колька, и что он их всех тоже вздует. У нас, брат, по-питерски...

Кольке было завидно, что Васька куда-то уезжает, и он возненавидел его. Конечно, господа не поедут в худое место, и Васька всё лето будет жить по-господски. Свой двор

теперь казался Кольке и темнее, и грязнее, чем раньше. Ему делалось душно в этом каменном колодце.

— А Васька приедет из деревни, я его вздую на все корки, — утешал себя Колька. — Барин какой выискался — туда же, в деревню...

Громадный каменный дом быстро пустел. Все господа торопились переезжать на свои дачи. В окнах не показывались бледные личики господских детей — все Жоржики, Зизи и Мими уехали дышать свежим загородным воздухом. Колька злился. О, как бы он приколотил всех этих барчат, если бы они попались ему в руки... Колька делался несправедливым, потому что завидовал, потому что ему делалось душно на дне каменного колодца, потому что, как ему начинало казаться, именно назло ему другие дети пользовались всеми благами жизни.

Дно каменного колодца-двора являлось настоящей ареной для неистощимой детской изобретательности. Кажется, что можно устроить на пространстве нескольких десятков квадратных сажен? А дети устраивали. Зимой главным материалом для всяческих игр служил снег, из которого делали горки для катания, лепили снежных баб. Ранней весной, когда таял снег, проводились ручейки, а у отверстия водосточной канавы Колька ухитрялся поставить маленькую деревянную мельницу. Летом все игры сосредоточивались около поленицы дров и кучи песку, служившего для посыпки тротуаров. Трогательно было смотреть, как крошечные девочки устраивали из этого песка грядки и садили в них выдернутые из дворницкой метлы прутья. Каждый кирпич, каждый камень тоже служили материалом для постройки. Но — увы! — все произведения созидательного детского гения каждое утро уничтожались метлой дворника. Но детское терпение было неистощимо, и вместо уничтоженных крепостей,

городов, домов и садов в течение одного летнего дня воздвигалось всё снова.

– Ах, и народец! – ворчали дворники, выметая всю детскую работу. – И откуда только натащат всякого хлама? Настоящие разбойники... А того не подумают, идола: вдруг на двор околодочный*: «Это что у вас... а?» Тут, брат, всем на орехи достанется из-за вашего брата, босоногая команда!

Случалось нередко и так, что дворники не ограничивались одними словами и наказывали виноватых своими средствами, то есть драли за вихры, рвали за уши, давали подзатыльники. Делалось это, конечно, не со злости, а «для порядку», чтобы дворовые ребята почувствовали, что есть такое петербургский дворник. Швейцар Иван Митрич вполне одобрял такое поведение и объяснял по-своему так:

– Что же, ежели, например, эти самые ребята вырастут бесстрашными галманами? Каждый человек должен непременно кого-нибудь бояться. Я, напримерно, должен бояться домового управляющего, домовый управляющий – домовладельца, дворники – околодочного, а ребята, ежели на дворе, – дворников. Вот и вся музыка. Очень даже просто...

Что такое значило «бесстрашный галман», всё-таки оставалось неизвестным.

Дети постарше выбегали на улицу и заводили здесь свои шалости, постоянно рискуя попасть под лошадь и получая от прохожих тумачи и ругань. Самые смелые добежали до угла улицы, где был устроен крошечный сквер. Улица, обставленная громадными домами, походила на какое-то ущелье, и чахлые деревья в сквере напрасно тянулись кверху за светом и теплом. Они ходили на городскую уличную детвору. Такие же испытые, то-

щие, с какими-то зелёными лохмотьями вместо листвы и такие же грязные от уличной пыли.

Этот сквер являлся для бедной уличной детворы заветным уголком, но лиха беда заключалась в том, что в сквер пускали только хорошо одетых детей, являвшихся сюда в сопровождении своих нянек и горничных. Они так весело играли на круглой площадке сквера, а бедных оборвышей не подпускали даже к железной решётке сквера. Колька делал несколько отчаянных попыток прорваться в этот заветный уголок, но был изгоняем отсюда стоявшим на посту городовым.

— Куда лезешь, чумазый?.. Разве не видишь, что тут господские дети играют?

Колька в таких случаях вспоминал Ваську, который дышал свежим деревенским воздухом, и клялся про себя, что вздует его.

III

Наступило лето, жаркое, душное, томительное. От накалённых каменных домов и мостовой так и пыhalо удушливым зноем. Главное несчастье составляла уличная пыль, висевшая в воздухе. Благодаря ей по вечерам закатывавшееся солнце казалось багровым, раскалённым докрасна шаром. Даже дождь мало освежал воздух, производя томящую испарину. Все дети приуныли, как растения, которые забыли вовремя полить. Они вяло бродили по двору, а днём, в самую жаркую пору, играли где-нибудь по чёрным лестницам, где всегда было прохладно и сыро. Все были такие бледные, изнурённые, жалкие.

— Эй, Колька, будет тебе баклуши бить! — кричал из подвального окна сапожник. — Пора, брат, и за работу приниматься...

Кольке эти любезные приглашения совсем не нравились, и он показывал сапожнику язык.

– Погоди, пострел, вот я уже доберусь до тебя! – грозил сапожник.

Он уже несколько раз говорил с матерью Кольки, чтобы она отдала сына к нему в ученье.

– Человеком будет, – убеждал он. – Лучше нашего ремесла нет. И всегда работа, потому что сапоги, брат, первое дело.

Мать Кольки, вдова-прачка, сама думала, что давно пора отдать сына куда-нибудь в ученье, но боялась таких учителей, как сапожник. Она достаточно насмотрелась на такую науку, когда учеников морили голодом и били чем ни попало. Жалела она крепко своего Кольку, хотя и был он сорванец. С другой стороны, мальчишка рос без всякого дела и мог избаловаться.

– Вот как избалуется, – уверял её сапожник, – потом и управы с ним не будет... Говорю: человеком будет.

Долго крепилась бедная женщина, а потом решила отдать Кольку в науку.

Это случилось как раз в середине самого лета, когда Колька попал в мастерскую сапожника. Он был огорчён и ничего не говорил.

– Первое дело, ты не будешь объедать родную мать, – объяснял ему сапожник. – А второе, будешь одет. У меня, брат, такое положение... У матери-то вон руки болят от работы, пора и тебе ей помогать.

Теперь Колька мог наблюдать за играющими на дворе детьми только из подвального окошка мастерской. Его костюм по-прежнему состоял из одной рубахи, а питаться приходилось картошкой со шкварками. Сапог ученикам не полагалось, потому что, по убеждению сапожника, от сапог бывают только мозоли. Работа у сапожника для Кольки была, собственно, нетрудная. Он сучил верву**, мочил кожу, бегал в лавочку и вообще был на побегуш-

ках; но скверно было то, что за малейшую провинность сапожник нещадно бил своих учеников шпандырем, то есть толстым ремнём.

– Человеком, негодяй, будешь! – говорил сапожник, производя свою расправу.

Колька как-то сразу притих, отупел и решил про себя, что непременно убежит от такой науки. Сначала у него было желание сделаться человеком, но потом постепенно уменьшалось.

«Убегу», – думал Колька.

Куда бежать – Колька не знал, потому что дальше своей улицы нигде не бывал, но это желание в нём росло и крепло с каждым днём. Сапожник, в свою очередь, отлично знал, как бегают новички ученики, и зорко следил за Колькой.

– Ты у меня смотри, – предупреждал его сапожник. – Я тебя пою, кормлю, я с тебя и шкуру сниму, ежели, например, что-нибудь неподобное. Меня-то вот как били, когда в науке был... Хе-хе! Места живого не осталось...

Все эти речи являлись плохим утешением, и Колька решил непременно бежать. Всё равно хуже не будет. В течение каких-нибудь двух месяцев он сильно похудел, ходил весь запачканный ваксой, волосы на голове стояли какими-то клочьями, как на крашеном меху. Но для того чтобы бежать, нужно было иметь запас хлеба, то есть корочек, которые он сберегал от еды. Колька теперь постоянно голодал и отлично понимал, что без хлеба далеко не уйдёшь. Потом, и в одной рубахе бежать было тоже неспособно. Но мать как-то сколотилась и подарила Кольке рваный пиджачок, купленный по случаю у татарина. Именно только этого и недоставало Кольке. О сапогах он и не мечтал, но зато мог выбрать по своему вкусу любые опорки***.

Но как раз, дело было уже осенью, когда Колька решил-ся привести в исполнение свой заветный план, кухарка Матрёна привела в ученье к сапожнику сына Ваську.

– Возьми ты его Христа ради, – умоляла она. – В деревне совсем избаловался. Сладу с ним нет.

IV

В первую минуту Колька даже не узнал своего старого приятеля Ваську, так сильно последний изменился за лето.

– Да ты весь распух, Васька, – удивлялся Колька и даже пощупал приятеля. – Ишь как отъелся, точно... точно наш старший дворник. Щёки-то, щёки-то так и трясутся!

Васька действительно вернулся из деревни настоящим здоровяком, даже с румянцем на щеках, чего петербургской дворовой детворе уж совсем не полагалось. Ваське даже самому сделалось совестно за своё чисто деревенское здоровье, и он как-то особенно глупо улыбался.

– Ничего, которое комариное салоросло в деревне, так мы его живой рукой выпустим, – успокаивал сапожник. – У нас некогда брюшину здесь распускать.

Колька долго не мог успокоиться. Совсем другой Васька, а не тот, которого он ещё недавно колотил при всяком удобном случае. Теперь, пожалуй, Васька и сам сдачи даст. Последнее предположение не замедлило оправдаться, когда Колька хотел ещё раз убедиться в толщине Васькина живота, – он быстро полетел на пол и получил несколько здоровых тумаков. Сапожник хохотал до слёз.

– Ну-ка, Вася, ещё залепи озорнику Кольке... Ха-ха! А ты, Колька, не приставай вперёд. Ишь как он разбух от деревенского вольного воздуха! Погоди, когда воздух-то весь выйдет из него, ну, тогда и озорничай...

Сапожник был, как говорил о нём швейцар Иван Митрич, какой-то «несообразный» человек. То он был с уче-

никами запанибрата, то начинал ни с того ни с сего придираться и проявлять свою хозяйскую власть. Последнее случилось, когда у него «таяло» в горле после вчерашней выпивки и ему начинало казаться, что его решительно никто не уважает, а больше всего собственные ученики.

– Я вам всем покажу, каков есть человек Поликарп Гаврилович Чумаев! – кричал он, размахивая руками. – Мне и старший дворник наплевать... Самому околодочному недавно подмётки выправил в лучшем виде. Да...

– Ох, не пугай! – шутил Иван Митрич. – Вот только над землёй-то тебя немного видно, а значит, всё остальное под землёй...

Подгулявший сапожник успокаивался только тогда, когда брал себе на колени свою дочь Анютку, для которой у него ничего не было заветного. «Одна дочь, как бельмо в глазу...» – говорил Чумаев.

Возвращение Васьки из деревни произвело среди дворовой детворы большое волнение. Стояла уже осень, дождь неудержимо лил целыми днями, и дети свои игры перенесли на чёрные лестницы. Поступившего в ученики к сапожнику Ваську можно было видеть только мельком, когда он босой и без шапки летел через двор куда-нибудь в мелочную лавочку.

– Эй, Васька, стой! – кричали ему вдогонку. – Васька, расскажи про деревню...

– Некогда! – на ходу отвечал Васька, исчезая в воротах. Свободный день у Васьки был только воскресенье, и то, если не было срочной работы. Вот в одно из таких воскресений Васька наконец показался на дворе. Он был в белом сапожническом фартуке и в опорках. Дети окружили его со всех сторон и всячески тормозили. Васька немного важничал и не вдруг принялся рассказывать.

– Что деревня, – просто избы стоят...

– А что такое изба?

– А это... ну, вот в том роде, как наш дровяной сарай, только с печкой. Ну, и огород при этом.

– А огород что такое?

– Ну, значит, гряды копаны, а на грядах всякая овоща насажена: капуста, репа, горох, морковь. Мужик не побегит в мелочную лавочку, потому как всё у него своё. У него и хлеб свой... да.

Понятие об избе и огороде кое-как укладывалось в головах слушателей Васьки, но что такое «свой хлеб», – они никак не могли понять.

– Это значит, у каждого мужика своя мелочная лавочка? – догадывался Колька. – Сколько захотел, столько и отрезал ситного или ржаного.

– Ну, вот и нет, – объяснял Васька уже с видом специалиста. – Муку видал?

– Слава богу, достаточно насмотрелся... Постоянно кле-стер варим из муки для подмётки.

– Ну, мука делается из зерна...

– Из зерна кашу варят, ты не ври, пожалуйста...

– Зерно зерну рознь, Колька... Там греча – одно, ячмень – другое. Ну, из них кашу и варят. А хлеб – это совсем наоборот: первое дело – рожь, потом – пшеница... Из ржи мелют на мельнице ржаную муку, а из пшеницы – пшеничную. Вот тебе и свой хлеб выйдет...

Ваське пришлось раз пять объяснять одно и то же, но городские дети, не видевшие ни пашни, ни колоса, ничего не могли понять.

– Вы просто дураки! – в отчаянии решил Васька.

V

Каждое воскресенье и каждый праздник Ваську заставляли рассказывать о деревне, и с каждым разом недоверие к нему росло всё сильнее. Городские дети, не

бывавшие никогда за городом, никак не могли себе представить, что такое лес, пашни и т. д. Васька выбивался из сил, стараясь объяснить всё, что видел, но из этого ничего не выходило.

– Дерево-то во какое, повыше нашего дома будет... А в лесу даже днём темно.

– Кто же его сажил, лес-то? – коварно спрашивал Колька.

– Никто не сажил, а сам вырос.

– Ну, это уж ты врёшь!.. Я своими глазами видел, как садили деревья в сквере. Ямку выкопают, а потом дворники привезут дерево и посадят в ямку, засыпят землёй, польют водой, колышек воткнут и к колышку верёвкой привяжут.

Дети не знали разницы между берёзой и сосной, не говоря уже о других лесных породах, и смеялись над Васькой. Какое же это дерево, которое и зимой стоит зелёное.

– Врёшь ты всё, Васька...

– Ей-богу, не вру! Ну, вот сейчас провалиться... Своими глазами всё видел. Сосна во какая высокая, ёлка во какая высокая... А дворников в деревне никаких нет. Всякий в своём доме дворник.

Последнее было уже совсем невероятно. Ну какой же дом без дворника? Ваську поднимали на смех и изводили всячески. Особенно донимали его просьбами не врать, а говорить правду. Васька божился, колотил себя в грудь кулаками, но не мог рассказать другого, кроме того, что видел собственными глазами.

– Да ей-богу же! Ах, господи...

– Васенька, миленький, не ври...

– Я?.. Да вот сейчас провалиться на самом этом месте...

Относительно леса ребята ещё соглашались с Васькой, хотя и не совсем. Ну, что же, ежели высокое дерево выросло без дворников, это детская фантазия ещё допуска-

ла. Мерой для этого понимания служили чахлые деревца в сквере... Но вот «свой хлеб» – это было уже выше детского понимания.

– А солому видали? – спрашивал Васька.

– Очень просто: жёлтая, колючая. Ей матрацы набивают.

– Ну, а на каждой соломинке колос, а в колосе зёрна, а из зёрен муку смелют...

– Васька, не ври!.. Это сколько же надо твоих колосьев, чтобы один фунт ситного вышло?

– А столько, сколько надо!

– Целого воза соломы не хватит... Что-нибудь да не так.

– Ничего вы не понимаете!..

– А ты ещё приври...

Кончилось дело тем, что Васька обиделся и перестал рассказывать о деревне. Но это повело только к новым обидам и насмешкам.

– Ну, Васька, соври ещё что-нибудь про деревню!

– Васька – лгун!..

Особенно озлобился на него Колька и преследовал на каждом шагу, а в заключение пребольно поколотил.

– А вот тебе, вот тебе! – выкрикивал Колька. – А, Васька, не ври... Не обманывай публику...

– Колька, валяй его! – поощряли другие.

Время шло. Васька превратился в настоящего сапожника. Колька служил у него подмастерьем. Сидя за своей бесконечной работой, Васька часто думал о своей единственной поездке в деревню, и ему самому начинало казаться, что это был какой-то сон.

---

* *Околоточный* – околоточный надзиратель, полицейский, ведающий районом города – околотком – в дореволюционной России.

** *Сучил верву* – скручивал, свивал нитку.

*** *Опорки* – старые сапоги со срезанными голенищами.

МИХАИЛ ОСОРГИН

Замечательный русский писатель Михаил Андреевич Осоргин (1878–1942) родился и учился в Перми, но очень долгие годы вынужден был прожить вдали от Родины, за рубежом, и всегда тосковал о ней. Во многих книгах писателя отразилась эта светлая печаль, особенно в тех, где он вспоминает родные прикамские места, Каму и Пермь.

Читая отрывки из его автобиографического повествования «Времена», ты увидишь, как любовно и тщательно описывает Осоргин мельчайшие подробности и приметы своего уральского детства.

А. Каплун. Родина моя. 1915 г.

ВРЕМЕНА

Отрывки из автобиографического повествования

ДЕТСТВО

...Далёкое прошлое всегда – сказочная страна. Может быть, я родился в жалком городишке, о котором нечего рассказать, но я беру не палитру и кисти, а набор цветных детских карандашей и приступаю к работе.

Я рисую приземистый дом в шесть окон с чердаком и с двух сторон протягиваю в линию заборы, за которыми непременно должны быть деревья, может быть, липы и тополя, но во всяком случае черёмуха, дерево самого раннего цветения. Мне её не изобразить чёрточками, потому что тут всё дело в горьком аромате, – только недавно стаял снег, дворник сметал его с крыши, а ледяные сосульки откололись и упали сами, вкусные конфеты, от которых зябнут и румянятся пальцы в варежках, а на губах остаётся шерстяной вкус. Для начала – для весенних дней – никаких, ни ярких, ни мешаных, красок не нужно, и на севере мы начинаем с белого и чёрного: чёрное пробивается сквозь белое талыми островками, а золото солнца ненарисуемо и неописуемо, его сам представь и предположи. Этим начав, мы потом сразу переходим на музыку, слушаем капли и ручейки, и как вздыхают и кряхтят снега и льдинки, и как везде и нигде гомонят птицы, обычные наши вороны, галки и воробьи, и прилётные голоклювые любимцы Герасима Грачевника*, и красноперые голосистые щеглята, и скворцы, для которых на каждом дворе ставились домики на высоких шестах. Этот гомон слышно даже сквозь двойные оконные рамы, и вообще весна не дожидается, чтобы вышли на неё посмотреть, а врывается сама и в щёлочку, где отпала замазка, и в печную трубу, и на чердак, и бегом по лестнице

в намокших валенках. Ей ждать некогда, потому что уж очень много предстоящих дел. Мать говорит: поди погуляй, да надень калоши, валенки промокнут, и по лужам не бегай, – и я, конечно, по лужам не бегаю, а топчусь в ручейках, пока в ногах не захлюпает холодная вода.

На другое утро чёрное побеждает нестойкую белизну, а на улице перед домом оттаивает и вскрывается весь навоз, накопившийся за зиму, и тогда впервые появляются путаные цвета, из которых потом мы будем выделять красное к красному, зелёное к зелёному, всё на свои места; конечно, и белое оставим – и вот расцветает черёмуха.

...Помню, однако, что улица была широка и по самой её середине шла огороженная низким палисадом липовая аллея, которая у нас называлась бульваром. На пересечении поперечных улиц она прерывалась, и каждый её отрезок с обеих сторон замыкался калитками. Так она шла из конца в конец города, и это значит, что от опушки пригородного леса до соборной площади, откуда был вид на Закамье – с высокого левобережья нашей замечательной полноводной стальной реки.

...По другую сторону города, от реки вглубь, сейчас же за заставой с орлами, начинался лес, почти не рубленный и, конечно, нечищенный, так как для стройки и роста домов хватало береговых природных богатств и ещё много пригоняли сплавов с севера. Между столбами заставы зачиналась и дальше уходила прямой гладью в тысячеверстие, лишь поднявшись и сбегав через хребет Уральских гор, укатанная почтовой гоньбой и утопанная арестантами нескончаемая дорога, которую мы звали Сибирским трактом. Ближний отрезок этого тракта я знал с самых ранних лет: и особенно на его четвёртой версте

поворот налево, на плохую просельную дорогу, сначала в лес, потом ржаными полями, скатами, взбегами и перелесками – в деревню Загарье, где летом мы жили на даче, а попросту в пятидымной дереvушке, в крестьянской избе, нависшей над склоном, заросшим душистой клубникой.

...Был праздников праздник и торжество из торжеств, когда приезжал отец, на два-три дня, а раз в лето на две недели. Он всегда что-нибудь придумывал. С ним мы ходили в далекие прогулки, часто по лесу до самого кордона – до военного караульного поста в глубине леса, где, впрочем, никогда ни одного солдата я не видал. В этих походах с отцом я понял и полюбил лес, его тайну и его величие. Я узнал от отца, что тёмные орешки, которыми усыпан лес, это заячьи покидки, и только по свежим может учуять зайца собака; но зайцев было в лесу столько, сколько в городе на неглавной улице прохожих людей. На ёлках было столько же и ещё больше белок, которые прямо нам на голову сыпали шишечную шелуху. Волки летом держались далеко от людских жилых мест; медведей отец не велел мне бояться, они на человека не нападают, они очень добрые, питаются мёдом, ягодами, кореньями, да и не встретишь их иначе, как в очень глухом лесу без дорог и тропинок. Птиц отец называл по именам, но их было так много – самых разнообразных, и больших и маленьких, – что запомнить я не мог, только знал, что самая большая, испугавшая меня на опушке, где от её взлёта закачалась осина, была глухарь, впрочем, уже знакомый мне по оперенью, потому что в городе часто приносили глухарей с базара.

Так как мой отец не был охотником и брал с собой в лес только револьвер-бульдожку и компас, то больше мы занимались растениями и цветами, собираньем которых он увлекался даже больше меня. Он привозил из городу

кипу серой рыхлой бумаги, нарезанной большими листами, вдвое сложенными, и мы составляли гербарий.

...На полянах цветов было бессчётно, так что даже, отчаявшись собрать все, мы вдруг равнодушно отвёртывались от их красоты и яркости и отдавали всё внимание только злакам – пахучему колоску, лисохвосту, трясунке, перловнику, мятлику, костеру, гребнику и сборной еже. Возвращаясь домой через речонку, я набирал на болотце букет жёлтых купавок, которые очень любила мать, а если попадались крупные незабудки, тамошней нашей голубизны, то и их приносил матери, у которой были голубые глаза, ко мне не перешедшие: у меня глаза отцовские.

Но самым любимым нашим спортом был грибной, и тут все свои великие знания отец передал мне целиком. Я даже в раннем детстве не понимал, как можно ошибиться и принести домой поганку! Или как ложную лисичку не отличить от настоящей, при всём их кажущемся сходстве! Одно – масляник, и совсем другое – козляк. И рыжая волнушка все же не рыжик! Рыжиков мы также различали по сортам, и домой приносили только самых бутылочных и булавочных, потому что рыжиками были полны наши еловые и пихтовые леса. Головы боровиков нанизывались на суровую нитку и сушились на зиму, на Великий пост; белый груздь солил я в кадушках, и наше дело было только набирать корзины, а остальным ведала Савельевна, наша строгая кухарка, которой мы все боялись, а мать перед ней немножко даже заискивала. Но Савельевна приезжала в деревню только ближе к осени, как раз к грибам, а всегда была с нами моя нянюшка, Евдокия Петровна, мастерица по части ягодного варенья. Она никогда не упускала случая наварить побольше клубничного, потому что в городе клубники не достанешь никогда, а если и достать бы – не тот аромат,

как на нашем косогоре. А впрочем, скажу просто и решительно: нигде в мире такой клубники, как наша, я никогда не встречал, и вообще эту ягоду немногие знают и путают с другими. И в Европе полевой клубники нет, разве что в Скандинавских странах. Если мне скажут: «Она есть!» – то я, прищурившись, ядовито спрошу: «Может быть, у вас растёт и морошка?» – и человек увянет от смущенья...

Сквозь голубое стёклышко... памяти я вижу себя трёх-четырёхлетним на дворе того же дома, под ручку с девочкой-однолеткой; мы идём важно, и наши лица серьёзны: первый роман. Кто-нибудь научил нас так гулять, и я ощущал это как мой долг перед слабым существом, нуждающимся в моей защите. Не игра, не забава, а предвидение трудности и сложности жизненного пути. Пока идёшь прямо – всё просто, но при поворотах мы топтались, сталкивались и наступали на ноги, а нельзя было терять устойчивость и уже нельзя разделить. Её называли моей невестой, и я принимал это со спокойной серьёзностью. Затем она вдруг исчезает из памяти, не оставив даже имени, и двор делается ареной страсти: с мальчиками мы играем в бабки. Язык, приспособленный только к домашнему, обогащается новыми словами – гнёздами, битками, свинчатками, гвоздырём, – гораздо больше слов, чем знает даже мама... Играли в поджошку, в пристенок, в краснокудак, игры азартные, и мне случалось проигрываться начисто и стоять, гордо сдерживая слёзы, и потом, вернувшись в дом без единого гнезда, чувствовать себя глубоко несчастным.

...Дома у нас по воскресеньям играли в херсонский вист, в преферанс и классический винт: отец, мать, Марья Павловна и барон Зальц, председатель суда, огромный

человек, куривший сигары... В лице этих ближайших друзей и партнёров моих родителей вторгался в наш домик внешний мир; сверх того, он появлялся под личиной портнихи, прачки, сапожника (готовой обуви не носили, да и была ли она?), почтальона и доктора Виноградова, который приглашался только в серьёзных случаях, а обычные болезни мать лечила липовым цветом, клюквенным морсом, спермацетной мазью, паутиной, касторкой и каплями Иноземцева, справляясь в домашнем лечебнике. И были ещё два явления, отражавшие для меня загадочность внешнего мира: водовоз и судебный курьер.

Водовоз был настоящим и изумительным зимой: летом мало замечался. В большие холода (а они доходили у нас до сорока градусов) в ворота въезжала обледенелая лошадёнка, тащившая на обледенелых санях такую же бочку, а сбоку шла совершенно твёрдая, такая же ледяная, не вполне человеческая фигура в тулупе, которая от сильного удара должна бы разлететься со звоном на куски: но ноги и руки у человека почему-то продолжали двигаться. Его голова была обвязана тряпками поверх шапки, весь мех которой, как и борода человека и его усы, превратился в белого ежа, растопырившего колючие сосульки.

Навстречу ему, тоже обвязанная, но мягким, выходила с ведром Савельевна, и тогда ледяной дед, не сгибаясь, влезал на сани и стеклянным огромным ковшом, не имевшим никакой формы, вычерпывал из верхнего стеклянного отверстия бочки густую воду со льдинками и звонко лил её в принесённое Савельевной ведро, а она, одной рукой подобрав юбки, другую с ведром отставив крутой дугой, шершавила валенками по снегу к сеням, где стояла кадка для воды. Я, укутанный башлыком так, что только для глаз оставалась мохнатая белая щёлочка,

смотрел через эту щёлочку на водовоза, и он, вместе с бочкой и с лошадьё, казался мне единым целым, отлитым изо льда, так что было необъяснимо, как он может шевелиться. И ещё смотрел на чёрные глаза лошади, тоже окружённые иголками, и на её седую бороду, окатываемую двумя струями пара, выходявшего из ноздрей. Между лошадьё и человеком разница была только в том, что лошадь стояла на четырёх ногах и у неё был хвост, облитый выплесками воды и похожий на расколотое берёзовое полено. Как ни был величествен водовоз, но никогда в обычных детских думах я не мечтал стать таким же; иное дело – судебный курьер, ежедневно приносивший отцу бумаги.

У курьера были светлые пуговицы и фуражка с цветным околышем. Он представился мне исключительно изящным человеком и очень важным. На кухне он не стоял, а садился и громко разговаривал с Савельевной, которая тоже его уважала. Няня здоровалась с ним за руку и звала его по имени и отчеству.

...Но окончательно меня завоевал курьер в день моего рожденья, когда он доказал свою способность летать по воздуху. Отец меня любил и баловал – самого маленького из детей. К именинам, к рожденью, на рождественскую ёлку я получал от него самые замечательные подарки, всегда те самые, о которых мечтал и проговаривался. Однажды перед моим рожденьем отец уехал на «сессию» – куда-то в уезд кого-то судить; так бывало раза два в год, и его отсутствие продолжалось подолгу, так как поездки были дальними, на лошадях по огромной нашей губернии. И хотя я не был корыстным, всё же день рожденья без отца терял большую долю приятности. И вот, помню, в самый день утром, часов в девять, меня вызвала Савельевна в кухню, где оказался отцовский курьер, вру-

чивший мне большой пакет, будто бы только что привезённый им от моего отца. В пакете были подарки: альбом для рисования, краски, цветные карандаши. Было приятно, хотя я в этот раз больше мечтал о коньках и лобзике для выпиливания. Ровно через час опять пришёл курьер с новым подарком от отца: это был лобзик, к нему пилки, дрель и тонкая ольховая доска. И это опять послал отец из своей «сессии». Ещё через час у меня были молоток, стамеска, буравчик, подпилочек и отвёртка, всё нашитое на картонном листе, и каждый раз курьер говорил, что «папенька кланяются и спрашивают, понравился ли подарок». Подарки мне очень понравились, но я не понимал, как же это так курьер всё время ездит к отцу и обратно, а говорили, что это очень далеко, двое суток езды на санях. Я его об этом спросил, и он мне подтвердил, что на санях действительно суток двое, не меньше, но что он летает на крыльях прямым путём без объезда, как ворона, туда-обратно без минуты за час. И действительно, ещё через час он привёз мне деревянные коньки с острой железной полоской, такие, что можно их подвязывать под валенки и кататься – хочешь, по льду, а то и по снегу. Мать слов курьера не подтвердила – она никогда меня не обманывала, – но посоветовала мне спросить папу, когда он приедет, как он присылал мне подарки. В этот день мои руки были изрезаны, истыканы, провинчены и распилены; из большого пальца, особенно сильно пострадавшего, была сделана белая куколочка, и катанье на коньках было отложено до завтра.

Не помню, была ли у меня игрушечная лошадь; вероятно, была. К сожалению, были оловянные солдатики – гнусная игра, развращающая детское сознание: с тем же успехом можно дарить виселицы и гильотинки. Но нич-

то не увлекало меня так, как плотничество, столярничество, выпиливание – всегда под отцовским руководством; он же приучал меня к уходу за растениями, и, при тамошних морозах, у нас был дома устроен «зимний сад»: большая комната в два света, в ней пальмы, фикусы, лимоны, кактусы, много цветущих растений. Что привито в детстве, то остаётся на всю жизнь, и я не очень затруднился бы стать Робинзоном: ничего, по-моему, кроме удовольствия!

Я научился читать пяти лет и в семь сам прочитал изумительнейшую книжку «Робинзон в русском лесу»^{**}; автора не помню, но лучшей детской книжки не было никогда написано. Она меня завоевала и заполнила целиком моё детское сознание. Всё это, конечно, хорошо, все эти благородные английские мальчики, лорды Фонтлерои, принцы и нищие, хижина дяди Тома, особенно твенновские Томы Сойеры и Геккельберри Финны^{***}, увлекательно, забавно, полезно, но всё это появилось потом и было выдумкой, тогда как русский Робинзон со своим приятелем жил в лесу где-нибудь поблизости от нашего города или от деревни Загарье, а уж если по совести говорить, то это был я сам, хотя и до слёз было жаль расстаться с матерью, отцом, няней, Савельевной, курьером и водовозом. Это я выстроил хижину и частокол от волков, и я сеял рожь, собирал и сушил грибы и делал зарубки в лесу на деревьях, отыскивая путь к жилым местам, хотя мне совсем не хотелось возвращаться домой. Какая красота в этом сожителстве с лесом, какое счастье делать всё своими руками, быть полновластным хозяином неизвестного мира, смело противостоять опасностям, создавать всё из ничего! И когда мальчики выбрались из леса, где прожили, кажется, несколько лет, я им не завидовал: я бы предпочёл там остаться навсегда. Я и сейчас отдал

бы в обмен на их хибарку и их затерянность – пять частей света и собрание старинных книг в придачу... Лишь одно непеременимое условие – моему Робинзону необходим русский северный лес, со снегом, медведем и рыжиками.

Одна из моих временных хижин помещалась под отцовским письменным столом, но это было раньше, чем я прочитал замечательную книжку. Стол был приставлен к стене, так что получалось убежище, крытое и очень удобное. Ноги отца мне нисколько не мешали, и мои, вероятно, мешали ему гораздо больше. Ковёр был мягким сиденьем, корзина с сорной бумагой – предметом жилой обстановки, а никаких дел и развлечений не требовалось: я просто мечтал. О чём?.. Большой письменный стол отца превращался в пещеру, размытую в скале вытекавшей из неё подземной речкой, и волосатый человек вползал в неё осторожно, не задев отцовской ноги и опасаясь натолкнуться на пещерного медведя; здесь он доглядывал вчерашнюю кость убитого камнем утконоса и при первом извне донёсшемся шорохе заползал вглубь, впотьмах пробираясь по руслу речки до каменного уступа, кончавшегося площадкой. Осколком сталактита он рисовал на стене изображение самого страшного зверя, и это было для него необходимостью, зовом искусства... Но сильно затекла согнутая нога, пришлось протянуть её по ковру, а рука отца нащупала мою голову и потрепала за хохолок на затылке, который никакой помадой не примазывался.

...Другой конец улицы, как я сказал, уходил к соборной площади на крутом берегу Камы. С этой рекой в моей памяти связано лучшее, что в жизни было, хотя та вода ушла в море и возвратиться не может.

...Кама для меня как бы мать моего мира, и уж от неё

всё пошло, и реки меньшие, и почва, на которой я стою...

У нас, людей речных, иначе видят духовные очи; для других река – поверхность и линии берегов, а мы свою реку видим и вдаль, и вширь, и непременно вглубь, с илистым дном, с песком отмелей, с водорослями, раками, рыбами, тайной подводной жизни, с волной и гладью, прозрачностью и мутью, с облаками и их отражением, с плывущими плотами и судами и с накипью и щепочками, прибитыми к берегу... Я не могу просто рассказать, что вот таковой она, река, была для меня в детстве, а потом я купался в других водах, и вот остались воспоминания, – это всё не то, тут ни при чём и возраст, и прожитая жизнь, и я сейчас покачиваюсь в душегубке на мёртвой зыби, и в борта лодки хлюпают камские струи, а небо надо мной – шатёр моей зыбки, и я, уже старый, всё ещё пребываю в материнском лоне, упрямый язычник, и плыву, и буду так плыть до самой моей, может быть и несуществующей, смерти. В этом чудесном слиянии со стихией я слышу всё, что происходит в воде: весёлый визг стрелками мелькающих уклеек, тяжёлый храп столетней щуки, щёлканье клешней тёмно-зелёного рака, хохот резвящихся пескарей, пересыпанье песчинок, – а надо мной, в высоте, степенный разговор кучевых облаков, караваном возвращающихся из ночной подзвёздной прогулки.

У моей лодочки было своё названье, я сам её красил и смолил, она ничего не боялась: ни пароходных валов, ни пребывания над бездной, ни окрика с надвинувшихся плотов, ни потери вёсел, – потому что я сам бросил их за борт, чтобы, испытывая судьбу, подгрести к ним голыми руками, а в стальной воде мелькнул кольцом огромный угорь, похожий на змею.

Верстами тремя выше по течению был дикий островок, на нём кустарник и много птиц, и в девять лет я мечтал

о том же, о чём мечтаю сейчас, – о жизни без тени несвободы, об оазисе без прав и обязательств, о такой точке земли, где солнце заменяет часы и достаточно одного своего голоса. Вытащив на отмель лёгкую лодочку, я насквозь пронизывался счастьем Робинзона и шёл заново исследовать свой мир, хотя знал его достаточно. На острове всегда было прохладно, даже в самый жаркий день, и было жутко до сладости, без города, без людей, без моста в прежнее, по которому можно было бы вернуться бегом под отчий кров, – от жилого меня отделяли речные бездны. Я приплывал сюда ради этой жути, которую нужно было преодолеть, глядя на жизнь незнакомых с нею птиц, купавшихся в нагретом песке. И когда я возвращался к оставленной лодке, чтобы плыть обратно, это было всё равно что в горах подойти к самому краю пропасти, заглянуть в неё, потом зажмуриться и склониться над бездной. Столкнув лодку в воду, я не успевал лечь на дно, как прибрежные кусты уже прощально убегали, а птицы становились маленькими точками. Лёжа навзничь, я плыл теперь по небу на самолёте, – ещё не было тогда никаких самолётов, кроме рассказанных в сказках. И я снижался только тогда, когда доходил до ушей шум города или стук паровозных колёс. Вдруг став благоразумным мальчиком, я садился за вёсла и с середины нашей огромной реки, как с холма, скатывался к населённому и деловитому городскому берегу.

Продёрнув цепь в кольцо и защёлкнув висячий замок, я чувствовал большую усталость – от солнца, от ослепления водой, от впечатлений. Дорога на крутой берег. Первые шаги просты – как детство; круча начиналась дальше, и, чтобы не идти в обход, по дороге, я взбирался по тропинке, вытопанной на подъёме ногами молодых. В глазах бельмами прыгали блёстки воды, ладони цемило от вёсел...

Дорога домой идёт мимо почты, через тополевы́й теат-
ральный сад, минуя гимназию... Ближайшей осенью я на
приёмном экзамене не сделаю в диктовке ни одной ошиб-
ки, и учитель русского языка, дохнув табаком и водкой,
скажет: «Молодец, будешь писателем!» – кони взвоят-
ся, и колесница жизни помчится по ухабам, пока не ока-
жется, что это были только розвальни, влекомые каракоч-
ной клячей. Сразу, из трёх великих стихий: земли, воды
и воздуха – в неверие серого и наскучившего быта. И,
вычеркнув написанное наудачу будущее, опалённый солн-
цем, с порванными коленками, я возвращаюсь домой, и
мать облегчённо вздыхает: «Боюсь я этих твоих ката-
ний!» Я говорю: «Знаешь, мама, я видел в воде огромного
угря, совсем как змея!» И она ласково старается приглас-
ить мой непокорный вихор...

Когда мой отец приезжал в деревню, мы шли с ним
открывать новые родники и пили воду из резинового ста-
кана. «Ты знаешь, куда бежит эта вода?» – «В речку». –
«А из речки?» – «В Каму». – «А из Камы?» – «В море». –
«Ну а из моря?» – «Из моря куда-нибудь в океан». –
«Может быть, она и добежит до океана, а может быть,
просто – смотри! – И он показывал мне на облако: – Вон
она возвращается к нам!» И я знал и знаю, что всё воз-
вращается и снова уходит, что гибнет растение – но воз-
рождается в зерне; что путь пролетевшей пчелы повто-
рит другая, что вечен перелётный возврат птиц...

---

* Любимцы Герасима Грачевника – день Герасима Грачевника (4 марта) счита-
лся сроком прилёта грачей.

** М.А. Осоргин вспоминает о книге О. Качулковой «Робинзон в русском лесу»,
очень популярном в России конца XIX века произведении.

*** Писатель перечисляет героев американских книг «Маленький лорд Фаунт-
лерой» Френсис Элизы Бёрнетт и широко известных повестей Марка Твена.

СТИХИ О ВОЙНЕ

О подвиге нашего народа в Великой Отечественной войне создано много прекрасных и точных стихов. Но самые убедительные — те, которые написаны поэтами-фронтовиками. Они узнали тяготы войны не из сводок и газет. Их стихи рождались в окопах на полях сражений, на койках госпиталей, в горькие послевоенные ночи, когда приходят в сны уцелевших бойцов погибшие товарищи.

Константин Яковлевич Мамонтов (1918–2000), уроженец Ординского района Пермской области, в одном из боёв 1941 года был тяжело ранен. Потерялся его планшет, а там лежали шесть блокнотов со стихами. Прошли годы. Мамонтов вернулся к мирной жизни, водил электропоезда. И вдруг в Москве выходит сборник стихов поэтов, погибших на фронте, а там — стихи Константина Мамонтова. Оказалось, что один из санитаров передал в газету его блокноты, думая, что их хозяин погиб. Только теперь стало известно, что Константин Яковлевич жив, работает и по-прежнему пишет стихи.

Николай Фёдорович Домовитов (1918–1996) тоже отважно воевал, был ранен. Награждён орденом Отечественной войны и восемью медалями. Он приехал в Пермь из Донецка и написал здесь много хороших стихов, выпустил несколько поэтических сборников.

И кричим, задыхаясь:
– Атака отбита!
Убежать бы к друзьям мне,
А я не могу –
Я живой,
А друзья – из гранита.

БЕЛЫЙ ПАРОХОД

Былое реже видится с годами,
Но сколько их сквозь сердце ни пройдёт,
Мне не забыть, как тихо плыл по Каме
Наш госпитальный белый пароход.

Он плыл вперёд под серым небосводом,
Держа в верховья дальние маршрут,
И резко пахло фронтовым йодом
Из пароходных маленьких кают.

А мы, войной помятые солдаты,
Пока для рот стрелковых не нужны.
И пароход, минуя перекаты,
Нас увозил подальше от войны.

Ещё с врагом не кончен поединок –
Мы вновь пойдём в атаку на врага.
И долго-долго крыльями осинок
Махали нам родные берега.

Мы плыли днём и плыли ночью белой,
И нам солдатки к пристани речной
Несли кульки с малиной переспелой
И пироги с начинкою грибной.

Нас, как детей, укачивала Кама,
И снились нам безоблачные сны:
То школьный двор, то ласковая мама,
Не тронутая снегом седины.

...Былое реже видится с годами,
Жизнь, как река широкая, течёт.
Плывёт всё дальше медленно по Каме
Мой госпитальный белый пароход.

ВЛАДИМИР РАДКЕВИЧ

Владимир Ильич Радкевич (1927–1987) родился в Смоленской области. После окончания пермского университета он заведовал сельским клубом, работал корреспондентом газет и радио. Первая книга поэта вышла в 1951 году и называлась «Добрый день», а затем появились поэтические сборники «Под звездами», «Уральская лирика», «Камский мост» и другие. Всё его творчество было связано с Пермским краем и пронизано большим чувством уважения к нему, любви к его людям. Кама, Чердынь, Соликамск, Кунгур, земля Коми — герои его стихов.

Какие названия ты дал бы двум стихотворениям Радкевича?

Попробуй объяснить некоторые поэтические образы. Например, такие строчки: «Почему на заре в озёра/ты металл расплавленный льёшь?..»

А. Репин. Кама

* * *

Вечно Каме по жизни народа струиться –
В переключке гудков, в тихом шуме лесов,
Где её на рассвете свободные птицы
Прославляют на сотни лесных голосов.
В том разливе такая спокойная сила,
Столько он и надежд, и любовью собрал,
Что без Камы Россия – уже не Россия,
Что без Камы Урал – не Урал.
Годы, как облака, всё шумят надо мною,
Вдоль по жизни иду – по колёно снега,
Но я счастлив и тем, что невидной волною
Бился, Кама, и я о твои берега.

* * *

В каждой сосенке сердцем узнаю,
Расскажи мне, седой Урал,
Где, в какой богатырской кузне
Ты природу свою ковал?
Как ты выдумал эти горы,
Синим лесом покрытые сплошь?
Почему на заре в озёра
Ты металл расплавленный льёшь?
А за Камой в ночи недалёкой
Тяжкий молот всё бьёт и бьёт.
Так ударит по наковальне –
Только звёзды под небосвод!
Сталеваром будь или поэтом –
Только жить тебе суждено
С этим пламенем, с этим светом,
С этой молнией заодно.
И в тебе найдут продолженьё
И тайга, и речной простор,
И магнитное притяженьё
Этих древних железных гор.

АЛЕКСЕЙ РЕШЕТОВ

Алексей Леонидович Решетов родился в 1937 году на Дальнем Востоке, в городе Хабаровске. Родители его были журналисты. Их несправедливо обвинили во вражеской деятельности, арестовали. Алексея и его старшего брата в годы войны уберегла, сохранила бабушка.

Повесть «Зёрнышки спелых яблок», рассказывающая о том тяжком времени, — единственное произведение Решетова в прозе, но, прочитав его, ты увидишь, что и оно пронизано поэтическим видением, потому что Алексей Леонидович — талантливый поэт с чуткой и ранимой душой.

Окончив техникум, Решетов двадцать лет проработал на калийном комбинате в городе Березники. Стихи его сначала печатаются в газетах и журналах. Потом появляются книги («Белый лист», «Чаша», «Рябиновый сад», «Лирика» и другие). Его стихи запоминаются с первого прочтения. В них нет ни одного случайного, ни одного лишнего слова.

Прочитай несколько стихотворений. К какому из них ты хотел бы сочинить музыку? Почему?

Найди в библиотеке какой-нибудь сборник поэта, прочитай в классе одно из понравившихся тебе стихотворений.

В чём, на твой взгляд, особенности творчества Алексея Решетова?

ЗЁРНЫШКИ СПЕЛЫХ ЯБЛОК

Отрывок из повести

В нашей комнате на тумбочке стоит ёлочка. Не целая, а только верхушка. У кого-то не влезла в комнату большая-пребольшая ёлка – вот и отрубили от неё верхушку. Ёлочных игрушек у нас не было, и бабушка вырезала и повесила на ветки модели из журнала мод. Они всё время поворачиваются к нам нераскрашенной стороной.

...Вставать не хочется. Надевай теперь эти гадкие штаны с железными пуговицами, эти стоптанные ботинки.

Один ботинок надевается хорошо, другой, как назло, не лезет. У Петьки – то же самое. Нога упирается во что-то твёрдое и не идёт дальше.

– Там что-то есть, – Петька засовывает руку в ботинок и щупает. – Не достаётся...

Взяв за пятку и носок, мы с силой встряхиваем ботинки. И тут на пол, почти одновременно, падают, стуча, два больших, спелых яблока.

– Яблоко! У меня яблоко! – кричит брат.

– Яблоко! – кричу я. – У меня тоже яблоко!

– Яблоки! – кричим мы, подбегая к бабушке.

– Баба, яблоки... Посмотри, баб, яблоки... Тут красненькое, тут жёлтенькое... Баба, баб, а где ты яблоки взяла?

Мы, забыв обо всём на свете, носимся по не протопленной ещё комнате.

Мы прижимаем яблоки к груди, заворачиваем их в подолы рубашек, лижем разноцветную, пахучую кожу:

– Моё с веточкой!

– Моё с полосочками!

– Баб, это тебе в счёт работы дали?

Бабушка в телогрейке, перехваченной тесёмкой, выгре-

бают из печки золу. Звякая, в ведро вместе с золой падают обгорелые гвоздики. Вчера топили тротуарной доской. В ней было много гвоздей с гладкими шляпками, отшлифованными тысячами ног. В другой раз мы бы с удовольствием запустили в золу руки и выловили два-три похожих на червяков гвоздика. Но сейчас руки заняты яблоками! Они в сто раз лучше гвоздиков...

– Не бегайте в одном ботинке – это нехорошая примета. Залезайте в постель – видите, какая холодина! – говорит бабушка, и изо рта у неё идёт пар.

Холодина-дина-дина...

Мы залезаем под одеяло. Яблоки с нами. Им тоже холодно.

Холодина-дина-дина...

Светит лампа Аладина.

– Складно? – спрашиваю я Петьку. Мне очень приятно, что и я сочинил стихотворение.

Бабушка выносит ведро, разжигает печь. Потом присаживается на край нашей кровати.

– Баб, у тебя на лбу сажа. Нет, вот тут, ага – вот тут. – Петька высовывает руку с зажатым в кулаке яблоком и одним пальцем показывает, где у бабушки сажа.

– Баба, что с ними делать? – спрашиваю я.

– После супа скушаете. В яблоках много железа.

– Ой, – не верит Петька и тычет пальцем в яблочную щёку. – Там только зёрнышки, я знаю... – Баб, а правда, где ты яблоки достала? Мы знаем, что на паёк яблоки не дают и посылки с ними нам никто не присылает. Мы и видим-то яблоки впервые за столько лет.

– Знаете что... – говорит бабушка. Голос у неё таинственный, будто она хочет рассказать сказку. – Я ведь у вас ведьма. Я баба-яга.

– Бабы-ёги такие не бывают, – смеюсь я.

– Бывают! Спрячьте руки под одеяло! Вот я такая баба-яга. Вы вчера спали, а я раз-раз на метлу, в трубу и полетела...

– Куда? – в один голос спрашиваем мы.

– Ну, полетела... м-м-м... в Москву!

Бабушка прячет руки в рукава и продолжает:

– Прилетаю сразу в Кремль, спускаюсь через трубу, а там столы кругом, вазы на них стоят. Партизаны там в гостях. Ну, я потихоньку взяла два самых больших яблока и улетела.

– Баб, а почему ты побольше яблок не взяла?

– Больше нельзя. Иначе метла не выдержит – упадёт.

– И нет! Ты, баба, не баба-яга!

– Вот Фомы-неверы.

– Да нет, правду скажи, ты летала?

– Ну, конечно. На этом веннике.

– И самолёты видела?

– Как тебя сейчас.

– А когда ты ещё полетишь?

– Скоро, ребята, теперь уже скоро!

Я часто вспоминаю эти «кремлёвские» яблоки, купленные бабушкой за баснословную цену на базаре.

Яблоки мы съели, а их зёрнышки закопали в горшок от давно зачахшего цветка. И поливали их до тех пор, пока бабушка не убедила нас, что это пустая затея. Так холодно, разве они уцелеют?..

И вот, думая теперь о своём детстве, я всегда сравниваю нас самих и эти яблочные зёрнышки.

Только человеческое тепло защитило и спасло нас с Петькой в те суровые годы. Не очень-то много мы его и видели, но раз не погибли – значит, нет ничего на свете сильнее, чем даже самая скупая доброта человека...

СТИХИ

* * *

Осень кроткой была, что зорюшка,
Работящей была, что Золушка.
На покое она не сидела,
Окна мыла, пряжу прядла.
Как-то платьё поярче надела,
Да смутилась и сразу сняла.
И исчезла студёною ночью.
Где она? Зимний день – молчок...
Лишь лежит на снегу листочек,
Как потерянный башмачок.

* * *

Когда топорами стучат по берёзам,
Когда под копытами падает озимь,
Когда исчезают из Книги Природы
Весёлые птицы и ясные воды,
То мне самому, как природе, несладко:
Душа – как пустая бобровая хатка.

ИВОЛГА

Хворое солнышко еле встаёт,
Пасмурно в роще, но кто-то поёт.
Иволга! Иволга!
Только они
Свищут в такие ненастные дни.
Кожей гусиной покрылась река,
Дробью свинцовой стучат облака,
Ветер играет пеньковым гнездом –
Маленькой иволге всё нипочём!

– Фиу! – И дождь присмирел, перестал.
– Лиу! – И плёс хрусталём заблистал.
– Фитиу-лиу! – И в мире светло –
Иволга знает своё ремесло!

СТУЖА

Настали дни суровые.
И спрятаться спешат
Под шали под пуховые
Серёжки на ушах.
В лесу озябла клюквинка,
Меж кочек лёд блестит,
И пар идёт из клювика,
Когда снегирь свистит.

* * *

Снова в наших палестинах
Осень ясная гостит.
И трава, и паутина –
Всё на солнышке блестит.
Всё на солнышке искрится:
И озёра, и ручьи,
И поют лесные птицы
Песни дивные свои.

И выглядывает белка
Из укромного дупла –
Хоть мала, а худо-бедно
Всех детишек сберегла.
Сами носят в дом орехи,
Сами сушат впрок грибы,
Чай, осият все помехи,
Все превратности судьбы.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Опять на землю выпал первый снег.
И славно стало бодрствовать ночами.
Мне кажется – я новый человек
С широкими и сильными плечами.
И даже сердце вроде не болит,
И всё теперь должно пойти иначе,
И первый снег подснежники сулит,
И белый лист – далёкие удачи.

* * *

Я снова русской осенью дышу,
Брожу под серым солнышком осенним,
Сухой цветок отыскиваю в сене
И просто так держу его, держу.
Я говорю: отыскивай, смотри,
Пока не в тягость дальняя дорожка,
Пока вкусна печёная картошка
С ещё сырым колёсиком внутри.
А между тем зима недалеко,
Уже глаза озёр осенних смеркли,
Лишь вены на опущенных руках
Ещё журчат, ещё перечат смерти.

* * *

Эти тихие речки под тонкой слюдой,
Это пламя осин при клубящейся мгле,
Этот стог на лугу, как с нехитрой едою
Чугунок на шершавом крестьянском столе.
Далеко-далеко, далеко моё детство,
Сколько зим, сколько лет у меня на счету! –
Я на русский простор не могу наглядеться,

Всё гляжу и гляжу на его красоту...
В путь-дорогу пора перелётному клину.
Полегли камыши на глухих рукавах...
Не печалься, мой край, я тебя не покину,
Я в России живу не на птичьих правах.

* * *

Золотые врата, мелодично звеня,
Пропустите в далёкое детство меня.
Там я был одуванчику каждому рад.
Там со мной разговаривал старший мой брат.

Он ещё не погиб на скале-крутизне
И охотно читал сказки русские мне.
А чужие отцы, возвращаясь с войны,
Были с ним и со мной, как с родными, нежны.

Золотые врата,
Золотые врата,
Пропустите меня – моя совесть чиста.
Я чуть-чуть отдохну на траве голубой,
Среди жёлтых цветов, и обратно – в забой.
И друзей у меня настоящих не счесть,
И работа хорошая вроде бы есть.
И живу ничего, но всё крепче мечта –
Золотые врата,
Золотые врата...

ОЛЕГ СЕЛЯНКИН

Олег Константинович Селянкин (1917–1995) в боях за Родину проявил себя как храбрый морской офицер, за что был награждён орденами и медалями. Был четырежды ранен. После войны, возвратившись в родную Пермь, он стал писать, рассказывать в романах, повестях о своих боевых товарищах, погибших и оставшихся в живых («Школа победителей», «Вперёд, гвардия!», «Когда труба зовёт» и др.). Для детей он написал повесть о юнге «Есть так держать!».

Рассказ-быль «Дорога в бессмертие» взят из книги «Когда смерть рядом». **Б е с с м е р т и е** — это слава после смерти, посмертная память.

Прочитай быль и подумай, почему автор дал ей такое название.

ДОРОГА В БЕССМЕРТИЕ

Быль

Бессмертие выпадает не каждому. И различна дорога к нему.

...Матрос Фёдор Носков не слышал полёта мины. Он просто вдруг увидел перед собой столб огня. Яркий, грохочущий. Увидел, услышал его – и рухнул в бездну, где не было ни света, ни звуков.

Когда очнулся, над ним ярко горели звёзды. Каждая – словно электрическая лампочка.

Ещё он сразу заметил, что между звёздами снуют трасирующие пули... К Одессе. А когда оторвал глаза от неба, увидел вспышки разрывов. Впереди, с боков, сзади! Только здесь, где лежал Фёдор Носков, не было их.

И тишина вокруг... Может, тишина потому обволакивает, что в ушах моторчики шумят?

Фёдор хотел встать, но только шевельнулся – острая боль ударила по ногам. Так свирепо ударила, что тошнота комом вошла в горло, а неподвижные звёзды вдруг сорвались со своих мест, закружились суматошно.

Матрос припал грудью к земле, немного полежал неподвижно, потом, пересилив боль, сел. Да, большие осколки мины впились в обе ноги. Крови вытекло так много, что штанины хоть выжимай.

Значит, от потери крови тошнота душит...

Самое разумное, если ты ранен, отползти в сторону от опасного места и там смирённо лежать до прихода санитаров; беречь силы, коли много крови потерял.

Но Фёдор Носков нёс приказ командира полка морской пехоты, нёс в окружённый батальон, который по-прежнему твёрдо стоял на своем рубеже. Только новый

приказ командира полка мог заставить моряков отойти, спасти батальон от полного уничтожения.

О приказе командира полка вспомнил Носков, глядя на чёрное небо, утыканное яркими электрическими лампочками. Вспомнил, перевернулся на живот – и сразу заскрежетал зубами от боли, штормовой волной покотившейся по всему телу. На несколько секунд замер. Несколько секунд лежал будто мёртвый.

Нет, в тот момент он не думал, что становится на путь в бессмертие. Нет, он не думал, что совершает подвиг. Приказ у него – и этим всё сказано.

Мысль о приказе, который нужно доставить как можно скорее, была настолько властной, что, собравшись с силами, он пополз. Пополз к батальону. Сколько до него – Носков не знал, да и не хотел думать об этом. Он твёрдо решил: пусть хоть километр, пусть хоть два – он должен быть там.

Не лучше ли было вернуться к окопам полка, чтобы кто-то другой понёс приказ в батальон? Да, так было бы вернее. Если рассуждать, сидя в светлой и тёплой комнате. А Фёдор Носков с перебитыми ногами лежал в голой степи. Он, плача от боли, пополз к батальону.

Однако минуты через две Носков понял, что спешить ему нельзя: кровь сочилась из ран, он быстро слабел. Понял это и сразу же припал к земле, жадно вдыхая горьковатый запах полыни.

Отдохнув немного, сел. Разорвал на полосы форменку и перевязал раны.

Теперь снова вперёд, снова туда, где рвутся снаряды и мины, где ведёт смертельный бой батальон...

Говорят, когда тебе трудно, нужно думать о чём-нибудь постороннем, отвлекающем. Но Фёдор Носков ни о чём таком думать не мог. В мозгу билось одно слово:

доползти, доползти... Шесть раз останавливался передохнуть – это он хорошо помнил. Потом сознание замутилось...

Очнулся матрос Носков от ночной прохлады. Открыл глаза. Над ним висело всё то же небо. Только звёзды горели меньшим накалом. Значит, скоро утро.

Конечно, он знал, что если даже и останется лежать здесь, в степи, если здесь подберут его санитары, то никто не обвинит его в трусости, никто не упрекнёт в том, что не выполнил приказ. Какой спрос с тяжело раненного? Но ни на секунду не забывал Носков о том, что днём батальону не отойти – уничтожит его враг.

Страшно сделать первое движение... Боль наверняка калёной иглой вонзится в тело.

Матрос Носков, намереваясь перехитрить боль, для начала решил только дотянуться до кустика полыни, который торчал, казалось, почти перед глазами. Протянул к нему руку и... не достал. Пришлось всё тело чуть подать вперёд... Вот и сжат в кулаке этот кустик травы, огрубевший от палящего солнца. А впереди виден другой. Много таких кустиков полыни на пути Фёдора Носкова. И кажется ему, что они сами надвигаются на него. Только хватайся за них скрюченными, кровоточащими пальцами.

– Товарищ старший лейтенант, ползёт кто-то, – доложил дозорный и взял на себя затвор автомата.

Старший лейтенант подошёл, взгляделся в ночь.

– Ничего не вижу.

– Вон тот бугорок.

Бугорок, на который показал дозорный, – метрах в пяти от окопчика. Подумалось, что если это затаился враг, то он запросто может швырнуть гранату. Прямо в гнездо дозорного. Старший лейтенант ещё не принял решения,

когда тот, кого они приняли за бугорок, застонал, пробормотал что-то.

– Помочь надо, – сказал дозорный, посмотрев на командира. И тот взял его автомат, навёл на неизвестного.

Дозорный выпрыгнул из окопа. Вот он уже склонился над человеком... Бережно взял его на руки... Возвращается...

Луч карманного фонарика осветил лицо неизвестного. Оно было иссиня-белым. А бескровные губы всё шевелились, силясь сказать что-то.

– Федька Носков! – вырвалось у дозорного. – Вместе на торпедных катерах служили.

В это время Носков открыл глаза. Сначала в них не было ничего, кроме безмерной усталости, потом мелькнула тихая радость.

– Отходите... К полку.

Все ждали, не скажет ли он ещё что-нибудь, Фёдор молчал. Матросы хотели влить ему в рот вина, но врач сказал:

– Ему больше ничего не нужно.

С минуту все молча стояли, обнажив головы. Много смертей повидали матросы батальона. Но эта была особая: без жаркой рукопашной схватки, без выстрелов. Не золотили лучи солнца лицо Фёдора Носкова – не взошло ещё солнце, не рассыпали в небе трели жаворонки – грохот войны выжил их из этой степи. Но когда батальон начал отход, рядом со знаменем четыре матроса бережно несли тело Фёдора Носкова.

Минули десятилетия. И все эти годы, когда выстраиваются вдоль пирса на поверку моряки-черноморцы, парни, родившиеся после окончания Великой Отечественной войны, старшина неизменно выкликает:

– Матрос Фёдор Носков!
Шелестят ленточки бескозырок. Плещется море.
И каждый раз громко и чётко отвечает правофланго-
вый:

– Матрос Фёдор Носков пал смертью храбрых в боях за
честь, свободу и независимость нашей Родины!..

АЛЕКСАНДР СПЕШИЛОВ

Александр Николаевич Спешиллов (1899—1987) с горечью вспоминал: «Батрачество, нужда, нищенство — вот что было уделом нашей жизни, моего детства». Мальчишкой он пошёл бурлачить на Каму. Самоучкой овладел грамотой. Был и плотником, и столяром, и чертёжником, увлекался живописью, учительствовал, сотрудничал в газетах, работал в книжном издательстве.

Он был мастер на все руки и великий непоседа. Но прежде всего и всегда Александр Николаевич был писателем. Его роман об уральских речниках «Бурлаки» издавался несколько раз. Спешиллов записывал и собирал сказки, а из путешествий привозил повести.

Ты прочитаешь два забавных эпизода из повести «Приключения Белки в Саянской тайге». Белка — это собака, преданный и весёлый друг геологов.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БЕЛКИ В САЯНСКОЙ ТАЙГЕ

Главы из повести

СЛУЧАЙ НА РЫБНОЙ ЛОВЛЕ

Диких зверей в тайге мы не боялись. Даже медведя. При встрече с мишкой – такие встречи не были редкостью – он всегда первым улепётывал от нас. В вершинах деревьев хоронилась рысь. Это очень опасная, злобная лесная кошка. Но мы её редко видели, а если не видишь, не замечаешь врага, то и страха нет. Только осторожность не забывай.

Мы любовались красавицей Саянских гор – дикой козочкой. Удивительно, как она бежит почти по отвесным скалам. Резвится на таких кручах, которые доступны только ей да горному орлу.

Встречались нам и олени-маралы. При встрече этот благородный олень как молния пересекает дорогу и без шума скрывается в лесу. Мы удивлялись, как он не путается в лиственных зарослях своими ветвистыми рогами.

В тайге много гадюк. Идёшь, бывало, по болоту, устанешь, и вот заметишь высокое сухое местечко, отдохнуть хочется. Но садиться сразу ни на сушину, ни на камень нельзя, – гадюки тоже любят такие сухие места, чтобы на солнышке погреться. Несмотря на жаркие летние дни, мы носили грубые кожаные ботинки. Даже на привале у костра остерегались ходить босиком. Вдруг потревожишь гадюку, а она и укусит. В тайге, за тысячу километров от больниц, это могло кончиться плохо.

В одной из горных речек мы с Белкой по обыкновению удили рыбу. В прозрачной воде заманчиво играли хариусы. Когда я вытаскивал крупную рыбину, Белка на неё

никакого внимания не обращала, зная, что такая добыча не для неё. Когда же попадал малёк, она пыталась схватить его на лету. Я снимал рыбёшку и отдавал ей.

Иногда Белка так умильно смотрела мне в глаза, что я невольно закидывал леску ближе к берегу, чтобы выудить мелочь.

Стал накрапывать дождик. Я забросил удочку в последний раз. На Белкино счастье, попал маленький харюсок. Белка рванулась было к нему, но вдруг злобно зарычала. По камню, почти рядом со мной, ползла большая гадюка. Белка бросилась на неё и стала бить по голове передними лапами. Гадюка завилась кольцом, затем вытянулась. Пинком ноги я сбросил её в воду.

По дороге домой половину рыбы скормил я своей спасительнице.

СОБАКА В БАНКЕ

Белка никогда не лезла к столу, когда мы обедали. Она знала по горькому опыту, как опасно раньше времени подходить к обедающим. Ей за такие дела доставалось от шофёра Валентина.

Мы обедали, а нос собаки щекотали приятные-приятные запахи. Но близок локоть, да не укусишь. Белка издали глядела на нас и облизывалась.

Закончив обед, мы мыли и прибирали посуду. И только после этого Светлана наливала в Белкину кормушку еду и подзывала собаку.

Однажды, не дождавшись очереди, Белка нашла жестяную банку из-под свиной тушёнки и принялась вылизывать жирные остатки. Банка высокая, а самое вкусное — на дне, и Белка засунула туда голову до ушей. Всё вылизала и стала освобождаться от банки. Но не тут-то было! Крепко-накрепко вцепились жестяные заусеницы в го-

лову собаки и держали её, как в тисках. Она пятилась, каталась по траве, ползала. Банка позванивала, Белка жалобно пищала, но писк её слышался глухо, как из опрокинутого ведра.

Вначале нам было смешно, а потом стало жаль собаку. Видим, что без посторонней помощи ей не освободиться.

Тогда шофёр Валентин отогнул плоскогубцами колючие края банки, и Белка очутилась на свободе.

С той поры пустые консервные банки стали для Белки страшным пугалом.

ТИМОФЕЙ ФАДЕЕВ

Тимофей Павлович Фадеев (1937–1992) многое в своей жизни испытал, много профессий освоил. Он работал в колхозе, служил в армии, был журналистом, шахтёром, обучал детей и упорно учился сам. Он всё время учился писательскому мастерству. Тимофей Павлович был очень умелым человеком, художником во всём. Он сам построил себе красивый дом в Кудымкаре. Люди и сейчас любуются его домом. И читают его книги — рассказы, повести, романы о жизни коми-пермяцкого народа.

Рассказ «Руки матери» — о Великой Отечественной войне. Только он не о боях с врагом, а о жизни в глубоком тылу. Бойцы сражались на фронте, а здесь их жёны и дети выполняли мужскую, порою непосильную работу.

Попроси своих бабушек и дедушек рассказать о том, каким было их военное детство.

Подумай о том, какой высокой была цена нашей Победы.

РУКИ МАТЕРИ

Рассказ

Утреннее солнце неторопливо, словно нехотя, поднялось из-за зубчатой стены дальнего леса. Его красные, ещё не жаркие лучи коснулись верхушек тёмных, мрачноватых елей и пихт. Длинные тени упали на мокрый, серебристый от росы луг. Сизоватый, невесомо-лёгкий туман, низко стлавшийся над остывшей за ночь землёй между раскидистыми кустами густого тальника, медленно и зыбко заколыхался.

Митя переехал вброд неширокий, с топкими берегами ручей, выбрался на просёлочную дорогу, избитую копытами скота, изрезанную тележными колёсами.

Голоса и свист мальчишек, гонявших лошадей в ночное вместе с ним, раздавались далеко впереди. Но Митя не спешил их догонять. Опустив поводья, он ехал шагом, мерно покачиваясь худеньким телом в такт лошадиному шагу. Изредка он взмахивал веткой, отгоняя от босых ног надоедливых комаров.

Мите хотелось спать. Солнце приятно пригревало спину. В безучастной полудрёме он не замечал прелести пробуждающегося утра: ни мокрых и блестящих от росы листьев деревьев, ни самой росы, хотя её капельки, мелкие, словно бисер, то и дело вспыхивали под лучами солнца и, подобно причудливо нанизанным алмазам, сияли внутренним голубоватым светом.

Когда он подъехал к своему дому, солнце уже ярко освещало всю деревенскую улицу из конца в конец.

Митя слез с лошади, закинул поводья за кол деревянной изгороди. Бесшумно ступая босыми ногами, поднялся по прогнившим ступеням крыльца.

С тех пор, как отец ушёл на фронт, крыльцо замет-

но осело, да и весь дом принял какой-то сиротливый вид.

Младшая сестрёнка Катька ещё спала, разметав по измятой подушке свои длинные волосы цвета спелой овсяной соломы. Не без зависти посмотрел Митя на спокойно спящую сестрёнку и чуть грустно улыбнулся.

В переднем углу, на столе, покрытом домотканой скатертью, дожидаясь Митю, дымилась лёгким парком горячая похлёбка в алюминиевой миске. Рядом лежали два ломтя ржаного хлеба и выщербленная ложка. Тут же стояла зелёная эмалированная кружка с уже процеженным молоком утреннего надоя.

Не дожидаясь особого приглашения, Митя сел за стол и принялся торопливо есть завтрак, приготовленный для него матерью.

В это время мать – ещё молодая, но измождённая, с выражением постоянной озабоченности на лице женщина – хлопотала у окна, собирая себе и сыну обед в поле.

В небольшой берестяной пестерь она положила четыре испечённые картофелины, пару луковиц, яйцо и бутылку молока. Краюшку ржаного хлеба она завернула в свой старенький, но чисто выстиранный головной платок и сунула свёрток в пестерь: еда для Мити на весь день.

Себе в старую холщовую сумку она положила хлеб, картошку и лук, вместо молока налила в берестяной туесок жидкого квасу, а яйцо, подержав его в задумчивости на ладони и бросив быстрый и какой-то смущённый взгляд на спящую дочку, отнесла на кухню и там положила на низенькую, под стать Катькиному росту, лавку, рядом с кружкой молока и ломтём хлеба, оставленными дочери на обед.

После этого мать принялась торопливо одеваться. С деревянного колышка, прибитого в ряд с другими к стене возле двери, она сняла шабур из домотканого полотна.

Когда-то крашенный черничным соком в синий цвет, он теперь совсем вылинял и потёрся во многих местах. Надев шабур, мать подпоясалась.

В это самое время на деревне дважды ударили в подвешенный к дереву старый отвал конного плуга, заменявший собой колокол. Это бригадир оповещал колхозников о том, что пришло время выходить на работу.

– Ой, Митя, не опоздать бы! – с тревогой в голосе проговорила мать. – Ты нынче последний день работаешь, завтра в школу. – Она вздохнула. – Нынче вам и одного дня роздыху не дали, о-хо-хо... Ну да что поделаешь – война!

Она накинула на плечо тускло и холодно поблёскивающий серп и, прихватив котомку и туесок, пошла к двери, но у порога остановилась и вернулась к окошку.

На низеньком покрашенном подоконнике кучкой лежали сшитые ею с вечера маленькие полотняные мешочки. Наклонясь над подоконником, мать принялась торопливо натягивать мешочки на пальцы.

– Митя, помоги-ка мне, – скороговоркой попросила она. Митя уже поел и, встав из-за стола, собирался уйти. Он нехотя вернулся, но взглянул на руки матери – и его душу обдало леденящим холодом.

Кожа на руках матери была покрыта множеством больших и маленьких трещин. Так в засушливую погоду трескается намытый половодьем прибрежный ил. Но особенно страшными были пальцы, на каждом сгибе которых зияла кровоточащая рана.

Митя знал, что вода, солнце и ветер превращают даже гранит в пыль, а железо – в ржавую труху. Руки матери не были ни гранитными, ни железными. Одно только знали эти руки – работу. В зимнюю стужу и в летний зной, под проливным дождём и пронизывающим ветром, изо дня в день с раннего утра и до позднего вечера

руки матери трудились: жали хлеб, косили траву, рубили дрова, разгребали снег.

Вечером, после долгого трудового дня, управившись ещё и со всеми домашними делами, прежде чем лечь спать, мать смазывала свои натруженные, огрубевшие, потрескавшиеся пальцы маслом. Но за ночь руки не заживали, кровоточащие трещины лишь затягивались тонкой плёнкой, которая лопалась от малейшего движения, и вновь открывались раны, из которых выступала сукровица.

Но надо было работать. В осеннем уныло-прозрачном, словно навсегда выцветшем воздухе время от времени уже начинали кружиться белые мухи, возвещая о скором наступлении холодов, а конца страды ещё не было видно...

Завязывая нитки вокруг пальцев матери, Митя как-то неловко дотронулся до больного места. Мать вскрикнула и отдернула руку, словно её ударили током. На глазах у неё выступили слёзы. Втянув в себя воздух сквозь стиснутые зубы, она умоляюще проговорила:

– Осторожней, сынок!

– Я нечаянно, – виновато и испуганно отозвался Митя.

Из дому вышли вместе. Митя подошёл к лошади, мать смотрела на него с крыльца, спросила:

– Подсадить тебя, сынок?

– Не надо, я сам.

Миновав околицу, Митя заметил свежие следы лошадей, понял, что товарищи опередили его, и разок-другой прищпорил лошадь голыми пятками. Лошадь перешла на рысь, но, пробежав немного, снова пошла шагом.

Проезжая по плотине над прудом, Митя залюбовался по-утреннему тихой, спокойной водой, в которой осеннее, но ещё яркое солнце отражалось до рези в глазах. То тут, то там плескалась плотва, и еле заметные круги медленно расходились в разные стороны.

«Вот бы порыбачить!» – промелькнуло в уме. Мите представились его удилица, так любовно и старательно выструганные им из гибких рябиновых прутьев, которые вот уже два лета впустую провисели в сенном сарае. Но Митя знал, что о рыбалке ему сейчас нельзя и думать, и заторопился дальше.

Вскоре он добрался до леса и двинулся вдоль опушки. Вот и поле.

Три Митиных сверстника, приехавшие на поле раньше его, уже начали боронить, покрикивая на ещё резвых по утреннему времени лошадей.

Пристроив пестерь с обедом на сук берёзы, Митя подъехал к оставленной с вечера бороне, спрыгнул с лошади и принялся торопливо запрягать, поднял чересседельник, натянул супонь, пристегнул вожжи, привычно тронул лошадь:

– Но-о!

Лошадь нехотя двинулась вперёд, потащила за собой борону. Её стальные зубья, вспарывая землю, зашуршали мягким шорохом. Митя шёл сбоку. Влажная от росы земля приятно холодила ступни босых ног.

Поравнявшись с краем загона, Митя повернул было к ребятам, но тут старший из них, долговязый и сутулый Иван, по прозвищу Махорка, закричал:

– Куда лезешь? Проваливай отсюда!

Митя нерешительно остановился, а Иван – Махорка – не унимался:

– Ну, чего встал? Говорят тебе, проваливай! Мы уж вон сколько без тебя проборонили! Меньше спать надо было! Ишь, хитрый какой! Нечего к нам примазываться, правда, ребята?

Гришка с Лёньюшкой лишь молча переглянулись между собой и разом дёрнули вожжами.

Митя резко развернул лошадь и погнал её на другой край поля, благо вспаханную землю глазом не окинешь, места всем хватит.

Он начал боронить, но скоро понял, что место ему досталось не слишком удачное. В пахотную землю тут клином вдавалась небольшая ложбинка. По дну её сочился ручеёк, поэтому из года в год ложбинка оставалась не вспаханной. И лишь в этом засушливом году её подняли целиной. Но земля здесь оказалась глинистой, перевёрнутые пласты окаменели настолько, что зубья бороны не разбивали их, а лишь слегка царапали. Но выбирать не приходилось, и Митя продолжал боронить, где начал.

Между тем солнце поднялось над лесом довольно высоко, стало заметно припекать. Земля, нагреваясь, закурилась еле заметными струйками пара. Лес, дремавший в угрюмо-сумрачном забытьи, ожил, задумчиво зашуршали ветвями ёлки, игриво зашелестела листва осин, уже тронутая первыми осенними заморозками. Послышались тоненькие голоса мелких пичуг и залиvistое стрекотанье вездесущих сорок.

Неторопливо вышагивая за лошадью, Митя думал о том, что начинается новый учебный год.

Мысль о школе и радовала и пугала Митю.

Радовался он не столько тому, что вновь после долгого летнего перерыва сядет за парту, хотя он всегда учился с интересом и удовольствием, — больше всего его радовала мысль, что с завтрашнего дня он будет свободен от работы в поле.

Нелёгкая это была работа. Ежедневная, однообразная, непосильная для мальчишки. Завтра уже не надо будет от зари до зари заплетающимися от усталости ногами плестись по пашне за такой же уставшей, с трудом ковыляющей и оттого безразлично-непослушной лошадью.

Пугало же Митю то, что, с тех пор как началась война, наступление осени неизбежно было связано с голодом и холодом, от которых, казалось, не было спасения.

Впрочем, на октябрь нельзя было пожаловаться. Хотя в октябре случались затяжные дожди, всё-таки обычно выдавался денёк-другой, когда показывалось нежаркое солнце. Но и тогда порывистый ветер, безжалостно трепавший порыжелую листву и разносивший по воздуху серебристую паутину, напоминал о том, что холода не за горами.

В такие ясные дни Митя, придя из школы и наспех перекусив, выходил с лопатой на огород копать картошку.

Вместе с ним выходила Катька. Всё время, пока Митя был в школе, она скучала в избе одна-одинёшенька. Копать землю было ей не под силу, но она довольно ловко выбирала из-под Митиной лопаты свежие розоватые клубни и складывала их в ведро.

Проходил октябрь, и наступала унылая, беспросветная пора поздней осени. Солнце больше не взглядывало на опустевшую землю. Бесшумно опадала последняя припозднившаяся листва. Стаи журавлей тянулись к югу, тоскливо перекликаясь под свинцово-серыми облаками. Мелкий, надоедливый дождь лил и лил не переставая.

Наконец прекращался и он. Наступали заморозки. По утрам крыши домов были покрыты белесоватым инеем, подмерзала земля.

В первую военную зиму Митя ещё не научился плести лапти, а никакой другой обуви у него не было. Поэтому по утрам, собравшись в школу, он выжидал, когда гомон школьников смолкнет на улице, и лишь после этого выбегал из дому.

Леденящий холод сжимал, словно клещами, его босые

ступни, пронизывающий ветер забирался под холщовую рубаху. Что есть духу Митя бежал вдоль деревни, не останавливаясь до тех пор, пока не оказывался на высоком школьном крыльце.

Раздавался звонок, ребята рассаживались по местам, в класс входила Мария Сергеевна, начинался урок. А Митя почти ничего не видел и не слышал. Закоченевшие ноги начинали отходить в тепле, и это было так больно, так колело и щипало покрасневшие пальцы, как будто бы тысячи острых иголок вонзались в них. Кусая губы, чтобы подавить стон, Митя изо всех сил старался не заплакать, но это ему не всегда удавалось, и тогда крупные слёзы, словно раскалённые горошины, обжигали ему щёки, падали на раскрытую книгу.

В ту осень Митя с нетерпением ждал первого снега. Он знал: выпадет снег – кончатся все полевые работы, и тогда Митин сосед дедушка Евсей будет сидеть дома.

И вот выпал снег. В тот же день Митя как бы по-соседски пришёл к дедушке Евсею и молча уселся на лавку у самого порога.

Дед Евсей стамеской выдалбливал в санном полозе пазы для копыльев.

Митя не решался подать голос до тех пор, покуда сам хозяин не спросил:

– Ну, чего молчишь? Аль забыл, зачем пожаловал?

И тогда Митя, смущаясь, запинаясь на каждом слове, ответил чуть слышно:

– Я... Мне... Мне бы лапти сплести... Основу то есть... Начать бы... Я-то не умею...

Дед Евсей сказал с хитрым прищуром:

– Ну и жених! Кто же за тебя замуж пойдёт, коли ты лаптя себе сплести не умеешь?

Окончательно сконфуженный словами старика, Митя

молча потупился, но в душе он ликовал: раз дедушка шутит, значит, не откажется помочь.

И в самом деле, дедушка Евсей отложил в сторону стамеску, спросил:

– Ну, где там у тебя лыко?

Митя опрометью кинулся в сени и тут же вернулся с пучком заранее приготовленного лыка.

Спустя немного времени он вышел из избы деда Евсея со связанной основной лаптей и, не помня себя от радости, помчался домой.

Дома он, не откладывая, сел плести лапти. По готовой основе плести было нетрудно, и к вечеру пара лаптей была готова. Мать пришила к ним суконные опушни.

Наутро Митя обул лапти, надел свой выдавший виды старенький зипун из серого домотканого сукна, нахлобучил на голову изрядно вытертую заячью шапку и, теперь уже не боясь мороза, степенно пошагал в школу.

Но с наступлением зимы приближалось новое испытание – голодное время.

Задолго до Нового года переставала доиться корова. Семья садилась на хлеб с картошкой. Ближе к весне подходили к концу скудные запасы муки.

Чтобы как-то отодвинуть наступающий голод, мать загодя начинала подмешивать в квашню сначала тёртую сырую картошку, а когда и картошки оставалось совсем немного, в дело шёл зелёный капустный лист. Хлеб с капустным листом мало напоминал настоящий хлеб, он был тёмный, тяжёлый, склизкий, и дух от него шёл такой тяжёлый, что его не выносила даже кошка.

Катька такой хлеб никак не признавала за хлеб и, размазывая по лицу слёзы, упрямо тянула:

– Ма-ма-а! Хочу хлеба-а-а! Хле-е-ба-а!

Мать в ответ заливалась слезами горше самой Катьки.

А Митя ел. Он был уже большой и понимал, что никакими слезами не выпросишь того, чего нет в доме. Он ел, хотя от такой еды его тошнило, кружилась голова и не было ни сил, ни желания что-то делать, даже просто двигаться. Он часто пропускал занятия в школе, целыми днями неподвижно лежал на полатах.

Но наступал день, когда кончался и капустный лист. Тогда мать начинала подмешивать в лепёшки древесные опилки.

В это самое время, когда положение казалось совершенно безвыходным, семью выручала Белянка. В начале марта, ночью, когда Митя и Катька ещё спали, мать вносила в избу только что появившегося на свет, беспомощного, длинноногого, головастого телёнка. То-то был праздник! Ведь теперь у Белянки появится молоко!

Им больше не грозила голодная смерть. Митя снова ходил в школу, изо всех сил стараясь наверстать упущенное. И всё равно без хлеба – не жизнь... Поэтому он с нетерпением ожидал конца учебного года, когда можно будет работать в колхозе и в конце каждого рабочего дня получать свои двести граммов муки.

За лето Митя немного отъедался, и к осени его снова начинало тянуть в школу.

Занятый своими мыслями, Митя и не заметил, как проборонил довольно большой участок. А главное – глинистая ложбинка осталась позади.

Когда подошло время обеда, Митя выпряг лошадь, стреножил её и пустил пастись на меже, а сам пошёл к берёзе, на которой оставил свой пестерь.

Усевшись под берёзой, он принялся за обед. Быстро, даже как-то незаметно, исчезли картошка, лук и яйцо. Опорожнив бутылку молока, Митя взял оставшийся кусок хлеба и пошёл к лошади. Заметив приближавшегося

хозяина, лошадь подняла голову от травы, тихонько заржала и медленно двинулась ему навстречу. Отламывая по небольшому кусочку, Митя скормил ей хлеб и снова пустил пастись, а сам свернул в лес.

В лесу было хорошо. Пробравшись между разлапистым ельником, Митя очутился в густом черничнике. Невысокие кустики черники были усыпаны уже пере-

спевшими сизовато-чёрными ягодами. Вскоре Митины руки, губы и язык сделались лиловыми, зато он всласть наелся вкусных ягод.

После обеда работа пошла спорее. Но всякий раз, когда Митя начинал новый загон, ему в глаза бросалась злополучная ложбинка, пробороненная кое-как: брошенные семена не переме-

шались как следует с комковатой глинистой землёй.

Мысль о плохо сделанной работе засела в Мите, как заноза, и он, не выдержав, повернул лошадь обратно к ложбинке.

И тут случилось несчастье. Лошадь, тащившая борону поперёк перевёрнутых пластов земли, споткнулась. Вздывшуюся от рывка борону кинуло в сторону, её острый зуб ударил Митю по щиколотке. Митя взвыл от боли и повалился на землю.

Лошадь остановилась. Покосившись на корчившегося у её ног мальчика, она глубоко вздохнула, как будто сожалела о случившемся.

Митя попытался встать, но тут же, застонав, снова опро-

кинулся на землю. Его бросило в жар, на лбу выступил липкий пот. Он лежал, боясь пошевелиться, чтобы не потревожить ушибленную ногу. Она заметно опухла и стала какого-то зловещего грязно-фиолетового цвета.

Вскоре прибежали Гришка с Лёнкой.

– Что тут у тебя?

Митя молча показал ушибленную ногу.

– Ух ты-ы! – воскликнул Гришка. – Чем это тебя так садануло? Бороной? Мы глядим, лошадь на месте стоит, а тебя не видно. Я говорю Лёнке: «Айда, мол, сходим, посмотрим, не случилось ли чего...»

– Надо домой ехать, Митька, – посоветовал Лёнка. – Гляди, как нога посинела. Вдруг перелом?

– Нет, не похоже, – отозвался Митя. – Как я уйду домой? А норма?

– «Норма»! – передразнил его Гришка. – Не умирать же тут из-за этой нормы. Езжай домой!

– Погожу ещё немного, может, пройдёт, – нерешительно сказал Митя.

– Ну, как знаешь. Айда, Лёнка!

Ребята убежали, Митя остался один.

Между тем солнце стало клониться к западу. От леса на пашню легли длинные тени.

Митя подумал, что и вправду надо выпрячь лошадь да ехать домой, уж очень болела нога.

Но тут ему вспомнились руки его матери.

Усилием воли он заставил себя подняться и заковылял к меже. Из пестера он достал материнский платок, в который она сегодня утром завернула ему хлеб. Присев под берёзой, он туго перевязал щиколотку платком. В первое время ему даже показалось, что боль в ноге немного утихла. Но, повернувшись к лошади, он понял, что идти за бороной не сможет.

И тогда он решился на крайнее средство – стал бороться сидя на лошади верхом, что строго-настрого запрещал мальчишкам-боронильщикам дядя Федот, колхозный бригадир.

Бригадир появился на поле незадолго до захода солнца. Заметив его издали, Митя поспешно слез с лошади.

С саженью в руках бригадир замерял проборошенные участки. Приблизившись к Мите, он напустился на мальчика:

– Ты что же, сукин сын, за целый день и полнормы не выполнил? Отец на фронте кровь проливает, а сынок баклуши бьёт! Ты бы хоть матери своей постыдился! Видал её руки?

Митя молчал, низко опустив голову.

– Твоя мать сегодня вручную, – тут бригадир наклонился и своей единственной правой рукой как бы сделал несколько ударов серпом, – вручную выжала две нормы! А ты?

– Он ногу сильно зашиб, – вступился за Митю прибежавший Гришка.

Бригадир взглянул на Митину ногу.

– Что ж ты не сказал? – сразу подобревшим голосом спросил он.

Митя поднял голову, сказал решительно:

– Дядя Федот, отмеряйте, сколько там осталось до нормы.

Бригадир махнул рукой:

– Зачем? Завтра вам в школу идти...

– То завтра, а сегодня день ещё не кончен, – возразил Митя.

Бригадир хотел что-то сказать, но Митя уже тронул вожжи и, сильно припадая на ушибленную ногу, пошёл краем загона.

ИРИНА ХРИСТОЛЮБОВА

Ирина Петровна Христолюбова родилась в 1938 году. После школы стала газетчиком, по своим журналистским делам объездила весь север Пермской области. Окончила университет, работала в областных газетах и на телевидении в Перми. Первый рассказ для детей назывался «Где ты, Кошкин?». А потом появились и первые книги – «Загадочная личность», «Колокольчики мои», повесть-сказка «Топало».

В словарях говорится, что юмор – это дружелюбный смех. Книги Ирины Христолюбовой полны этого дружелюбного смеха. Её герои порой чудаковаты, но очень искренни и обаятельны. Это видно даже по отдельным главам и рассказам.

Неприменно прочитай книги Ирины Христолюбовой целиком. А потом вообрази, что ты – участник спектакля по сказке «Топало». Расскажи о своём персонаже от первого лица (например: «Я мальчик Родька Мельников, мне девять лет...» и так далее; или: «Я Топало, домовый, живу в деревне Кутузы»).

Попробуй пофантазировать и придумать продолжение повести «Топало и инопланетянин». Например, что могло бы произойти, появишься Топало или Пантелеймон в твоём классе?

Нарисуй портрет инопланетянина Пантелеймона.

ЗАГАДОЧНАЯ ЛИЧНОСТЬ

Рассказ

Хорошо бы стать невидимкой. Но это невозможно. А ещё лучше – инопланетянкой! Все думают, что я Маша Веткина, ученица пятого «в» класса, а на самом деле я инопланетянка. У меня в голове совсем другое, чем у всех. Но инопланетянкой стать тоже невозможно.

Сидела я, смотрела в одну точку и обдумывала свою жизнь. А старшая сестра Дуся вертелась у зеркала.

– Ты идёшь в кино? – спрашивает она.

– Не знаю, – говорю.

– Как же это ты не знаешь?

– Вот так, – говорю, – не знаю. Поважнее есть дела кое-какие...

– Тоже мне – загадочная личность!

И тут меня осенило: я буду загадочной личностью!

– Ты что – до сих пор не знала, что я загадочная личность? – говорю я Дусе ровным, спокойным голосом.

– Нет, – говорит, – не знала.

Я стала ждать, когда сестра Дуся уйдёт в кино, чтобы хорошенько всё обдумать. Наконец, ехидно усмехаясь, Дуся ушла. Усмехайся, усмехайся!

Как только хлопнула дверь, я сразу же начала выполнять принятое решение.

Я подошла к зеркалу и стала изучать своё лицо. Для загадочной личности оно, пожалуй, не подходило – это была суровая, но горькая правда. Веснушки, курносый нос... Даже ни одной морщинки на лбу.

Я села и стала думать. Иногда я думаю очень долго, а иногда только успею задуматься – тут же до всего додумуюсь. Учительница Марья Степановна по этому поводу говорит, что у меня ветер в голове гуляет.

Ну и тут я додумалась сразу же. Это даже лучше, что у меня такое лицо. Никто на меня не обращает внимания, все думают, что от человека с таким незамысловатым лицом ничего особого ждать нельзя. Только так подумают – я и огорошу своей загадочностью.

Но мне предстояло додумать самое главное: чем я должна огоршить и какой я должна быть, чтобы все догадались, что я загадочная. А то ведь получится так, что я буду знать, что загадочная, а никто не будет.

Я взяла карандаш, бумагу, написала цифру 1. Поставила точку. Перво-наперво загадочная личность должна быть потрясающе хладнокровной. Я помусолила карандаш и записала: «Хладнокровие». Что же ещё? Я вспомнила Овода, графа Монте-Кристо, капитана Немо. Это были мои любимые герои. Я написала десять пунктов загадочности:

1. Хладнокровие.
2. Усмешка на губах.
3. Молчаливость.
4. Время от времени таинственное «да» и «нет».
5. Холод в глазах, за которым скрывается жар души.
6. Гордое одиночество.
7. Острый, разящий противника ум.
8. Защита угнетённых.
9. Шрам на лбу. («Где же я его возьму? – подумала я. – Это прекрасная, но неосуществимая мечта». Твёрдой рукой я вычеркнула этот пункт).
10. Лёгкая хромота.

С этой минуты я стала загадочным человеком.

Когда сестра Дуся пришла из кино, я думаю, она меня не узнала. Я сидела, облокотившись на стол, и глядела вдаль. На моём лице была глубокая мысль. Так я сидела полчаса, а может быть, час. Сестра не обращала на меня

внимания. Сидела я, сидела за столом безрезультатно, а потом встала и, слегка прихрамывая, подошла к окну. И опять стала молча смотреть вдаль. Сестра Дуся по-прежнему не обращала на меня внимания. «Ну, – думаю, – ладно, вот сейчас пойду и спать лягу молча».

Когда родители пришли, я уже засыпала. Мне представлялось, как я еду на коне в чёрном плаще. Страшный ливень застигает мне путь. Я останавливаюсь у лачужки. Меня встречают двое. Накинув капюшоны на голову, мы идём по горной тропинке к морю. А море ревёт и грохочет. Опускается ночь. Мы садимся в лодку и отправляемся в путь освободить угнетённых.

– Будет шторм, – тихо говорит мой спутник, – успеть бы...

Но мы не успеваем. Волны обрушиваются на нас и опрокидывают лодку. Из последних сил, вплавь, мы добираемся до берега. Нас встречает человек в чёрной накидке...

– У неё жар, – сказала мама, приложив руку к моему лбу.

– Да, она никогда не ложилась спать так рано, – сказал папа.

– Она вообще сегодня какая-то странная, – сказала Дуся. Я улыбнулась.

На следующий день я пришла в школу раньше всех. Лицо моё было сурово и сосредоточенно. Я села за парту и стала обдумывать восьмой пункт загадочности. Я должна была решить, кого мне защищать. Думала долго. Наконец мой выбор пал на Вадима Хазбулатова. Он был маленький, беленький, худенький. На уроке физкультуры Хазбулатов стоял последним и никак не мог подтянуться на турнике. А когда играли в кучу малу, он непременно оказывался внизу. Все его сокращённо звали

Хазбулатик. С сегодняшнего дня я должна была защищать и беречь его всю жизнь.

Хазбулатик, веселясь, бежал к своей парте, ни о чем не подозревая. В это время двоечник Капустин подставил ему ногу. Хазбулатик запнулся и упал. Все стали громко хохотать. Этот грубый смех потряс мне душу. Я поняла, что настал час, когда я должна проявить все мои качества.

Я встала. Безумная смелость боролась во мне с врождённой скромностью. Но честь Хазбулата требовала отпущения. Я обвела всех суровым взглядом. Все притихли. Я, припадая на правую ногу, подошла к Капустину.

– Капустин, – сказала я не дрогнувшим от волнения голосом, – вы должны извиниться перед Хазбулатовым.

Некоторое время все смотрели, открыв рот. Капустина начало трясти от смеха, и, глядя на Капустина, все начали трястись, и Хазбулатик тоже. Все сидят и трясутся. А я стою бледная и невозмутимая.

– Капустин, вы должны извиниться перед Хазбулатовым, – повторила я недрогнувшим голосом.

– Ой! – схватился Капустин за живот. – Ой, сейчас умру!

И все стали хвататься за живот и хохотать. А Хазбулатов громче всех, он даже ногами начал дрыгать.

Тут вошла Марья Степановна. Гул в классе стал стихать. Начался урок истории. Я слушала Марью Степановну и обдумывала свою дальнейшую нелёгкую жизнь. Я должна вызвать Капустина на дуэль. Возможно, я погибну. Ну, что ж!

Я написала Капустину записку: «После уроков вызываю тебя на дуэль. Мария Веткина. 26 октября. 12 час. 35 мин.».

Через минуту Капустин мне ответил размашистым

почерком: «Вызов принимаю. Будем драться на шпагах. Кто проиграет – будет прыгать с крыши сарая. Дмитрий Капустин».

Весь класс ждал дуэли. Секундантом я пригласила подругу Таню.

И вот после уроков мы собрались за школой. Капустин нагло ухмылялся. Моё лицо было сурово и сосредоточенно.

Мой секундант Таня и секундант Капустина Валька Кошкин подошли к иве, срезали два гибких прута и после жеребьёвки вручили нам. Это были шпаги. Сейчас они решали нашу честь.

Друзья и враги кольцом окружили нас. Секундант Кошкин приказал всем расступиться. Я бросила на Капустина гордый взгляд. И наши шпаги скрестились.

Мой враг был силен и ловок. Два раза он меня огрел по ногам в пылу борьбы, нарушая правила дуэли. Но я молчала, нанося врагу всё новые и новые удары.

Капустину стало жарко. И только я подумала о том, что ему стало жарко, как от сильного удара шпага вылетела из моих рук.

Капустин, сверкая глазами, приставил свою шпагу к моей груди.

– Жизнь или смерть? – глухим голосом спросил он.

– Смерть! – гордо ответила я.

Капустин отнял шпагу от груди и молча указал на крышу сарая.

В наступившей тишине я подошла к пожарной лестнице, прихрамывая на правую ногу, которая у меня на самом деле болела. Все видели, что смерть я приму достойно. Я забралась по пожарной лестнице на крышу и встала совсем близко от края.

Мне стало страшно, захотелось плакать, и я совсем за-

была о своей безумной смелости и о том, что я загадочная личность. Я смотрела вниз, на ребят, которые стояли, задрав головы, и испуганно смотрели на меня. Даже Капустин улыбался растерянно.

– Не надо, не прыгай! – крикнула Таня.

Её крик привел меня в себя. Я нашла взглядом Хазбулатова. Он дрожал. Бедный Хазбулат! Если я погибну, кто будет его защищать?

«Прощайте, мама, папа, сестра Дуся!» – мысленно сказала я.

Окинув прощальным взглядом школьный сад, зажмурив глаза и глубоко вздохнув, я прыгнула.

Некоторое время я лежала без движения. Никто ко мне не подходил. Наверное, боялись, не верили, что я жива. Но вот я пошевелила сначала рукой, потом ногой. И тут ко мне кинулись все.

Я села. На лбу у меня была лёгкая царапина, которую я получила неизвестно каким образом, скорее всего в бою. Моя мечта исполнилась: я приобрела шрам на лбу, правда, всего на несколько дней.

Капустин подал мне руку, я встала.

– Где Хазбулатик? – спросила я мужественным голосом.

– Где Хазбулатик? – крикнул Капустин.

Никто не заметил, куда делся Хазбулатик. И вдруг увидели: он лежал на жёлтой траве, бледный и прекрасный. Капустин подскочил к нему и радостно закричал:

– Жив!

Слегка припадая на правую ногу, я подошла к Хазбулатову. Он открыл глаза, но, увидев меня, снова впал в забытьё. Мы с Капустиным подняли его и понесли.

Тут Хазбулатик окончательно очнулся и стал вырываться.

– Лежи, – сказал Капустин. – Из-за тебя люди жизнью рисковали.

Но Хазбулатов ни за что не хотел лежать. Мы его отпустили, и он что есть духу побежал.

Когда я пришла домой, мне Дуся передала таинственный конверт, который принёс неизвестный в чёрной накидке.

ТОПАЛО

Главы из повести-сказки

СТРАННО, ОЧЕНЬ СТРАННО

Пассажирский теплоход «Космонавт Савиных» отделился от причала, осторожно развернулся и тихо поплыл по реке.

Марш «Прощание славянки» торжественно-печально сопровождал его отплытие, словно он уходил не в город Астрахань, а в далёкий неведомый путь. На берегу кое-кто даже всплакнул. Среди плачущих была и бабушка Родьки Мельникова.

– Да что вы так убиваетесь? – посочувствовал ей другой провожающий. – Навсегда, что ли, уезжают?

Бабушка Мельникова сурово взглянула на сочувствующего: не хочешь – не плачь, а я вот хочу и плачу.

Кто хотел, тот и плакал. А на теплоходе плакать никто не думал, наоборот, все были очень весёлые, шумные.

Теплоход отходил от причала всё дальше и дальше.

– Мама, ты видишь бабушку? Папа, ты видишь бабушку? – спрашивал Родька.

Но бабушку уже никто не видел. И всё-таки Родька продолжал махать обеими руками, надеясь, что вдруг она-то его ещё видит.

В свои девять лет он первый раз ехал на теплоходе в большое путешествие по Каме, по Волге – до самого Кас-

пийского моря. Ровно через восемнадцать дней они должны были возвратиться обратно к родному причалу.

Теплоход проплыл под железнодорожным мостом. Уже скрылась из глаз пристань, уже бетонная набережная осталась в городской черте, вдоль берега вытянули шеи башенные краны грузового порта.

Пассажиры постепенно расходились по своим каютам. А некоторые уже загорали на палубе.

– Я тоже хочу загорать, – сказал Родька.

– Успеешь ещё, – возразил папа.

– Ничего не успею, – захныкал он.

– Успеешь, – сказала мама.

– Я совсем белый! – заныл Родька. – Все чёрные, а я белый.

– Где ты видишь чёрных? – спросила мама. – Все вокруг белые!

Родьке в общем-то не очень хотелось загорать, но он привык всегда настаивать на своём. Ни за что не отстанет, пока не получит то, что просит. И мама сдалась.

Они пошли в каюту, чтоб взять одеяло и зонтик. Родька будет загорать, мама сидеть рядом под зонтом, а папа никуда не пойдёт и будет читать книгу. «Я затем и на теплоходе поехал, чтоб лежать и никуда не бегать», – сказал он.

Когда вошли в каюту, Родьке совсем расхотелось загорать. Он ведь, собственно, в каюте и не был, только вещи поставили. А здесь замечательно, целых две комнаты. Не что-нибудь, а люкс!

Родька тут же заглянул в холодильник, проверил водопроводный кран, душ, даже зеркало потрогал – крепко висит!

Он прыгнул на диван и ещё раз подпрыгнул, как на батуте.

– Каюта-уютю, каюта-уютю! Ура!
– Переодевайся! – сказала мама.
– Не забывайте, что скоро обед, – сказал папа и, взяв книгу, улёгся на диван. – Не заблудитесь! – предупредил он.

Родька рассмеялся: где тут можно заблудиться?

Но когда они с мамой пошли по длинному узкому коридору с множеством дверей, потом спустились по лестнице вниз, а внизу были такие же двери и коридоры, Родька понял, что заблудиться можно запросто. Здесь было столько неизвестного! Ему захотелось немедленно всё облазить, всё потрогать, всюду заглянуть.

Мимо них прошла девочка такого же возраста, как Родька. Девочка как девочка: белые волосы, носик остренький, как у лисички. Только одета она была смешно: в жёлтом ситцевом сарафанчике и в то же время в ботинках и чулках.

– Вот умора! – фыркнул Родька.

Мама тоже удивилась: июль, такая жара, а тут чулки и ботинки.

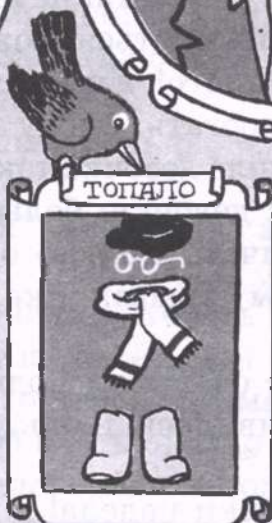
– Ещё бы валенки надела! – рассмеялся Родька.

Девчонка оглянулась и показала ему язык.

И тут, прямо у него под ухом, промяукала кошка: «Мя-яу! Мя-яу!» Конечно, ничего удивительного нет, когда мяукают кошки. Но у Родьки округлились глаза. Он сделал такое отчаянное движение, как будто хотел кошку сбросить с головы. Само собой, никакой кошки у него на голове не было.

Мама шла впереди и не видела этой странной картины.

Родька оглянулся. Может быть, кошка подпрыгнула, мяукнула и спряталась? Хотя он никогда не видел кошек, которые бы так высоко прыгали.

- Мама! – крикнул он.
- Чего ты кричишь?
- Ты не видела здесь кошку?
- Какую ещё кошку?
- Не... не знаю, какую... Наверное, чёрную.
- На кораблях бывают кошки. Может быть, и здесь есть. Но я не видела. А зачем тебе кошка?
- Она мяукнула...

Родька хотел было рассказать, как она мяукнула, но они вышли на палубу. У борта стоял полноватый мужчина в белом джинсовом костюме и белой кепочке. Он грыз семечки и бросал скорлупу в воду.

– Загорать идёте? – спросил он. – Так это на шлюпочной палубе. Первый раз, наверное, на теплоходе едете?

– Первый, – ответила мама.

– Пойдём, – потянул её Родька. Он-то знал: мама с каждым может разговариваться, и надо стоять и ждать, когда она кончит разговор. Даже на улице, с прохожими, и то умудряется познакомиться и поговорить.

– О чём ты можешь говорить с прохожими? – всегда удивляется папа.

– Я просто контактная, – обычно отвечает мама. – В наш век это необходимо.

– Мальчишка-то ваш занятный, – сказал мужчина, который, видимо, тоже был контактный. – Занятный мальчишка. А тигра на футболке зачем носишь?

– Ни за чем! – буркнул Родька.

– Занятный мальчишка!

– Мы пойдём, – извиняющимся голосом сказала мама.

– Идите, идите, отчего же не идти, – разрешил мужчина. – Врачи советуют первый раз загорать не более пяти минут. Может произойти солнечный удар!

– Мы не более пяти! – пообещала мама.

– Не более, не более, – проворчал Родька, когда они пошли. – Разговариваешь со всеми.

– Почему я не должна разговаривать? Может быть, он очень одинокий человек. Видишь – стоит совершенно один. Поэтому он и любит теплоход, здесь много людей.

– В поезде ещё больше.

– Поезд – это совершенно не то! В поезде все спешат, ждут свою станцию. Поезд – это просто переезд с места на место. А на теплоходе стараются устроиться уютно, надолго.

Родька был вполне согласен с мамой, а скорее всего с папой, потому что дома именно папа всячески превозносил теплоход и ругал поезд, а мама, наоборот, рвалась куда-то быстрее уехать, даже улететь. Сейчас она уже лететь никуда не хотела.

На шлюпочной палубе было многолюдно, как на пляже. Все сидели и лежали на деревянных лежаках.

– Ага-а! Все лежаки заняты! Говорил, раньше надо идти! Но тут нашёлся лежак.

– Ты страшный придира, – сказала мама. – Всё тебе неладно, идёшь, ворчишь. Какая тебя муха укусила?

– Никакая не муха!

Родька бросил на лежак одеяло, лёг на живот и отвернулся. «Муха, муха! – думал он. – Пусть бы кусала, нужно-то очень. А вот если над ухом мяукает...»

Мама села под зонтик и стала любоваться картиной природы. Светит солнце, блестит вода, летают чайки! А Родька лежал и думал про своё: «Если это мяукнула кошка, то куда она делась? А кроме кошек, кто еще мяукает? Никто! Странно, очень странно!»

Солнце так припекало, что Родька тут же покрылся потом. Тоже занятие – лежи и лежи. Кругом вода, а искупаться негде.

– Папа без нас уже, наверное, скучает, – очень кстати сказала мама.

Но папа не скучал. Когда они вернулись в каюту, он спал с книгой в руке.

Мама его тут же разбудила.

Папа протёр глаза, потянулся.

– Мне даже сон приснился, – сказал он. – Любопытный сон! Цветной!

Папе никогда цветные сны не снились, даже чёрно-белые редко, он их просто не помнил. Поэтому сейчас он и потирал удивлённо затылок.

– А приснился мне кот, рыжий, с рваным ухом, зелёными глазами. Представьте себе такую картину: сижу я в своём кабинете, он заходит и говорит: «Здравствуйте, философ Мельников!» Я ничуть не удивился, что он человеческим голосом разговаривает. Кот подаёт мне лапу: «Будем знакомы: Филимон!» Я пожал ему лапу, будто так и полагается. Но при этом всё-таки мелькает у меня где-то отдалённо, в какой-то клетке мозга, мысль, что, возможно, это сон. А кот мне и говорит: «Философ, а снов не видишь. Живёшь, ничего не знаешь!» – И прыг на стол. Сел на мою рукопись и сидит, зелёные глаза щурит. Я говорю: «Пересядьте, пожалуйста, вот сюда!» – И рукопись из-под него пытаюсь вытащить. А он не замечает моих усилий. Спрашивает: «Чего это у тебя бумаг-то столько лежит?» – «Да вот, – говорю, – пишу статью «Человек – преобразователь природы».

Мама рассмеялась:

– Ты её так и не дописал, вот тебе и приснилось.

– Ну а кот что? – нетерпеливо спросил Родька.

– А кот разлёгся на столе и заявил: «Я тоже преобразователь!» Тут вы пришли, я проснулся, и наш содержательный диалог прервался.

- А кот не мяукал? – насторожённо спросил Родька.
- Я мяукал! – пошутил папа. – А кот говорил.
- Тебе вредно спать днём! – сказала мама.

Ни мама, ни папа, ни Родька не знали и знать не могли, что с этого дня многим на теплоходе «Космонавт Савиных» начнут сниться странные сны.

– А когда мы шли с мамой загорать, мне кто-то на ухо мяукнул! – возбуждённо прошептал Родька.

– Ну, это был Филимон! – весело сказал папа. Мама тоже на этот счёт повеселилась и сказала, что у них обоих котомания.

ТОПАЛО И КОМПАНИЯ

Трудно поверить: Зойка Капелькина ехала к Каспийскому морю с... домовым. Его звали ТОПАЛО.

Редко встретишь сейчас семью, где бы был свой домовой. Если у кого и есть, то помалкивают и даже несколько смущаются этим обстоятельством как пережитком прошлого.

А когда-то в деревне Кутузы в каждом доме жил домовой. Крутило, Вертило, Дразнило, Глупило, Вазюкало... Весёлая компания.

Соберутся иногда в овраге за деревней, разные истории рассказывают, песни поют. Запевал обычно Глупило:

*Облоухая свинья
На дубу гнездо свила,
Поросила поросят
Ровным счётом шестьдесят.
Распустила поросят
Всё по маленьким сучкам.
Поросята визжат,
Полететь они хотят.*

Свинья Хавронья очень обижалась на эту песню.

ПАПА-МЕЛЬНИКОВ

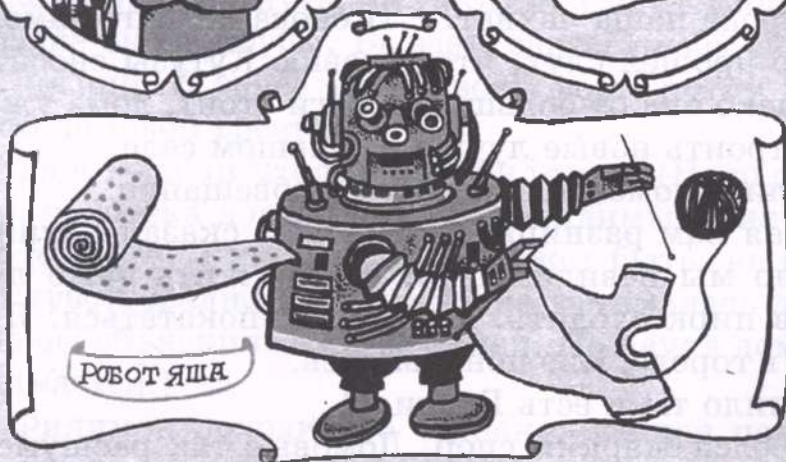
МАМА-МЕЛЬНИКОВА

РОДКА МЕЛЬНИКОВ

БАБУШКА ОЛЬГА ФЕДОРОВНА

РОБОТ ЯША

Самые весёлые и бесшабашные домовые были Крутило и Вертило. Как разыграются – давай мельницу крутить. Мельник ругается: «Опять домовые потешаются!»

Дразнило увидит кого-нибудь на дороге – засвистит, захохочет. Только никто его не боялся. И от хозяина за такие выходки ему не раз влетало.

Глупило любил на ярмарки ездить и в балагане представления смотреть. Потом, когда балаганов не стало, он стал наведываться в цирк шапито.

А Вазюкало как с утра начнёт куда-нибудь собираться, всё возится, возится – глядишь, и вечер настанет. А когда позовут его домовые повеселиться в овраг, он отвечает: «Мне некогда».

Самым рассудительным среди домовых был Думало. Ничего он зря не скажет, а если скажет, то сначала подумает. Иногда целыми неделями молчал, всё думал.

– Чего ты надумал? – спрашивал его любимый друг Топало.

– Пока ничего, – отвечал Думало. И продолжал думать. Однажды Думало произнёс:

– Природа наша чахнет. – И снова надолго замолчал.

Как-то прошёл слух, что деревню Кутузы сносить будут. Далеко она от большой дороги стоит, дома уже старые, а строить новые лучше в большом селе.

Собрались домовые в овраге на совещание.

– Какая нам разница, где жить, – сказал Глупило, – всё равно мы невидимые. В городе жить даже лучше: можно в цирк сходить, на трамвае покататься. Я один раз был в городе, мне понравилось.

– Глупило ты и есть Глупило!

Разгорелся жаркий спор. Домовые так расшумелись, что из норы вылез барсук и проворчал:

– Что вы мне спать не даёте? У меня и так бессонница. Мне покой нужен.

– С нами уже и барсук неуважительно разговаривает! – возмутились Крутило и Вертило.

Дразнило хотел залихватски свистнуть, но раздумал, настроение что-то у него пропало.

Топало был самым молодым среди домовых, он больше слушал. А Думало, самый старший, всё думал. Наконец он сказал:

– Домовой должен быть при доме, а дом – при хозяине.

И опять надолго задумался. А пока он думал, все домовые куда-то из деревни Кутузы подевались. Топало ходил в Большое село: может, там поселились? Но и в Большом селе их не было. И во всей округе тоже.

А однажды попрощался с Топало его самый старший и самый любимый друг Думало. Хозяин Соснин уезжал куда-то на Волгу, в поселок Ключи, а дом продал под снос. Вместе с хозяином покидал родные места и его верный домовый.

Остался в Кутузах один Топало. Нет у него ни друзей, ни приятелей. И в деревне без домовых стало тихо, скучно. Некому ни свистнуть, ни гикнуть. Сидит Топало один на чердаке около трубы. Бывает, занесёт избу снегом до самой крыши. В трубе что-то воет, воет, потом закричит. Это домовый греется.

Иногда к нему приходил кот Филимон. (Надо сказать, что для человека домовые были невидимы, а животные каким-то образом их видели. А может быть, не видели, просто чувствовали. Если бы наука занималась домовыми, она бы объяснила этот феномен. Но наука домовыми не занимается.)

Кот Филимон по чердаку, мышей понюхает, изогнёт спину, потрётся около трубы.

– И чего ты тут один живёшь? – как-то спросил домового Филимон.

– А куда мне деваться? – вздохнул Топало.

– Бабка Дуся каждый день тебя жалеет, – сказал Филимон. – Но когда ты в трубе сидишь – ругается: «Разворотит трубу, кто класть будет?»

– Ничего не разворочу, – пробурчал Топало.

И стал домовый со своего чердака всё чаще спускаться в избу. Топ-топ по чердаку, потом дверь открывается: топ-топ по избе.

– Топают Топало! – ворчала бабушка.

ДЫРЯВЫЕ ТАПОЧКИ

– Эгей! Зойка! – На палубе появился Родька. – Ты чего тут одна стоишь?

– Мы вдвоём, – подал голос Топало.

Родька открыл рот, но так ничего и не произнёс. Топало хлопнул его по плечу. Родька вздрогнул.

– Опять испугался? – рассмеялась Зойка.

– Не испугался. Просто трудно привыкнуть, – признался Родька. – Я же точно знаю, что домовых нет.

– Много ты знаешь! – проскрипел Топало. – Не больше козы Маньки. Она тоже воображает, что много знает.

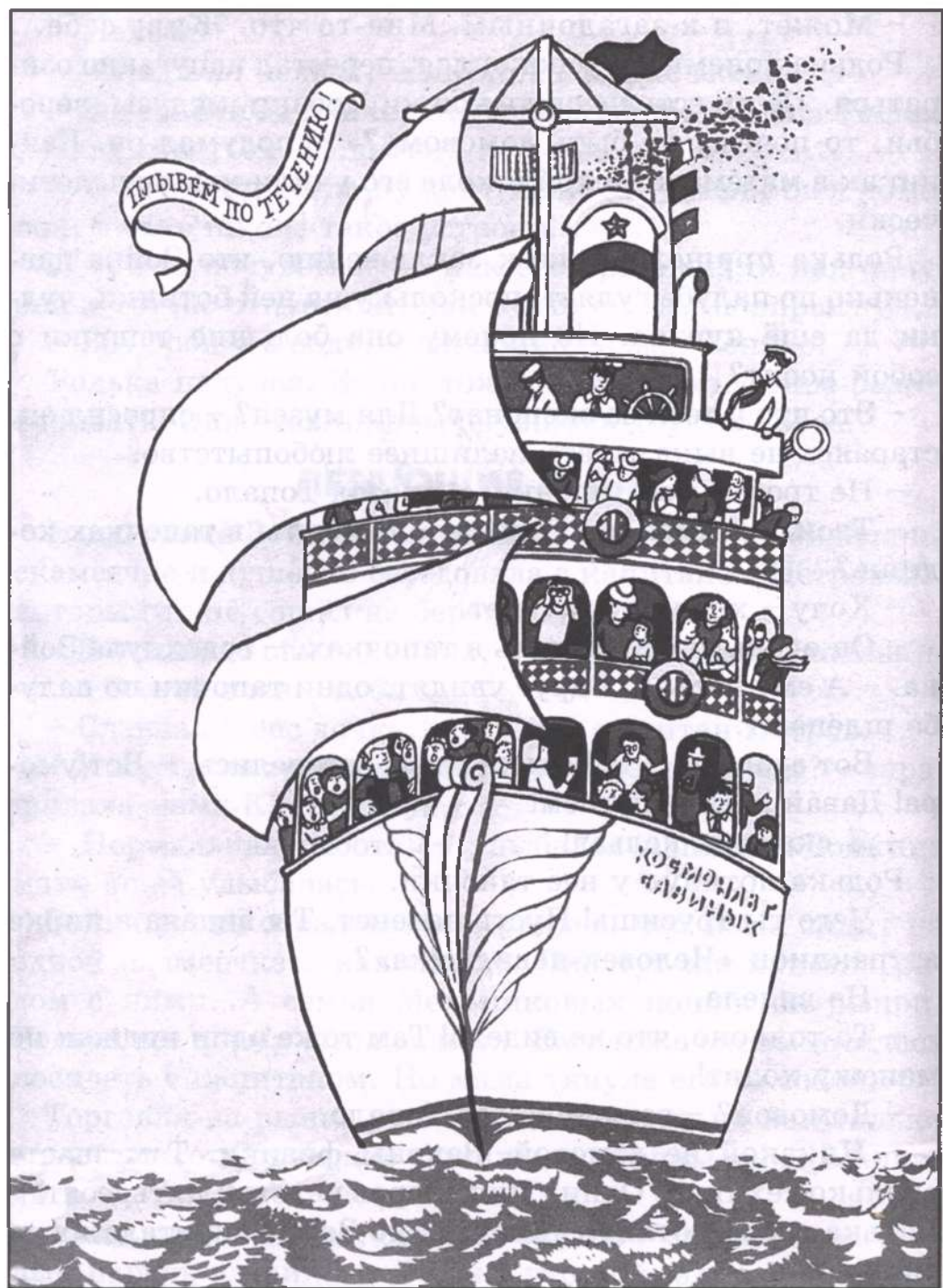
– Кто воображает? Коза? – не поверил Родька и в то же время оскорбился, что его с какой-то козой сравнивают.

– А кто ж еще? Манька, коза, – сказал Топало. – Как начнёт задаваться!

– Хватит тебе про козу, – перебила Зойка.

– А чего он задаётся, как Манька? Я уже сто пятьдесят лет живу, а он точно знает, что домовых нет!

– Наверное, ты относишься к загадочным явлениям природы, – решил Родька, стараясь не ударить в грязь лицом.

– Может, и к загадочным. Мне-то что. Живу себе...

Родька понемногу успокоился, перестал испуганно озираться. «Если есть на свете кошки, собаки, медузы, воробьи, то почему не быть домовому?» – подумал он. Как-никак в математической школе его учили мыслить логически.

Родька пришёл также к заключению, что Зойка давненько по палубе гуляет, поскольку на ней ботинки, чулки да ещё куртка. Но почему она большие тапочки с собой носит?

– Это что у тебя за экспонат? Для музея? – спросил он, стараясь не выказывать излишнее любопытство.

– Не трогай мои тапочки, – сказал Топало.

– Твои? – удивился Родька. – Разве ты в тапочках ходишь?

– Хочу – хожу, хочу – нет.

– Он очень любит ходить в тапочках, – вздохнула Зойка. – А ему нельзя. Вдруг увидят: одни тапочки по палубе шлёпают.

– Вот здорово! – У Родьки глаза загорелись. – Вот умора! Давай всех напугаем!

– Я сказала: нельзя!

Родька потянул у неё тапочки.

– Чего ты трусишь! Пусть наденет. Ты видела в цирке аттракцион «Человек-невидимка»?

– Не видела.

– То-то и оно, что не видела! Там тоже один пиджак по манежу ходит!

– Домовой? – взволновался Топало.

– Никакой не домовой. Законы физики. Там знаете сколько техники! Одних инженеров человек пятьдесят! – Родька снова потянул тапочки, но Зойка спрятала их за спину.

- Нельзя!
- Заладила: нельзя, нельзя! А в цирке можно?
- В цирке понарошке, – сказала Зойка. – А над Топало нечего смеяться. Понятно?
- А зачем он тогда нужен? Если бы у меня был домовой, я бы в школе такое устроил!..
- И тут он почувствовал, как его приподняли над палубой и тотчас отпустили, как будто он сам подпрыгнул.
- Вот брошу в воду, – спокойно сказал Топало.
- Родька надулся. Зойке тоже не хотелось с ним разговаривать. Они стояли, отвернувшись друг от друга.

ЛЕТАЮЩИЕ РЫБЫ

В это время Зойкина мама Валя Капелькина сидела на скамеечке и душевно беседовала с капитаном Петровым, который тоже сошёл на берег прогуляться.

– Вот вишню опять купила, – говорила мама-Капелькина. – Зоя её очень любит.

– Славная у вас дочка, – отвечал капитан Петров.

– У вас такая трудная работа, устаёте, наверное? – спрашивала мама-Капелькина.

– Нормальная работа, – улыбался капитан. Зойкина мама тоже улыбалась.

Зойка очень обрадовалась, увидев, что мама сидит на одной скамеечке с капитаном. Она тут же присела рядом с ними. А семья Мельниковых пошла на рынок. Родька всё время оглядывался. Ему тоже очень хотелось посидеть с капитаном. Но мама тянула его за собой.

Торговля на рынке уже пошла на спад, но как только появились отдыхающие с пляжа, торговцы снова оживились.

– Покупайте окуня, свежего окуня! – закричал загорелый парень в майке. – Только что поймал!

– А вот и купим! – К парню подходил Павел Михайлович Федулин.

Мельниковы тоже подошли посмотреть на окуня.

– С килограмм будет, не меньше! – хвастался парень. – До того силён, чуть не ушёл!

Окунь бился в ведре с водой. Он то затихал, то с новой силой выбрасывал своё тело вверх, отчаянно пытаясь вырваться из плена.

– Попросим повара, чтобы для всего нашего стола сварили уху, – сказал Федулин.

– Вы возьмите вместе с ведёрком, – сказал продавец Федулину. – Отдадите повару окуня и ведёрко вернёте, подожду.

Федулин взял ведро с рыбой и очень довольный пошёл на теплоход.

– Ждём вас, товарищ капитан, на уху, – пригласил он Петрова, проходя мимо.

Топало тоже услышал эти слова. Он подошёл к Федулину, заглянул в ведро.

– Будет тебе уха! – пробормотал Топало.

И вдруг на глазах изумлённого Федулина окунь выпрыгнул из ведра, пролетел, как на крыльях, несколько метров и ушёл в воду.

– Будет тебе уха! – снова пробормотал Топало.

– Летающая рыба! – прошептал Федулин. Ноги его подкосились, и он опустился на землю.

Капитан Петров сидел не двигаясь. Да, он тоже собственными глазами видел, как рыба выпрыгнула из ведра, сверкнула на солнце и полетела к воде. Видел, но поверить сам себе не мог. Он покосился сначала на Зойку, потом на её маму. Они улыбались как ни в чём не бывало. Капитан потёр лоб, стараясь привести свою голову в порядок.

Зойке очень хотелось сказать капитану, чтобы он не переживал, что рыбу выбросил из ведра Топало, но ничего такого она сказать не могла и поэтому делала вид, будто ничего не происходит.

Топало между тем шёл по рынку. Он не на шутку рассердился. Опять эти рыбы попались на крючок! Какие же глупые, какие доверчивые! В реке Кутузовке он одного леща три раза спасал, так нет – на четвёртый раз на червяка клюнул. А в расставленные сети они просто ста-ями идут!

Рыбаки не раз приходили к бабушке Дусе, жаловались: – Опять домовой нашу рыбу в реку выбросил!

На что домовой отвечал:

– Никакая она не ваша.

Когда на реке собирались сети ставить, выходил Топало на берег, призывал самую главную рыбу – усатого сома.

– Сети будут ставить, – предупреждал он.

И ни одной рыбки не доставали рыбаки в сетях. А по всему этому в окрестностях деревни Кутузы совсем перестали рыбачить.

Топало шёл по рынку, заглядывал в ведёрки и выбрасывал из них рыбу в реку.

На рынке произошёл страшный переполох. Кто-то вскочил с места, кто-то застыл на месте. Кто-то кричал: «Рыба летит, рыба летит!» Кто-то слова произнести не мог.

Команда теплохода тоже с изумлением смотрела на это невероятное зрелище. Седой штурман Карпов плавал двадцать лет, а такого ещё не видал и от других не слышал.

ТОПАЛО И ИНОПЛАНЕТЯНИН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Казалось бы, все невероятные истории, которые могли произойти с Топало, уже произошли. Но жизнь непредсказуема. И однажды ранним осенним утром...

Глава первая

ДРУГ ПАНТЕЛЕЙМОН

Ранним осенним утром кто-то постучал в окно. Домовой Топало ещё спал на печке, а чертёнок Тришка похрапывал на кровати. Стук раздался снова.

Чертёнок Тришка проснулся, подскочил к окну.

– Ой, ой, ой! – завопил он.

– Поспать этот чертёнок не дает, – проворчал Топало, слезая с печки. – Может, кто-то тебя укусил?

– Никто меня не укусил, – прошептал чертёнок. – Посмотри в окно... Там такое!.. – И его зелёные глаза округлились.

Топало выглянул в окно и некоторое время молчал. Чертёнок стал его дёргать.

– Гости залётные! – произнёс Топало.

Тришка его не понял. Он только видел, что перед домом на лужайке стоит что-то незнакомое и странное. Такое блестящее, круглое, и свет голубоватый от него исходит.

– Да не трясись ты! – сказал Топало. – Это космический корабль. Не первый уже на моём веку. Однажды, тогда бабка Дуся еще в девках бегала, вот такая же «тарелочка» приземлилась около бани. А девки в бане мылись. Как увидели это чудо, чуть кипятком не ошпарились.

– Ой, я тоже бы кипятком ошпарился, как девки! –

продолжал трястись чертёнок, хотя ему стало уже не так страшно.

В это время неизвестно когда и откуда у корабля появился дядька с бородой. Здоровый, в чёрной болоньевой куртке, кирзовых сапогах. Он заложил два пальца в рот и свистнул, как разбойник.

– Ба! Да это же Пантелеймон! – воскликнул Топало. Он радостно потопал из избы встречать неожиданного гостя.

– Топало! – дядька с бородой пошёл навстречу, раскинув руки для объятия. (Заметим в скобках, что неизвестный, видимо, обладал даром видеть домового воочию.)

Они встретились, как старые друзья. Обнялись, поцеловались.

– Ты, Пантелеймон, совсем не изменился с тех пор, как прилетал к нам последний раз, – сказал растроганный Топало.

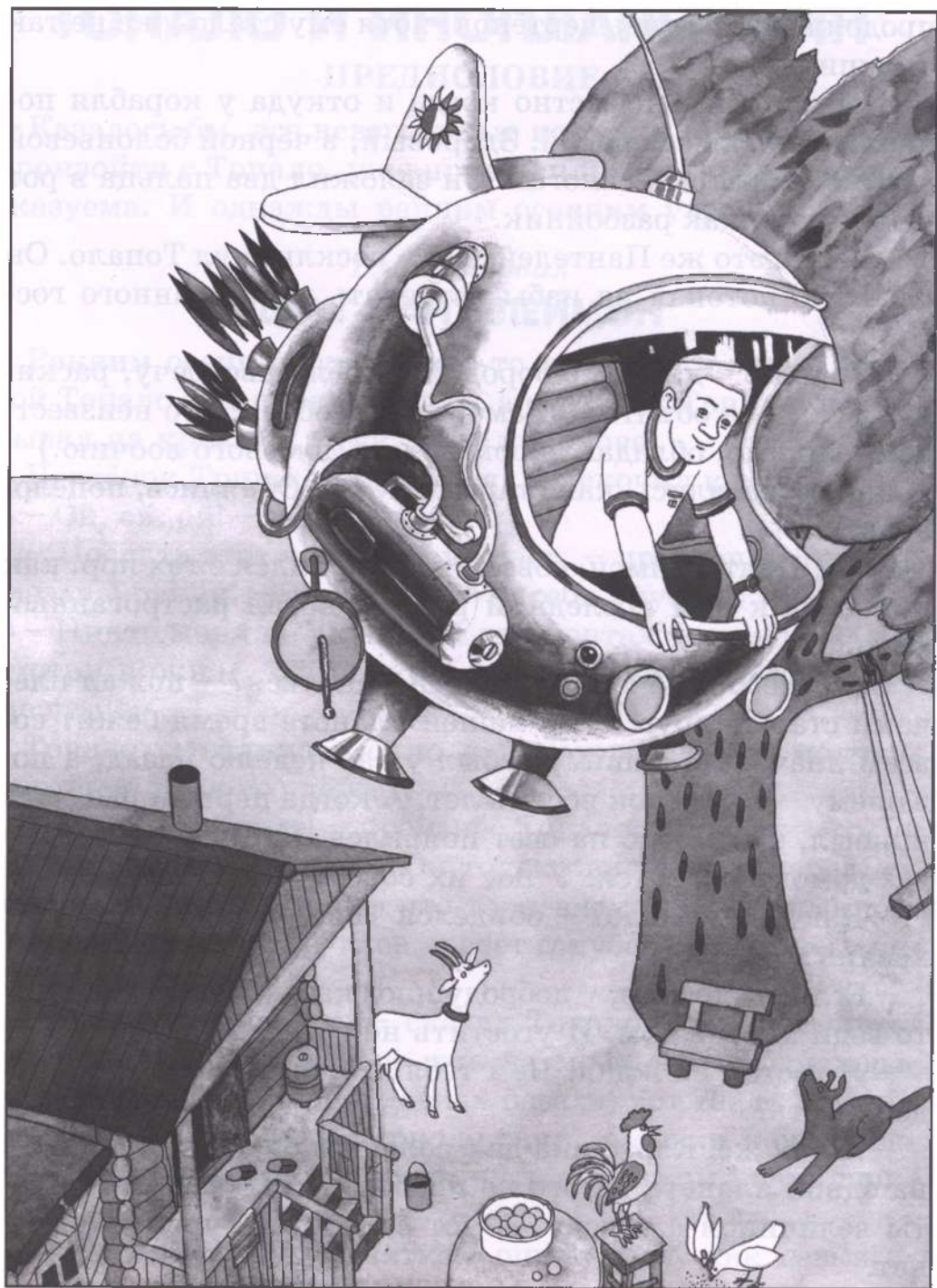
– А отчего и почему я должен меняться? – пожал плечами старый друг. – На нашей планете время бежит совсем иначе. По-нашему я был у вас неделю назад, а по-вашему – уже сорок восемь лет. А когда первый раз сюда прибыл, ты только на свет появился. Не знаю, откуда у вас домовые берутся. У нас их совсем нет. И не надо.

– Как это не надо? – обиделся Топало. – А кто в доме хозяин?

– Если ты хозяин, – добродушно сказал Пантелеймон, – то веди меня в дом. И угостить не грех.

– Я гостей не ждал. Чем тебя угощать? Картошку будешь есть?

– А как же! Картошка да с солёным огурчиком! Эх! Ни на одной планете такого не пробовал. Там разные фрукты величиной с голову. А вот солёного огурчика нигде нет.

– На других планетах, наверное, и водочки к огурчику не дают?

Пантелеймон промолчал. Но было видно, что о других планетах он невысокого мнения.

Чертёнок Тришка за этой странной встречей наблюдал из окна и ничего не понимал.

Топало с Пантелеймоном вошли в дом.

Гость низко поклонился, как раньше кланялись деревенские мужики.

– Знакомься, Пантелеймон, – сказал Топало. – Это чертёнок Тришка. Член семьи.

– Ха! Раньше черти в семьях не жили. Меняется жизнь!

– А ты, Трифон, веди себя почтительно, – строго наказал домовый чертёнку. – Это не кто-нибудь, а инопланетянин!

– Я буду очень почтителен, – пообещал Тришка.

Топало поставил на стол картошку и солёные огурцы. Пантелеймон снял куртку, аккуратно повесил на гвоздь. Стащил сапоги, поставил их у порога и остался в носках.

– А где твоя хозяйшкa? – спросил он домового.

– Бабка Дуся в город уехала погостить. Дочь ее, Валентина, наша Валька, квартиру получила. Она замужем за моим лучшим другом капитаном Петровым! – с гордостью сообщил он. – Зойка сейчас у них будет жить. – Топало вздохнул. – Не хотела ехать в город. А куда денешься? Мать родная зовёт. Ревела Зойка, меня уговаривала с ней ехать. А как я дом брошу? И всю природу...

Пантелеймон слушал, ел картошку, похрустывал огурчиком.

– Пантелеймон, а что ты такой простецкий? – спросил Топало. – Ну, будто наш деревенский. На Ваньку-конюха похож. Хоть бы приделся. Как-никак с другой планеты.

– Так запрограммировано, – сказал инопланетянин Пантелеймон. – Это от меня не зависит. Если я приземлился у вас в деревне – значит, я деревенский, ничем не выделяюсь от местного населения. Может, я того и не хочу, но не моя воля. Я не могу изменить программу. Вот совсем недавно я вернулся с планеты Н. Это недалеко, слева от вас. Там проживают одни учёные, вечно что-то выдумывают, изобретают. Так вот на планете Н. я был известным академиком. Моя внешность там была исключительно интересной. Голова лысая, то есть очень умная. Нос длинный и прямой, губы крепко сжаты. Это говорит об упорстве в науке. Мои выводы о перемещении тел в пространстве известны там каждому школьнику.

– А сейчас ты можешь рассказать об этом перемещении? – спросил Топало.

– Понятия не имею об этих перемещениях, – с облегчением произнёс Пантелеймон. – Зачем они мне нужны? – пожал он плечами. – Мне больше нравится у вас в деревне. Лягу на полянку в лесу, смотрю в космос. Думаю: что делает моя жена, где носятся дети-обормоты?

Пока они разговаривали о том да о сём, солнце уже поднялось. Заглянуло в окошко. Волосы Пантелеймона стали золотистыми, они покрывали голову, как щётка.

– Ого, засиделся я с тобой! – Пантелеймон встал. – Мне пора, Топало! У меня очень серьёзная задача. Я запрограммирован на город. Нужна информация о мыслительном уровне вашего городского населения.

– Население разное, – заметил Топало.

– Интеллигенция всякая меня не интересуется. Об интеллигенции у нас информации избыток. Мне простого человека подавай!

– Мне-то что, – сказал Топало. – Изучай кого хочешь.

Кота Филимона изучи, у него тоже мыслительный уровень.

– У меня тоже мыслительный! – выглянул из-за печки чертёнок Тришка.

– Программа будет заложена, всех изучу, – пообещал инопланетянин. – А пока будьте здоровы! К вечеру вернусь. Ночевать у вас буду. Баньку истопим. Ох, люблю баньку!

– Тришка баньку истопит. А ты возьми меня с собой в город, – попросил Топало. – Я всего в городе два раза был. Может, на улице Зойку встретим... Но самое главное, что я тебе скажу, Пантелеймон, очень мне хочется на твоём корабле высоко над землёй подняться, посмотреть, чего там в небесах делается.

– Ничего не делается. Лететь-то тут десять с половиной секунд. Ну да ладно. Прокачу тебя на своей «тарелочке». Иди, жди меня в кабине.

Топало наказал загрустившему чертёнку Тришке топить к вечеру баню, а сам с достоинством пошёл к кораблю.

Дверцы корабля бесшумно открылись, и Топало с удовольствием залез в кабину и плюхнулся в мягкое кресло. Замечательно! Он даже в самолёте ни разу не летал, только мечтал об этом, а тут сразу в космос! Зойка не поверит, а Родька умрёт от зависти.

Где там Пантелеймон? Пора лететь.

Дверцы корабля снова бесшумно открылись, и Пантелеймон сел на своё место. Но это был уже не тот Пантелеймон в кирзовых сапогах.

Рядом с ним сидел некто в скафандре. Лицо закрыто. Только светятся глаза, как у кошки. Топало поёжился. – Пантелеймон! – окликнул он. – Пантелеймон.

Но некто в скафандре головы не повернул. «Завезёт на

другую планету! – испугался Топало. – Не увижу больше Кутузы и дом родной. Бабка Дуся меня потеряет...»

Топало уже хотел обратно вылезти. Но в это время корабль поднялся вверх.

Топало прильнул к окну, круглому, как иллюминатор на теплоходе. Посмотрел, но ничего не увидел. Где она, Земля? Нет Земли. Вокруг серо-голубое безжизненное пространство.

– Пантелеймон, это и есть космос?

Некто в скафандре промолчал.

«Не надо было в космос летать, – жалобно подумал Топало. – А надо было картошку копать. Кто сейчас картошку выкопает?»

Но как следует Топало не успел расстроиться. Глянул в окно – внизу город раскинулся. А ещё через несколько секунд их корабль приземлился в городском парке.

Никто из гуляющих «летающую тарелку» почему-то не заметил. Она словно слилась с воздухом и была невидимой. Только вдруг прошёл ветер. Вздрогнули деревья, закружились листья, взвились вверх птицы. И снова стало тихо.

Дверцы корабля открылись. Топало выпрыгнул на землю.

Вот те на! Нигде никакого корабля. А под ногами лежит металлическое колесо. На вид лёгкое. Он двинул его ногой. Не тут-то было. словно неведомая сила притянула его к земле. Чудеса и только: корабль превратился в колесо! Такое даже домовому не снилось. Топало ещё раз пнул колесо.

– Не трогай его! – раздался голос Пантелеймона. – Лежит – значит, лежит. Когда надо – полетит.

– Полетит, полетит! – проворчал Топало. – Что-то я не видел, чтоб колёса летали! – Он оглянулся на Пантелей-

мона и чуть не упал. Перед ним стоял забулдыга лет тридцати. Брюки помяты, рубашка помята, пиджак помят, и лицо помято. Только блестящие золотистые волосы не соответствовали его облику.

– Это ты, Пантелеймон? – спросил потрясённый Топало.

– Я, я! Кто ж ещё?

– Ты зачем превратился в забулдыгу?

– Так запрограммировано. Я тоже бы хотел быть приличным человеком и есть мороженое. А сейчас выпить хочется. С похмелья.

– С какого похмелья? Ты только что из космоса.

– Так запрограммировано. Наука требует жертв.

Гуляющие на Пантелеймона смотрели с подозрением. Вид его, понятно, не вызывал доверия. К тому же вёл он себя странно: сам с собой разговаривал. Ну разве кто-то мог представить, что этот дядя неряшливого вида – инопланетянин, и говорит он не сам с собой, а с домовым. Нет, такую картину никто представить не мог, потому что известно, что домовые не существуют, а инопланетяне к нам не прилетают.

Пантелеймон огляделся. Он отметил, что вежливый народ гуляет в парке имени Горького, детей за ручку водят или в колясочке катают, сидят под тентом, минеральную воду пьют, улыбаются. Замечательный город! У населения высокий мыслительный уровень.

Тут он заметил на скамейке парня, который пил вино прямо из бутылки. Пантелеймон вежливо подкатил к нему.

– Извините, конечно, – приторно-извиняюще сказал он. – Но очень в горле пересохло.

– На! – сказал парень, отдал ему недопитую бутылку и пошёл.

– Бескорыстный человек! – восхитился Пантелеймон. Он допил бутылку и сразу повеселел.

– «Зайцы косят траву, трын-траву на поляне!» – громко запел Пантелеймон и пояснил приятелю-домовому: – Это гимн нашей прогрессивной планеты. Мои дети-обормоты ещё не знали слов «папа» и «мама», а песню вовсю напевали. С колыбели.

– Я тоже знаю этот гимн, – похвастался Топало. – Зойка пела. Он не удержался и своим хриплым голосом пропел: «А нам всё равно, а нам всё равно!..»

– Замолчи! – прошептал инопланетянин. – Ишь народ шарахается.

Народ шарахался. Кое-кто падал в клумбу, в цветущие астры, не понимая, что происходит, недоумевая: на скамейке сидит один человек, сам с собой разговаривает, а потом поёт разными голосами.

Пантелеймон сделал вид, что чинно идёт по тропинке, разглядывая окружающую действительность. «Колесо обозрения», карусели и ещё всякая ерунда. У них на планете всё это тоже было в доисторические времена.

А домовому, наоборот, хотелось на всём покататься, всё разглядеть. Но Пантелеймон был суров и крепко держал Топало, поскольку он для него был видимый и ускользнуть не мог.

Топало был недоволен. И чего он должен за инопланетянином по пятам ходить? Да ещё с забулдыгой?

– Тебя зачем сюда прислали? Мыслительный уровень населения изучать? А у тебя никакой науки, – проворчал Топало.

– Я и изучаю! Как-никак в настоящее время я тоже население.

Он отошёл в сторонку, глянул в небо, погладил свои

золотистые волосы и произнёс какие-то непонятные слова.

– Информация передана! – сообщил он.

Поскольку Топало хотелось ворчать, то он и проворчал:

– У нас кот Филимон тоже очень любит приврать.

– Я тебе не кот Филимон. – Пантелеймон почесал затылок. – Каждый волосок на моей голове – дороже золота, – произнёс он. – Это сотни антенн. Так я через особый пароль поддерживаю связь с родной планетой. Правда, только в солнечную погоду, – вздохнул он. – Дождь пошёл – связи нет.

Но погода стояла замечательная: золотистые осенние листья украшали деревья, светило нежаркое солнце, ещё били фонтаны и цвели астры. Так что у Пантелеймона с космосом был полный контакт.

О РОДИНЕ, О ДЕТСТВЕ, О ПРИРОДЕ

Родина, трудное военное детство, вечная красота и мудрость природы — вот главные темы творчества пермских поэтов, чьи первые стихи появились в 70–80-е годы. Темы схожи, а стихи — разные, потому что поэтический голос всегда неповторим.

АНАТОЛИЙ ГРЕБНЕВ

БЕССМЕРТНИК

Отрывки из поэмы

Если пристальной в детство взглядеться,
Никого ни за что не виня,
Вроде не было, не было в детстве
Ни единого светлого дня.

С фронта прядали вороны-вести,
Нам до этого нуждышки нет:
Голосянку свою: «Мамка, ести-и-и...»
Вчетвером мы тянули чуть свет.

Мать сметала последние крошки:
Ни мучинки в дому — хоть убей! —
И слезами скрепляла лепёшки
Из мякины, жмыхов, отрубей.

Моя детская память жива!
Материнские вижу я руки.
Еле-еле кружат жернова,
Не муку мама мелет, а муку.

...В чёрном поле разбилась звезда.
Дышит август сполохами страшно.
И пришла, не спросилась беда –
Отворяй ворота нараспашку.

И упала ты, криком крича,
И подстреленной утицей билась...
«Лучше в петлю, чем жить...» – сгоряча,
Полоумея с горя, решилась.

Только дед от тебя – ни на шаг:
«Не дури и не думай об этом.
Переможешься. Малые дети...
Ведь не шутка – война», – говорил.

...Если пристальной в детство взглядеться,
Никого ни за что не вина,
Не припомню я всё-таки в детстве
Ни единого чёрного дня.

*

Теплится в тумане зорька,
Гнётся удилко дугой,
Ходит-бродит краснопёрка
На лесе волосяной.

Не порвись, стерпи, леса!
Не сорвись, красавица!
Вытащил, а сердце тоже
Рыбкой трепыжается!

Хлеба крошку насажу.
Сам немножко откушу.
Я на озере зорюю,
Сорожняк сижую ужу.

Хлебца мало – ничего,
Дотяну до вечера.
Мне домой нельзя без рыбы –
Дома шамать нечего.

Из-за леса выплывает
Краснопёркой солнышко.
Потихоньку прибывает,
Пестерёк мой полнится.

Хоть задача не проста –
Надо штук не меньше ста,
Да ведь я везучий страшно –
Знаю рыбные места.

Сколько мне? А сколько есть.
Может, семь. А может, шесть.
Но одно я точно знаю –
Рыбу очень вкусно есть.

«Ну и парень – весь в отца,
Мамка удивляется. –
Не бывал пустой ни разу», –
Тётке Тане хвалится.

*

Сенокосная весёлая пора.
Сумасшедшая июльская жара.
На покосе моя мама – гребея.
Не последний здесь помощничек и я.

На Желанке я верхом руковожу,
Сено я на волокуше отвожу.
Сено сухо. Шелковина, пыреёк.
Ты выруливай меж кочек, паренёк.

Из лощины по веретейке к стожью
Дёргай левую и правую вожжу.
А не то, нерасторопного, сполне
Граблевищем здесь огреют по спине.

Пить охота. В горле сухо-сухота.
Да терпи, пока у стога суета.
А под вечер с пацанами вперебой –
Прямо в Пижму с крутояра головой.
...А на ужине с большими я сидел –
Заработал я свой первый трудовень!

ИВАН ЛЕПИН

ОЖИДАНИЕ

О незабвенный день Победы
Незабываемой весны!
Я помню:
Вот солдаты едут
В товарняках домой с войны.

Стучат колёса...
Катят...
Катят...
Везут солдат по спинам шпал.
А что же батя мой не едет?
В бою жестоком батя пал.

Его под Витебском не стало –
Нам похоронка вручена.
Но я бумаге верю мало,
Хоть и казённая она.

Не устаю считать вагоны,
Опять надеюсь,
Жду опять...
Ремни мелькают
И погоны,
Медали солнышком блестят.

Торчу на станции подолгу,
Где суета
И толкотня.
Скажи мне кто тогда:
«Без толку», –
Смертельно ранил бы меня.

РЕЧУШКА

Не течёт она –
Искрится,
Между камешков скользя.
Так мелка,
Что утопиться
Даже курице нельзя.

Бабы в ней бельё полощут,
Хвалят,
Речкою горды:
«Вы попробуйте на ощупь –
Мягче нашей нет воды».

Нету в ней путёвой рыбы –
Пескари лишь да ерши,
А деревня вся «спасибо»
Говорит ей от души.

Потому что лучшей нету,
Шире нету никакой,
Потому что Волга – где-то,
А вот эта – под рукой.

АЛЕКСАНДР ГРЕБЁНКИН

*

Нет!
Эти строки не случайны:
В них память сверстников моих,
Ребят, родившихся в начале
Сороковых.

Отцов на двадцать лет моложе –
Для мирной жизни рождены,
Мы все в какой-то мере тоже
Прошли дорогами войны.

Мы тоже мёрзли,
Голодали,
Со смертью виделись не раз.
Беречь отцовские медали
Сыновья совесть учит нас.

Она ведёт по жизни круто.
И каждой праздничной весной
Огни победного салюта
Горят всё ярче над страной.

Маме

Возле речки синий ельник,
Старый ивовый плетень...
До чего ж светло в деревне –
Даже ночь, что ясный день.

И лежит, как на ладони,
Вся округа на виду:
Возле речки бродят кони,
Утки плавают в пруду.

Вот опять я – мать честная! –
Вдоль по улице иду.
Вслед, уздечкою бряцая,
Конь шагает в поводу.

Блещет медная уздечка,
Конь мотает головой:
Видно, чует, что на речку
С ним иду на водопой.

Я от радости пылаю,
Мне исполнилось шесть лет.
Смотрит мама молодая
Мне с улыбкою вослед...

Что прошло – не повторится,
Я не верю в чудеса.
...Снится ельник,
Конь мне снится,
Снятся мамины глаза.

* * *

Я рос на суровом Урале
В одной деревушке глухой.
Там зори такие пылали,
Что страшно бывало порой.

Там солнышко в небе сияло,
Густая плыла синева.
Там ноги в лугах мне ласкала
Росой молодая трава.

Там песни звучали такие,
Легко и привольно дыша,
Что с ними навеки к России
Моя прикипала душа.

МИХАИЛ СМОРОДИНОВ

ДОРОГА К ДОМУ

Иду домой полями сжатыми
с корзинкой полною грибной.
Осенний луч за провожатого
От рощи тянется за мной.
Одним лучом тем зыбко высвечен
Парок, идущий от земли.
Одним лучом туманно вычерчен
И контур города вдали.
В овраг спускаюсь.
Ключ.

Колодина.
Тропинка в узелках корней...
Хоть город мне родня и родина,
А поле кажется родней.

* * *

Я понимаю подорожник.
Ах, сколько раз, ах, сколько раз
Копыто иль каблук сапожный
Его затаптывали в грязь!
Железный обод по листу –
Как по глазам, как по лицу.
А он, забыв свои увечья,
В час, если к людям боль пришла,
Врачует раны человечьи,
Не помня зла,
Не помня зла...

ЛУГ В РОСЕ

Зелёно-жёлто-бело-синий,
Всё освещающий вокруг,
Владеет он целебной силой –
Ромашковый уральский луг,
Иду – и сердце защемила
Та радость, что сродни тоске.
Живёт благодаренье миру
В душе, росинке, стебельке.
И бессловесные народы –
Букашки, птицы и зверьё, –
И мы – не пасынки природы
И все любезны для неё.

Она души живой не ранит,
Печали радостью леча.
Вон даже солнце росы тянет
Через соломинку луча.

СЛУЧАЙ

У цветных городских афиш,
Там, где ветер шерстит бумагу,
Гладил робкой рукой малыш
Нарисованную собаку.
На афише она спала,
В лапы давнюю грусть уткнула,
Но от ласки вдруг ожила
И в ладонь малыша лизнула.
Два созданья одной земли
Наконец-то нашли друг друга.
И пошли они, и пошли,
И свернули они за угол...

ФЁДОР ВОСТРИКОВ

ГРАЧИ

Апрель. И вот похолодало,
Вернулся будто бы февраль.
Метель лохматая удало
Под утро выбелила даль.
Но вдруг грачи – бог весть откуда,
С каких далёких берегов, –
Как неожиданное чудо,
Возникли посреди снегов.

Не веря снежной круговерти,
Мы говорим: «Пришла весна!..»
Как не поверить нам в бессмертье
Саврасовского полотна?!

СКАЗОЧНИК

Проветрился малость –
За городом был.
Плутовку-усталость
Под ёлкой забыл.
Тоску-небылицу
Сосной укачал.
Умылся водицей
Лесного ключа.
Травинку с травинкой
Сплетал васильком.
По мягким тропинкам
Ходил босиком.
И солнышко в красках
Держал на весу...
А главное, сказку
Подслушал в лесу.

СЛОВО К УЧИТЕЛЮ

Материал хрестоматии «Литература Прикамья» даёт представление о развитии и состоянии литературы Прикамья почти за вековой период. Это определяет и композицию хрестоматии: при адресном подразделении материала (для 1–2-х и для 3–4-х классов) внутри частей учитывались годы жизни и творчества авторов. Выбор самих произведений продиктован учётом читательских интересов младших школьников, высоким уровнем художественности текстов, желанием привлечь внимание детей к культуре, истории, природе, людям, судьбам родного края, вызвать чувство гордости за свою малую Родину.

Составители книги не регламентируют порядок чтения произведений, так как их расположение обусловлено историко-монографическим принципом.

Учитель на основе этой хрестоматии может составить свою программу чтения в зависимости от сформированности читательских умений в классе, от возможностей учебного процесса.

Мы предлагаем разные варианты организации чтения сборника.

Первый вариант. Произведения пермских писателей можно включить в темы, обозначенные составителями действующих учебных книг. Однако все учебники по чтению сейчас претерпевают изменения, строятся по разным принципам, поэтому учителя будут испытывать трудности, определяя место изучения данных произведений.

Второй вариант. В течение учебного года можно выделить несколько недель для знакомства с материалом. В рамках этого варианта уроки целесообразно строить «по авторам», но так, чтобы каждый был представлен во всех классах.

Третий вариант. Произведения читаются на уроках внеклассного чтения, органично включаясь в общую программу предмета.

Независимо от избранного варианта чтения, учителю необходимо видеть в перспективе всю программу, а у детей в результате её реализации должно сложиться общее представление о пермской литературе, её создателях, тематике произведений, их содержании.

За дополнительным биографическим и литературоведческим материалом рекомендуем обращаться в методические и библиографические отделы библиотек.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателям	4
-------------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Для тех, кто учится в 1-м или во 2-м классе

Легенды, сказки, песенки, считалки, потешки народов Прикамья	6
Пера и Зарань. <i>Коми-пермяцкая легенда .....</i>	<i>7</i>
Русские детские песенки. <i>Перевёл Л. Кузьмин .....</i>	<i>11</i>
Башкирские детские песенки. <i>Перевёл Л. Кузьмин .....</i>	<i>14</i>
Татарские детские песенки. <i>Перевёл Л. Кузьмин .....</i>	<i>16</i>
Удмуртские детские песенки. <i>Перевёл Л. Кузьмин .....</i>	<i>19</i>
Коми-пермяцкие детские песенки. <i>Перевёл Л. Кузьмин .....</i>	<i>22</i>
Снегурочка. <i>Русская сказка. Записал А. Спешиллов .....</i>	<i>26</i>
Медвежья нянюшка. <i>Коми-пермяцкая сказка. Пересказ Л. Кузьмина .....</i>	<i>28</i>
Лапти-скороходы. <i>Удмуртская сказка. Пересказ М. Булатова .....</i>	<i>35</i>
Акъял-батыр. <i>Башкирская сказка. Обработка А. Платонова .....</i>	<i>41</i>
Умная сова. <i>Мансийская сказка. Пересказ Н. Гессе и З. Задунайской .....</i>	<i>51</i>
Воробьёв В.И.	56
Сказки	57
Самого сильного в траве не видать	57
Лиса и волки	59
Как Дед Мороз парад принимал	62
О том, как Лежебока Неохоткин работягой стал	65

Давыдычев Л.И.	68
Многоотрудная, полная невзгод и опасностей жизнь Ивана Семёнова, второклассника и второгодника. <i>Отрывок из повести</i>	69
Лёлишна из третьего подъезда. <i>Отрывок из повести</i>	75
Исаев В.И.	82
Лосёнок. <i>Рассказ</i>	83
Кузьмин Л.И.	86
Бумажный самолётик	87
Как до небес добраться	88
Возвращение Слона	90
Ветер и Туча	94
Пермяк Е.А.	96
Сказки из книги «Дедушкина копилка»	96
Для чего руки нужны	96
Как Маша стала большой	97
Четыре брата	97
Шумливое море	98
Телегина В.Ф.	100
Утро	100
История про шнурок с голубого ботинка	101
Пастушонок	104
Черепашик	105
Окно	106
Сорок пять слонов	107
Трутнева Е.Ф.	108
Стихи	109
Мама	109
Ходит-бродит осень	109

Первая пороша	110
Морозный ветер	111
Белкин дом	111
Сказки	112
Зелёный листик	113
Тумбасов А.Н.	114
<i>Рассказы из книг «Капельки» и «Дрёма луговая»</i>	115
Облёт	115
Драчун	115
Смелый гриб	116
Братцы	116
Обиженная белка	117
В шубах и шапках	117
Вестник	118
Телеграмма	118
Шапки набекрень	119
Ширшов Б.В.	120
Баллада о возвращении	121
«Когда-то в детстве для свистка...»	124
Вруны	125
Загадки	126

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Для тех, кто учится в 3-м или в 4-м классе

Астафьев В.П.	132
Зорькина песня. <i>Рассказ</i>	133
Баталов В.Я.	138
<i>Рассказы из книги «Край мой милый». Переводы</i>	
<i>В. Муравьёва</i>	139
Родник	139
Ковёр	140

Мудрец	140
Берёзовые люстры	141
Журавли	142
Ночная радуга	143
Бианки В.В.	144
Два белых, третий – как снег. <i>Рассказ</i>	145
Поганки. <i>Рассказ</i>	147
Воробьёв В.И.	151
<i>Рассказы из книги «Я не придумал ничего»</i>	151
Папа меня побил	151
Обида	153
На одном коньке	154
Жених	157
Мой дневник	159
Бывают ли на свете чудеса	165
Гайдар А.П.	170
Четвёртый блиндаж. <i>Рассказ</i>	171
Голубков М.Д.	192
Бронниковы. <i>Рассказ</i>	193
Домнин А.М.	206
Про лысого царя Нептуна, гоголь-моголь и цепных акул, которые умерли от смеха. <i>Сказка</i>	207
Последний дракон. <i>Сказка</i>	212
Каменский В.В.	216
Первые стихи. <i>Глава из книги «Путь энтузиаста»</i>	217
Землянка. <i>Отрывок из повести</i>	221
Климов В.В.	224
Пылай, пылай! <i>Рассказ</i>	225

Кузьмин Л.И. Рассказы	231
Беглец	231
Эх ты, ворона!	243
Мальчик. <i>Быль</i>	245
Мамин-Сибиряк Д.Н.	250
В каменном колодце. <i>Рассказ</i>	251
Осоргин М.А.	264
Времена. <i>Отрывки из автобиографического повествования.</i> Детство	265
Стихи о войне. Мамонтов К.Я., Домовитов Н.Ф.	278
Радкевич В.И.	282
«Вечно Каме по жизни народа струиться...»	283
«В каждой сосенке сердцем узнан...»	283
Решетов А.Л.	284
Зёрнышки спелых яблок. <i>Отрывок из повести</i>	285
Стихи	288
«Осень кроткой была, что зорюшка...»	288
«Когда топорами стучат по берёзам...»	288
Иволга	288
Стужа	289
«Снова в наших палестинах...»	289
Первый снег	290
«Я русской осенью дышу...»	290
«Эти тихие речки под тонкой слюдою...»	290
«Золотые врата, мелодично звеня...»	291
Селянкин О.К.	292
Дорога в бессмертие. <i>Быль</i>	293
Спешилов А.Н.	298
Приключения Белки в Саянской тайге. <i>Главы из повести</i>	299

Фадеев Т.П.	302
Руки матери. <i>Рассказ</i>	303
Христолюбова И.П.	316
Загадочная личность. <i>Рассказ</i>	317
Топало. <i>Главы из повести-сказки</i>	323
Топало и инопланетянин. <i>Глава из новой повести</i>	340
О Родине, о детстве, о природе. Стихи пермских поэтов	350
Гребнев А.Г. Бессмертник. <i>Отрывки из поэмы</i>	350
Лепин И.З. Ожидание. <i>Речушка</i>	353
Гребёнкин А.А. «Нет! Эти строки не случайны...». «Возле речки синий ельник...». «Я рос на суровом Урале...»	355
Смородинов М.Р. Дорога к дому. «Я понимаю подорожник...». Луг в росе. <i>Случай</i>	357
Востриков Ф.С. Грачи. <i>Сказочник</i>	359
Слово к учителю	361

Учебное издание
ЛИТЕРАТУРА ПРИКАМЬЯ

Хрестоматия для начальной школы

Составители
Нина Петровна Петрова
Ольга Петровна Суркова

В издании использованы иллюстрации из книг Пермского книжного издательства разных лет выпуска (художники В. Аверкиев, Р. Багаутдинов, В. Вагин, В. Кадочников, Н. Кацпаржак, С. Ковалёв, О. Коровин, А. Куманьков, С. Можаяева и др.) и книг издательства «Детская литература».

Редактор *А. Зибзеева*
Художественный редактор *С. Можаяева*
Компьютерное исполнение – *В. Роткин*
Корректор *А. Полякова*

Подписано в печать 24.05.02.
Формат 70×90¹/₁₆. Гарнитура SchoolBook.
Печать офсетная. Тираж 1500 экз. Заказ № 1850.

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93 — 953000.
Издательство «Книжный мир». Лицензия ИД № 04155 от 02.03.2001 г.
614039, г. Пермь, ул. Пушкина, 66
Телефон (3422) 12-24-33

Издательско-полиграфический комплекс «Звезда».
614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

Л Литература Прикамья: Хрестоматия для начальной школы/Составители
Н. П. Петрова, О. П. Суркова. — 3-е изд. — Пермь: «Книжный мир», 2002. — 368 с.

ББК 84 (2Рос-Рус)1+84(2Рос-Рус)6+84.2

Л 64

ISBN 5-93824-001-8

